



В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...



Дидактические
материалы
по литературе

8


ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО



В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...

**Дидактические
материалы
по литературе**

8 класс

**Пособие для учащихся
общеобразовательных организаций**

7-е издание

Москва «Просвещение» 2014

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83.3(0)я72
К68

6+

Художник *Ю. В. Христин*

Коровина В. Я.

К68 Читаем, думаем, спорим... Дидактические материалы по литературе. 8 класс : пособие для учащихся общеобразоват. организаций / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 7-е изд. — М.: Просвещение, 2014. — 288 с.: ил. — ISBN 978-5-09-025398-7.

Эта книга — дополнение к учебнику «Литература. 8 класс» В. Я. Коровиной, В. П. Журавлева, В. И. Коровина. В книгу включены интересные материалы о писателях и произведениях, изучаемых в 8 классе, а также произведения для внеклассного чтения, викторины, кроссворды, богатый иллюстративный материал.

Книга предназначена для учащихся 8 класса для самостоятельного чтения, а также для работы в классе под руководством учителя.

УДК 373.167.1:82.0
ББК 83.3(0)я72

Учебное издание

**Коровина Вера Яновна, Журавлев Виктор Петрович,
Коровин Валентин Иванович**

ЧИТАЕМ, ДУМАЕМ, СПОРИМ...

**Дидактические материалы по литературе
8 класс**

Центр гуманитарного образования

Редакция русского языка и литературы

Зав. редакцией *С. И. Красовская*. Редактор *Л. Б. Миронова*

Художественный редактор *А. П. Присекина*. Технический редактор
и верстальщик *Н. Н. Реньева*. Корректоры *Е. Н. Следнева, С. В. Николаева*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01.

Подписано в печать 23.06.14. Формат 60 × 90^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 16,59. Тираж 5000 экз. Заказ № 38353 (К—Sm).

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в филиале «Смоленский полиграфический комбинат»

ОАО «Издательство «Высшая школа»

214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, д. 1

Тел.: +7(4812) 31-11-96. Факс: +7(4812) 31-31-70

E-mail: spk@smolpk.ru <http://www.smolpk.ru>

ISBN 978-5-09-025398-7

© Издательство «Просвещение», 2011

© Художественное оформление.

Издательство «Просвещение», 2011

Все права защищены

ОТ АВТОРОВ

Вы уже познакомились с новым курсом литературы по нашему учебнику. В нём рассказывается о литературе, о тесной связи её с отечественной историей.

Среди писателей, произведения которых включены в учебник, есть авторы, чьи рассказы, повести и стихотворения вы читали ранее. Познакомьтесь вы и с новыми для вас авторами. Может быть, их произведения покажутся более сложными и потребуют больших усилий, труда и таланта для того, чтобы понять и по-настоящему осмыслить то, с чем обращается к нам автор, какие мысли и чувства хочет он пробудить в каждом читающем.

Именно поэтому мы хотели бы открыть книгу «Читаем, думаем, спорим...» статьёй детского писателя Самуила Яковлевича Маршака, обращённой к вдумчивому и талантливому любителю книги.

О ТАЛАНТЛИВОМ ЧИТАТЕЛЕ



С. Я. Маршак

Поговорим о читателе. О нём говорят редко и мало. А между тем читатель — лицо незаменимое. Без него не только наши книги, но и все произведения Гомера, Данте, Шекспира, Гёте, Пушкина всего лишь немая и мёртвая груда бумаги.

Отдельные читатели могут иной раз ошибочно судить о книгах, но за Читателем в большом, собирательном значении этого слова — и притом на протяжении более или менее продолжительного периода времени —

всегда остаётся последнее слово в оценке литературного произведения.

Правда, оценка книги, утвердившаяся на известный срок, очень часто меняется. Какая-нибудь будка, расположенная вблизи, может заслонить башню, стоящую вдали. Но рано или поздно мы осознаём этот обман зрения и начинаем представлять себе литературные величины в более правильных масштабах.

Время идёт, одно поколение сменяет другое, и каждое из них по-своему оценивает дошедшее до него литературное наследство. И если прозаик или поэт сохраняет своё значение и вес в течение веков, то это объясняется не тем, что они были однажды зачислены в ряды гениев и классиков или увековечены воздвигнутыми в их честь монументами, а тем, что и новые поколения признают их ценными и нужными для жизни.

А бывают случаи, когда книга, мирно лежащая у нас на полке, постепенно и незаметно теряет своё обаяние. Она как бы уничтожается, сливаясь с другими, ей подобными.

Решает судьбу книги живой человек, читатель.

Все струны, которыми владеет автор, находятся в сердцах у читателей. Иных струн у автора нет. И в зависимости от качества игры на этих струнах они отзываются в душах людей то глухо, то звонко, то громко, то тихо.

Об этом не надо забывать, когда мы говорим о языке, о словаре поэта.

Слова и сочетания слов связаны в нашем сознании со множеством самых сложных ассоциаций и способны поднять со дна нашей души целый мир воспоминаний, чувств, образов, представлений.

А это зависит от того, что у самого автора на душе и за душой и насколько он владеет той мощной словесной клавиатурой, которая приводит в движение струны читательских сердец.

И дело тут не только в тонком и основательном знании языка, какое бывает у лингвистов.

В поисках наиболее выразительного, единственного, незаменимого слова поэт или прозаик обращается не к одной лишь памяти, как врач, припоминающий латинские названия лекарств.

Слова расположены в нашем сознании не так, как в словарях, не порознь, не по алфавиту и не по грамматическим категориям. Они тесно связаны с многообразными нашими чувствами и ощущениями. Нам не придёт на память гневное, острое, меткое словцо, пока мы по-настоящему не разгневаемся. Мы не найдём горячих, нежных, ласковых слов, пока не проникнемся подлинной нежностью. Вот почему Маяковский говорит о добыче драгоценного слова «из артезианских людских глубин».

Это отнюдь не значит, что поэту нужны для выражения чувств какие-то необычные, изысканные, вычурные слова.

Найти самое простое и в то же время самое меткое слово подчас гораздо труднее.

Вспомните описание зимнего вечера в чеховском рассказе «Припадок»:

«Недавно шёл первый снег, и всё в природе находилось под властью этого молодого снега. В воздухе пахло снегом, под ногами мягко хрустел снег, земля, крыши, деревья, скамьи на бульварах — всё было мягко, бело, молодо, и от этого дома выглядели иначе, чем вчера, фонари горели ярче, воздух был прозрачней, экипажи стучали глуше, и в душу вместе со свежим, лёгким морозным воздухом просилось чувство, похожее на белый, молодой, пушистый снег...»

Вот какими обычными, всем и каждому известными словами даёт нам ощущение первого снега Чехов. Где же тут словесные «артезианские глубины», о которых говорилось выше?

В лирической сосредоточенности, в скупом и строгом отборе тончайших подробностей, в том ритме, который переносит нас в обстановку зимнего вечернего города.

В сущности, самые простые слова обладают наибольшей силой, если читатель воспринимает их с той свежей непосредственностью, какая свойственна поэтам и детям. <...>

Все пять наших чувств отзываются на те простые и в то же время магические слова, которыми так бережно пользуется в этом отрывке Чехов.

Его зимний вечерний пейзаж будит у читателей столько тонких, милых сердцу ощущений, что они и сами начинают припоминать нечто своё — такое, чего не назвал Чехов.

Читатель перестаёт быть только читателем. Он становится участником всего, что пережил и перечувствовал поэт.

И напротив, он остаётся равнодушен, если автор проделал за него всю работу и так разжевал свой замысел, тему, образы, что не оставил ему места для работы воображения. Читатель тоже должен и хочет работать. Он тоже художник — иначе мы не могли бы разговаривать с ним на языке образов и красок.

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова.

Художник-автор берёт на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель.

Но не всякая книга заставляет читателя, даже самого талантливого, работать — думать, чувствовать, догадываться, воображать.

В жизни нас почему-то пленяют, кажутся нам особенно поэтичными отдалённые звуки — далёкий крик петуха, дальний лай собак, по которому мы узнаём, что где-то впереди деревня, дальний людской говор на дороге или обрывок песни, доносящийся к нам издалека. Нам интересно увидеть неизвестных людей в лесу у костра, пламя которого выхватывает из полутьмы их отдельные черты. Проходя по улице, мы иной раз не можем устоять против соблазна заглянуть в освещённое окошко, за которым идёт какая-то своя, нам неизвестная жизнь.

Нам интересно всё, что будит наше поэтическое воображение, умеющее по немногим подробностям воссоздавать целую картину. <...>

С. Я. Маршак

• *Поразмыслиаем над прочитанным*

1. Наш учебник по литературе для 8 класса начинается статьёй о взаимосвязи русской литературы и истории. Понять особенности такой взаимосвязи можно, когда внимательно читаешь, когда размышляешь над прочитанным. Словом, многое зави-

сит не только от писателя, но и от усилий самого читателя. Об этом замечательно сказал С. Я. Маршак. Вы прочитали его статью. Как вы поняли её? На что обратили внимание? Подготовьте пересказ статьи.

2. Постарайтесь выбрать из статьи цитаты, которые показались особенно важными и необходимыми.
3. Почему С. Я. Маршак внимательного и вдумчивого читателя называет *талантливым*? Как вы думаете, что он имеет в виду? Постарайтесь дать устный портрет талантливого читателя, опираясь на прочитанную статью.
4. Как вы понимаете сравнение С. Я. Маршака: «Какая-нибудь будка, расположенная вблизи, может заслонить башню, стоящую вдали»?
Что хотел сказать нам писатель?
5. На какие слова, по мнению писателя, откликаются «все пять наших чувств»?
6. Вспомните статью учебника о взаимосвязи русской литературы и истории. Чем объяснить, что связь истории и литературы была всегда важна для писателей? В каких произведениях, прочитанных в 5—7 классах, рассказывалось об исторических событиях в России и событиях в других странах мира? Какие произведения вам запомнились? Почему именно они нашли отклик в вашей душе?
7. Как оформлялись старинные книги? Кто принимал участие в их создании? Расскажите об украшениях, используемых в оформлении таких книг. Что обозначают слова:

- *обрез,*
- *тиснение,*
- *застёжка,*
- *буквица,*
- *заставка,*
- *оклад,*
- *миниатюра?*

Что мы называем в современной книге:

- *оглавлением,*
- *сносками,*
- *эпиграфом,*
- *титлом,*
- *форзацем,*
- *обложкой?*

Какую работу в процессе издания книги выполняют:

- *автор,*
- *редактор,*
- *корректор,*
- *художник,*
- *технический редактор?*



РУССКОЕ УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Произведения устного народного творчества входят в курс каждого класса: в 5-м — *предания и народные сказки*, в 6-м — *обрядовый фольклор и пословицы*, в 7-м — *пословицы и былины*, в 8-м — *народные песни, предания и частушки*. В каждом из классов в большей или меньшей степени идёт разговор о *пословицах и поговорках*.

В 8 классе мы повторим все ранее известные нам жанры устного народного творчества и познакомимся с *народными песнями, частушками и преданиями*.

Какие виды (жанры) народных песен вы слышали по радио, исполняли вместе со своими родителями? Какие виды песен привлекают вас?

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Исторические песни

Начало собирания и изучения русских народных песен восходит к XVII веку. В 1619—1620 годы для английского путешественника Ричарда Джемса были записаны тексты нескольких песен, в том числе и историческая песня-плач, передающая горестные мысли царевны Ксении Годуновой, предчувствующей свою печальную судьбу после смерти её отца, царя Бориса Годунова, и захвата Москвы войсками Лжедмитрия (Гришки Отрепьева).

ПЛАЧ КСЕНИИ ГОДУНОВОЙ

Сплачется мала птичка,
Белая пелепёлка:
«Ох-ти мне, молоды, горевати!
Хотят сырой дуб зажигати,
Моё гнёздышко разорити,
Мои малыи дети побити,
Меня, пелепёлку, поимати».
Сплачется на Москве царевна:

«Ох-ти мне, молоды, горевати,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гриша Отрепьев Рострига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постритчи,
Чернеческой чин наложити!
Ино мне постритчися не хочет,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будет тёмна келья,
На добрых молодцов посмотрити.
Ино ох милые наши переходы!
А кому будет по вас да ходити
После царьского нашего жития
И после Бориса Годунова?
Ах милые наши теремы!
А кому будет в вас да седети
После царьского нашего жития
И после Бориса Годунова?»

• Поразмышляем над прочитанным

Одним из самых выразительных художественных средств русской народной поэзии является *психологический параллелизм*, при котором сопоставляются образы из мира природы и чувства, переживания героя песни. Особенно красивым поэтически является психологический параллелизм, в котором мир природы изображается в виде целостной художественной картины.

Найдите в тексте песни «Плач Ксении Годуновой» пример психологического параллелизма. Можно ли назвать его *развёрнутым*? Как вы думаете, с какой целью использован этот приём, характерный для лирических произведений, в исторической песне? К какому роду поэзии можно отнести это произведение — к лирике, эпосу, а может быть, это лиро-эпическое произведение? Обоснуйте свой ответ.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

* * *

Ивушка, ивушка, зелёная моя!
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?
Или те, ивушку, солнышком печёт,
Солнышком печёт, частым дождичком сечёт,
Под корешок ключева вода течёт?

Ехали дворяне из Новагорода,
Срубили ивушку по самый корешок,
Начали ивушку потёсывати,
Вытесали из ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку;
Сели они в лодочку, поехали домой.
Наши приехали: здорово ли живёшь?
Взяли, подхватили красну девицу-душу;
Стали они девушку спрашивати:
— Девица, девица, красавица моя!
Что же ты, девица, не весела сидишь?
Али ты, красная, думаешь о чём?
— Как же мне, девице, весёлой быть,
Весёлой быть, ещё радошной!
Что это у батюшки повыдумано,
У родимой матушки повыгадано:
Меньшую сестру наперёд замуж дают.
Меньшая сестра чем же лучше меня,
Лучше меня али вежливее?

* * *

Ах вы, ветры, ветры буйные,
Вы, буйны ветры осенние,
Потяните вы с эту сторону,
С эту сторону, со восточную,
Отнесите вы к другу весточку,
Что нерадостную весть, печальную.



Русская деревня. Гравюра А. Мартынова. 1820-е гг.

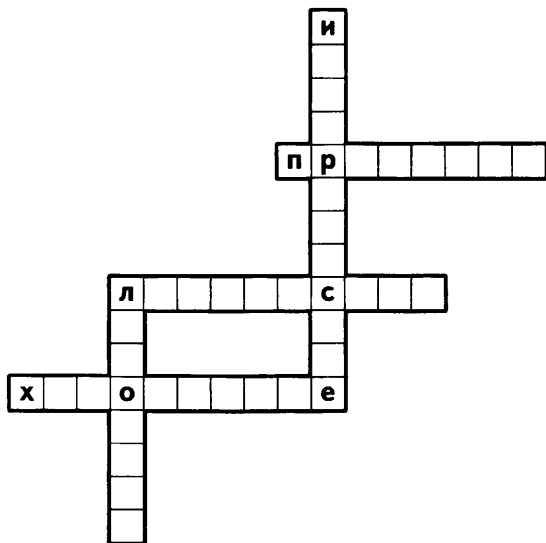
Как вечер-то мне, младёшеньке,
 Мне мало спалось, много виделось.
 Нехорош-то мне сон привиделся:
 Уж кабы у меня, младёшеньки,
 На правой руке, на мизинчике,
 Распаялся мой золот перстень,
 Выкатался дорогой камень,
 Расплеталася моя руса коса,
 Выплеталася лента алая,
 Лента алая, ярославская,
 Подареньице друга милого,
 Свет дородного добра молодца.

Песня напоминает свадебное причитание; образы распавшегося перстня, косы с расплетённой лентой, которые привиделись во сне, — примета нежелательного замужества.

Кроссворд на тему

«Русские народные песни. Предания»

Какие жанры народных песен вы знаете?



ЧАСТУШКИ

*

Зазвенели колокольчики,
Затопал вороной.
Ты готова ли, сударушка, —
Приехал за тобой.

*

Ты, родима матушка,
Родила бы камушком,
Опустила б в морюшко —
Не знала б дочка горюшка.

*

Чужедальняя сторонushка
Не мёдом полита,
Она не сахаром посыпана —
Слезами залита.

*

На реке большая прорубь,
Пьёт водицу сизый голубь;
Он напьётся, полетит,
Ему никто не запретит.

*

Я у мамки корки ела,
За работой песни пела,
У свекрови чай пила,
За столом слёзы лила.

*

Милый мой, моя утеха,
Я любила, ты уехал,
Ты уехал воевать,
Меня оставил горевать.

*

Что-то бело пролетело,
На моё окошко село.
Белая касаточка,
Осталась я солдаточка.

*

На чужой сторонushке
Солнышко не греет.
Без родимой матушки
Никто не жалеет.

*

Прощай, горы, прощай, лес,
Прощай, звёздочки с небес,
Прощай, синие моря,
Прощай, милая моя.

*

Гуси-лебеди крылаты;
Сдали милых во солдаты.
Полетели-крякали;
По милым девки плакали.

• *Поразмышляем над прочитанным*

1. Постарайтесь разучить и спеть хором в классе одну из русских народных песен. Попробуйте определить, какая это песня — *лирическая необрядовая (семейная, любовная, шуточная, плясовая и др.), обрядовая (календарная, свадебная)*. Какие художественные особенности избранной вами песни вы могли бы назвать?

2. В народных песнях часты повторы отдельных слов и целых строк. Как вы думаете, почему этот стилистический приём характерен именно для песен? Подтвердите свой ответ примерами из учебника.
3. Особенностью художественного стиля народных песен являются *постоянные эпитеты*. Попробуйте вспомнить, какие эпитеты чаще всего определяют следующие слова:

... девица,	... печаль,
... молодец,	... головушка,
... кудри,	... травушка,
... очи,	... сокол,
... коса,	... куст,
... брови,	... берёза,
... слеза,	... друг.

4. *Частушка* — самый оперативный, самый меткий жанр песенного творчества. Краткость и злободневность отмечают эту коротенькую песенную реплику. Попробуйте сочинить 2—3 частушки на тему жизни класса, школы. А если найдутся желающие, проведите частушечное состязание в классе: кто больше сочинит частушек, у кого они окажутся более складными и меткими.

ПРЕДАНИЯ

О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ РОССИИ

ПЁТР И ПЛОТНИК

Царь приезжал в Воронеж корабли строить, за то ему и памятник в Воронеже поставлен. Сказывали, что он иногда вроде как рабочим был: сам рубил и пилил.

Созвали в Воронеже лучших плотников и всех к работе приставили. И был среди них лучший из лучших мастер. Вот начали работать, работает с ними и Пётр. А мастеру и невдомёк, что с ним работает сам царь, думал, какой-нибудь новичок из приезжих. Посмотрел он, как Пётр плотничает, и выругал его крепким словом: то не так, другое не эдак. Стал ему показывать, и Пётр быстро всё перенял. А когда стали шабашить, он и говорит мастеру:

— Хоть ты меня и крепко ругал, но я зла на тебя не имею, спасибо за науку.

Снял со своей руки кольцо и отдал мастеру.

— Носи, говорит, да вспоминай, что науку царю преподавал.

ЦАРЬ ПЁТР И СОЛДАТ

Был царь Пётр в Воронеже, и захотелось ему на охоту сходить. На охоте он приотстал. Идёт по лесу, дорогу ищет, а навстречу ему солдат.

— Откуда, служивый? — спрашивает Пётр.

— Да вот, батюшка, на побывку ходил. А ты кто будешь?

— Да я дальний, — говорит Пётр, — вот заблудился, помоги выбраться на дорогу.

Ладно. Идут они вместе, а Пётр и пытается солдата, как ему живётся, доволен ли службой.

— Служить, — говорит солдат, — согласны; трудно-ва-то, да обтерпится; одно плохо: начальники — скоты и уж дюже круты, о солдатские спины палки ломают, зубы вышибают, а сам знаешь — солдат в неволе, что хлеб без соли, ешь, но не в охотку.

— А вы, — говорит Пётр, — царю бы жаловались.

— До царя-то, — отвечает солдат, — далеко. Вот десять лет служу, а царя так и не видел.

— Хорошо, — говорит ему Пётр, — исполнится твоё желание.

Спросил он у него полк и как зовут его, всё записал. Приходит солдат к себе в казарму, а его требуют к царю.

— Ну, — думает солдат, — пропала моя голова.

Привезли солдата и велели ему в сенях подождать, а потом и в горницу позвали. Входит солдат, а перед ним сам царь стоит, а с лица точь-в-точь как тот человек, что в лесу повстречал.

— Вот, — говорит ему Пётр, — ты и царя увидел. Правду ты мне сказал. Проверил я — большие у вас непорядки.

Наградил Пётр солдата и отпустил.

• *Продолжаем знакомиться с преданиями...*

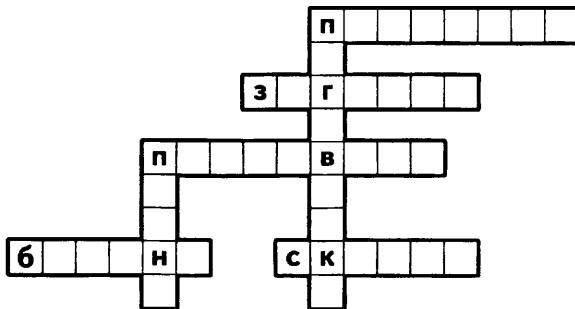
1. Какие *предания* вам особенно запомнились?
2. Подготовьте пересказ текстов преданий с учётом жанрового своеобразия, особенностей стиля, жанра. Постарайтесь воспроизвести интонацию, необходимую для сказывания преданий.
3. Для каких жанров фольклора характерны такие слова и словосочетания: *сказывали, приотстал, служивый, обтерпится, горница, слово молвить, сторонюшка, привиделся?*
Составьте предложения, используя перечисленные выше слова.

4. Попробуйте поспорить с автором одного из преданий. Приведите аргументы: того, о чём рассказывается в предании, не могло быть в действительности, или, напротив, оно могло быть.

● *Проверьте себя...*

1. Перечислите известные вам *жанры фольклора*. С какими из них вы познакомились впервые в 8 классе?
2. Какие виды *народных песен* вам известны? Кто герои *исторических песен*? Назовите художественные особенности народных песен.
3. Попробуйте написать собственный текст на школьную тему в форме одного из жанров фольклора (*пословицы, поговорки, загадки, сказки, былины, скороговорки, песни, частушки*), используя особенности жанра (например, *постоянные эпитеты, гиперболы, повторы, зачины* и т. д.).
4. Создайте рисунок или устную иллюстрацию к одному из текстов (*песни, предания, частушки, сказки*).
5. Подготовьте кроссворд на одну из тем: «Герои русских народных сказок», «Герои былин», «Герои преданий», «Герои исторических песен».
6. Разгадайте кроссворд.

Кроссворд на тему «Жанры фольклора»





ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вы познакомились на уроках с двумя произведениями древнерусской литературы. Как они называются? К каким видам повести относятся? Кто их герои? Что осуждают и что прославляют в них авторы? Расскажите об одном из героев.

Что показалось вам особенно поучительным или интересным в характерах или поступках героев?

Познакомьтесь ещё с одним произведением древнерусской литературы — «Житием Сергия Радонежского» (с. 18). Читая житие, подумайте над вопросами: о чём хотел поведать нам автор? Какие слова из прочитанного текста вам хотелось бы запомнить и использовать в своей разговорной речи? Как часто используем мы слова и словосочетания: *добрый подвиг, добронравные родители, постигал грамоту, научи меня и вразуми, смиренно, исполнена скорби, льготы даровал, был наречён, обретались, пощадили, благоговение* и пр.? Какие из этих слов полезно было бы включать в разговорную речь и сейчас?

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СЛОВ О ГЕРОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Для русского человека отношение к святому преподобному Сергию Радонежскому, основателю Троицкого монастыря, особое, душевное и родственное. Мысль об особом почитании Сергия русскими людьми так выразил писатель XX века Борис Зайцев:

«Его спокойная, чистая и святая жизнь наполнила собой почти столетие. Входя в него скромным мальчиком Варфоломеем, он ушёл одной из величайших слав России.

Как святой, Сергей одинаково велик для всякого. Подвиг его всечеловечен. Но для русского в нём есть как раз и нас волнующее: глубокое созвучие народу, великая типичность — сочетание в одном рассеянных черт русских.

Отсюда та особая любовь и поклонение ему в России, безмолвная канонизация в народного святого, что навряд ли выпала другому»¹.

¹ Зайцев Б. Преподобный Сергий Радонежский // Жизнь и житие Сергия Радонежского. — М., 1991. — С. 192.

Отец Павел Флоренский, учёный, богослов, писатель XX века, назвал Сергия Радонежского «Ангелом земли Русской»¹.

Сергий Радонежский (ок. 1321—1392) был выдающимся церковным деятелем XIV века. В лесах недалеко от села Радонежа под Москвой он создал крупнейший русский монастырь (впоследствии — Троицкую лавру), а его ученики основали десятки других монастырей по всей Руси. Среди них такие известные, как Андроников, Симон, Савво-Сторожевский и др. Сергий был сторонником единства Русской земли, к его помощи и авторитету прибегали московские князья в переговорах с удельными князьями, противящимися объединению русских земель и возвышению Москвы. Имя Сергия навсегда связано с победой русских войск над монголо-татарами, это он, по преданию, благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву. Таковы внешние факты жизни и деятельности Сергия Радонежского. Изложенные кратко и по-деловому, они мало что открывают нам в его облике и не объясняют той всеобщей любви и того поклонения, которыми пользовался троицкий игумен у русских людей.

«Житие Сергия Радонежского» написано в 1417—1418 годах его учеником Епифанием Премудрым — человеком, духовно близким Сергию и бережно хранящим в памяти всё связанное с его именем. Почти четверть века потихоньку, без спешки Епифаний собирал и записывал «в свитки и тетради» рассказы о жизни Сергия. В пространным вступлении к «Житию...» он так пишет о своих источниках:

«Всё, что я услышал и узнал, — отцы сказали мне, кое-что от старцев я слышал, и кое-что своими глазами видел, и кое-что из уст самого Сергия слышал, и кое-что узнал от человека, прислуживавшего ему немалое время и лившего воду на руки его, и кое-что ещё слышал от брата его старшего Стефана...»

Согретое светом памяти людей, близко знавших Сергия и любивших его, «Житие...» получилось удивительно тёплым, проникновенным.

В. Охотникова

¹ Флоренский П. Троице-Сергиева лавра и Россия // Там же. — С. 276.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Удивляюсь я: сколько лет минуло, а жизнь старца Сергия не описана. Никто не дерзнул писать о нём: ни дальний, ни ближний, ни больший, ни меньший¹. Больший — не соизволил, меньший — не осмелился.

После преставления старца я, окаянный и дерзкий, дерзнул начать писать о жизни его, говоря сам себе: я пишу для себя, для памяти и для пользы. И вот за двадцать лет готовы главы, одни — в свитках, другие — в тетрадах, не подряд, но что было сперва — написано после, что было после — написано сперва.

Узнав доподлинно, что никто не пишет о нём, я стал помышлять и рассуждать: как же его тихая и чудная и добродетельная жизнь останется неописанной; и, размышляя так, я в недоумение был погружён, и печалию огорчён, и мыслью удивлён, и желанием побеждён. Нельзя оставить жизнь такого мужа неописанной и молчанию преданной. Вот и подумал я: боюсь, если я не напишу, то буду осуждён, как в притче ленивый раб, скрывший талант свой и обленившийся. Сергей, добрый старец, всегда подвизался на добрый подвиг и никогда не ленился. Мы же не только сами не подвигаемся, но и готовые труды описывать ленимся. Итак, начинаю писать о жизни старца.

1. РОДИТЕЛИ СЕРГИЯ

Хочу сказать о временах и годах, когда родился Сергей. Было то в земле Русской, в княжестве Великом Тверском, при великом князе Дмитрие Михайловиче², при митрополите Петре³ всея Руси, когда была рать Ахмулова⁴.

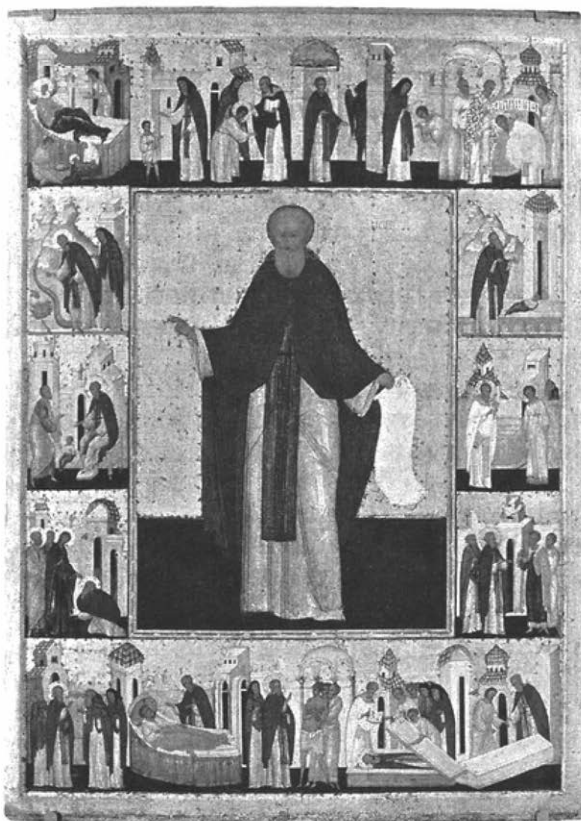
Сей добрый старец Сергей родился от добронравных и доверенных родителей — Кирилла и Марии. Отец Сергия был боярин ростовский, о чём скажем после. Было у Ки-

¹ *Большой, меньший* — большие и меньшие по общественному положению.

² *Дмитрий Михайлович* (по прозванию Грозные Очи) — великий князь Тверской (годы княжения 1322—1326).

³ *Митрополит Пётр* — первый русский митрополит, перенёсший митрополию из Владимира в Москву.

⁴ *Рать Ахмулова* — имеется в виду разорение Твери, Ростова, Ярославля и других городов войсками Ахмула, посла от золотоордынского хана Узбека в 1322 году.



«Сергий Радонежский с житием». Икона.
Последователь Дионисия XVI в.
Музей древнерусского искусства
им. Андрея Рублёва. Москва

рилла и Марии трое сыновей: старший — Стефан, второй — Варфоломей, во иночестве Сергий¹, и младший — Пётр.

2. КНИЖНОЕ УЧЕНИЕ

Отрок Варфоломей рос, развиваясь душою и телом и духом и исполняясь разума. Когда достиг он семи лет, родители отдали его учиться грамоте. Братья его, Стефан и Пётр, быстро изучили грамоту. Варфоломей же медленно постигал её, грамота ему не давалась. Учитель учил отро-

¹ *Варфоломэй, во иночестве Сэргий* — Сергий Радонежский. При постриге давалось другое имя. Варфоломей известен в истории под монашеским именем Сергий.

ка с великим усердием, но тот не понимал и не разумел. Это сильно огорчало родителей его, и они много бранили сына, а учитель, видя тщетность трудов своих, его нака- зывал, товарищи же смеялись над ним.

Отрок часто втайне молился со слезами:

— Господи, дай мне грамоту, научи меня и вразуми.

Однажды отец послал его искать жеребят. Пошёл отрок и увидел черноризца, странника незнакомого. Старец стоял на поле под дубом и молился. Отрок смиренно поклонился ему, подошёл ближе и стал возле него, ожидая, когда тот кончит молитву. Старец, увидев отрока, позвал его к себе и благословил.

— Что ищешь и чего хочешь, сын мой? — спросил он.

— Больше всего жажду научиться грамоте. Отдали меня учиться, но душа исполнена скорби, ибо учусь грамоте, а не разумею. Ты же, святой отец, помолись за меня, чтобы постиг я грамоту.

Старец поднял руки и взор к небу и вынул из сумы своей маленький кусок пшеничного хлеба и подал его отроку тремя перстами.



«Видение отроку Варфоломею». Худ. М. Нестеров. 1889—1890 гг.

— Прими и съешь сие, чадо. Будешь разуметь писание.

Отрок открыл уста и съел хлебец, и была сладость в устах его слаще мёда.

И сказал старец:

— Не скорби, чадо, о грамоте. С сего дня будешь читать лучше братьев своих и сверстников.

И поучал его старец о всяком добром. С тех пор Варфоломей познал грамоту, и какую ни разогнёт книгу, ту и мог хорошо читать и разуметь.

3. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЗ РОСТОВА В РАДОНЕЖ

Кирилл, о котором речь шла прежде, жил в Ростовской области, был одним из славных и знатных бояр, и было у него большое богатство. Но напоследок, в старости, он обнищал и оскудел. Обнищал он из-за частых хождений со князем в Орду, из-за частых набегов татарских на Русь, из-за частых послов татарских, из-за тяжких даней и выходов во Орду, из-за частого недорода хлебного, а больше всего из-за великой рати татарской, называемой Туралыковой¹. Через год после сей рати великое княжение досталось князю великому Ивану Даниловичу², а Ростовское княжество присоединилось к Москве.

Горько тогда стало граду Ростову. Горько князьям ростовским, ибо отнята была у них власть и княжение, а честь, и слава, и имущество — всё пошло к Москве.

По повелению великого князя приехал из Москвы в Ростов некий воевода, один из вельмож московских по имени Василий, по прозвищу Кочева, и с ним настала великая нужда всем живущим в городе и гонения умножились. Многие ростовцы вынуждены были отдать москвичам имущество своё. Из-за такой нужды Кирилл и другие ростовцы собрались со всем домом своим и всем родом своим, переселились из Ростова в Радонеж и поселились там близ церкви Рождества Христова, которая и доньше стоит там.

Князь великий дал то село Радонеж своему меньшому сыну князю Андрею, а наместником поставил в нём Терентия Ртицу и многие льготы даровал людям. Ради тех льгот и собрались в Радонеже многие ростовцы.

¹ *Туралыкова рать* — имеется в виду опустошение в 1327 году Твери и городов тверского княжества — Торжка, Кашина и др. в отмщение за смерть Шевкала.

² *Иван Данилович* — Иван I Калита (годы княжения 1325—1340).

4. ЖИЗНЬ В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

Сыновья Кирилла, Стефан и Пётр, женились, юноша же Варфоломей не хотел жениться, но хотел стать иноком. И много раз просил он родителей отпустить его в монастырь. Родители же говорили ему:

— Сын, подожди немного, мы стары и больны и живём в бедности. Некому позаботиться о нас. Братья твои, Стефан и Пётр, пекутся, как бы угодить жёнам, ты же пещься, как бы угодить Богу. Благую часть избрал ты, она не отнимется от тебя. Только послужи нам немного времени, когда же проводишь нас до гроба, тогда исполнишь своё желание.

Добрый юноша обещал им служить до конца их жизни и всячески старался угодить родителям своим и повиновался им во всём, вспоминая слова: «Почитай отца своего и мать и будешь долголетен на земле».

Недолго прожили его родители, и юноша с великой честью предал тела их могиле и покрыл землёю со слезами. И пробыл в доме ещё сорок дней, а потом призвал Петра, брата своего младшего, и оставил ему всё наследие отца, себе же не взял ничего.

Старший брат Стефан скоро овдовел и, оставив мир, стал монахом в монастыре святой Богородицы у Покрова на Хотькове.

5. ОСНОВАНИЕ ТРОИЦКОЙ ОБИТЕЛИ

Юноша Варфоломей пришёл к брату своему старшему, к Стефану, в монастырь и стал просить его идти с ним искать пустынное место для основания обители. Долго ходили они по лесам и пришли на пустынное место, среди лесной чащи, к источнику. Понравилось им то место, и начали они лес рубить и на плечах бревна носить, и построили хижину.

Потом и келью поставили, и срубили небольшую церковь.

Из города Москвы от митрополита Феогноста¹ приехали священники и освятили церковь во имя святой Троицы. Было это при великом князе Симеоне Ивановиче², мнится мне, в начале княжения его.

¹ Митрополит Феогно́ст был преемником митрополита Петра.

² Симеон Иванович — Симеон Гордый, сын Ивана Калиты (годы княжения 1340—1353).

6. УХОД БРАТА В МОСКВУ

Стефан скоро увидел, что в пустыне¹ той труд был тяжёлый, жизнь скорбная, жизнь трудная: во всём теснота, во всём недостатки, ни питья, ни еды; была кругом — пустыня, не было тогда поблизости ни сёл, ни дворов, ни людей, ни дороги, ни проходящих, ни живущих, но вокруг во все стороны был всё лес, всё пустыня. Стефан, видя это, оставил место то и брата своего родного и ушёл в Москву. Поселился он в монастыре Богоявленском, устроил там себе келью и жил в ней добродетельно.

Князь великий Симеон услышал о доброй жизни Стефана и повелел митрополиту Феогносту поставить его в пресвитеры, а потом и в игумены того монастыря.

7. ЖИЗНЬ СЕРГИЯ В ЛЕСУ

Вскоре после ухода Стефана юноша Варфоломей постригся и был наречён Сергием. Было ему тогда двадцать три года. Он был первым чернецом в той пустыне, да скажу — и первый и последний, ибо многие там постригались, но ни один не мог сравниться с ним, многие так же начинали, но не все так же кончали.



«Юность
Сергия Радонежского».
Худ. М. Нестеров.
1892—1897 гг.

¹ Пусты́ня — безлюдное тихое место (отсюда пустынь — маленький монастырь).

Многие потом в той пустыне и при нём и после него иночествовали, но не были равны ему.

Жил Сергей один в пустыне без единого человека, многие звери водились тогда в лесу том. Одни ходили целыми стаями, выли и ревели не только ночью, но и днём. Другие по двое или по трое мимо проходили. Одни ходили далеко, другие приближались к Сергию, окружали его и обнюхивали его. Из них один зверь, называемый аркуда, как говорится, медведь, привык приходить к Сергию. Сергей увидел, что не по злобе приходит к нему зверь, но чтобы взять себе немного пищи, и стал выносить ему из хижины ломоть хлеба, клал его на пень или на колоду, чтобы зверь, придя, мог найти готовую пищу. Брал медведь в пасть ломоть хлеба и отходил. Когда же у Сергия бывал один кусок, он делил его на две части, одну себе оставлял, другую зверю отдавал. Иногда же Сергей отдавал весь кусок медведю, сам предпочитал голодать, чем зверя отпустить без еды. Когда же не было хлеба и медведь, придя по обычаю своему, не находил своего куса, тогда он долгое время не уходил, но стоял, оглядываясь по сторонам, ожидая, как злой заимодавец, хотящий получить свой долг. В те времена у Сергия не было различных яств, только хлеб и вода из источника, и то скудно. Часто и хлеба не было. Тогда оба голодали — и Сергей и зверь. И так много лет приходил к нему медведь.

8. ЗАСЕЛЕНИЕ РАДОНЕЖСКОЙ ПУСТЫНИ

После некоторого времени Сергей привык один одиночествовать в пустыне. И вот через два года или меньше или больше, не знаю, начали приходить к нему братья¹, моля его принять их.

Сергий же говорил им:

— Оставайтесь, но знайте, если хотите жить в пустыне этой со мною, то приготовьтесь терпеть скорби, беды, печали, нужду и недостатки, приготовьтесь к труду, и посту, и к подвигам духовным.

Они же с радостью соглашались на всё и создали каждый себе келью и жили, подражая Сергию в трудах его, каждый по силам своим. Так собралось около двенадцати монахов. Поставили они себе кельи и тыном огородили. Сергей сам три или четыре кельи своими руками создал и всё делал, что требовалось братьям: брёвна из леса на

¹ *Братья* — монахи; здесь: верующие, решившие стать послушниками и монахами.

плечах носил и рассекал на поленья. Да что вспоминаю я о дровах? Лес у них был не так далеко, как нынче. Где келии стояли, там и деревья росли, их осеняя и шумя.

Но вернёмся к прежнему рассказу о подвигах доброго старца Сергия. Он служил братии как купленный раб. Жито толоч и молот в жерновах, хлебы пёк, кашу варил и прочую еду. Обувь и одежду кроил и шил, и от источника под горой в двух водоносах воду носил в гору и каждому у келий ставил, и никогда ни часу не бывал в праздности.

По просьбе братии епископ переяславский Афанасий поставил Сергия в игумены и беседовал с ним, как должно немощи немощных носить, а не себе угождать.

Так стал Сергий игуменом и наставником, но не изменил правил жизни чернеца и был всё таким же трудодельным. Ежедневно пшеницу толоч и молот, муку просеивал, тесто для просфор месил и заквашивал, и кутью сам варил, и свечи скатывал. На всякое дело первым выходил, стараясь быть учителем и делателем. Учил он больше делом, чем словами, собою подавал всем пример.

И с тех пор расцвело место то и умножались братья. Где был прежде лес, чаща, где жили зайцы, лисицы, волки, медведи, где бесы обретались, там теперь стоит большой монастырь, ограждённый стенами. Всему тому начало — старец наш Сергий.

Так жили они, мнится мне, более пятнадцати лет. Потом же, думаю, во дни княжения князя великого Ивана Ивановича¹ множество людей начали приходить через те леса и селиться. Начали рубить леса те, ибо никто не возбранял того. И сделали себе жилища. Не пощадили они лесов тех и превратили их в поля чистые, как и ныне их видим. И построили сёла и деревни, и стали посещать монастырь и приносить в него всё необходимое. А когда начал создаваться монастырь тот, тогда недоставало и воску для свечей; когда пели ночью заутреню, тогда лучиною берёзовою или сосновою светили себе. Сергий же терпел всякую нужду, и тесноту, и скудность, и недостатки с благодарением.

9. О ПОСЕЛЯНИНЕ

Когда слух о жизни Сергия распространился, многие люди стали посещать его и, возвращаясь, рассказывали о нём другим.

¹ *Иван Иванович* — Иван Красный (годы княжения 1353—1359), брат Симеона Гордого, отец Дмитрия Донского.

Слышав о нём, один поселянин, земледелец, живший в своём селе и питавшийся от трудов своих, пришёл изда- лека увидеть игумена. В то время Сергей копал землю в огороде. Поселянин искал его и просил братию указать ему игумена:

— Кто здесь игумен Сергей? Где чудный муж сей?

Они же сказали:

— Он в огороде, копает землю. Подожди немного, он скоро выйдет.

Поселянин хотел скорей увидеть игумена. Он приник к скважине в ограде и, увидев Сергия в ветхой одежде и трудившегося в поте лица, не поверил, что он тот, кого он искал. И снова просил братию показать ему игумена. Когда же Сергей вышел и братья указали на него, поселя- нин отвернулся от него, говоря:

— Вы мне нищего показываете.

В это время некий князь вошёл в монастырь, и было много людей с ним, бояре и отроки, а шедшие впереди ос- вобождали дорогу, и один из них взял того поселянина за плечи и оттолкнул его и от игумена, и от князя.

Князь издалека поклонился Сергию до земли, и Сергей благословил его. И сели они двое, все же стояли подле них.

Поселянин же всё сновал туда и сюда и спросил:

— Кто тот, кто сидит с князем?

— Ты, видно, пришелец. Разве ты не знаешь игумена нашего Сергия? Он и сидит с князем.

Когда вышел князь из монастыря, поселянин покло- нился до земли игумену, а Сергей благословил его, и побе- седовал, и отпустил.

10. О ПОБЕДЕ НАД МАМАЕМ

За грехи наши ордынский князь Мамай поднял всю Орду и пошёл на Русскую землю. И люди были в страхе великом. Тогда на Москве великим князем был велико- державный и достохвальный Дмитрий Иванович¹. Он при- шёл к старцу Сергию спросить его благословения на бой с беззаконными, ибо знал, что Сергей муж добродетель- ный и имел дар пророчества. Старец же благословил кня- зя и сказал:

— Подобаает тебе, господине, заботиться о людях своих и крепко стоять за них. Иди против безбожных, Бог помо- жет тебе, и ты с победою, здоровым, с великой похвалою возвратишься в своё отечество.

¹ *Дмитрий Иванович* — Дмитрий Донской (годы княжения 1359—1389).

И дал Сергей великому князю двух иноков в помощь, Александра Пересвета и Андрея Ослябу.

Получив благословение, князь великий сразу уехал и, собрав всех своих воинов, пошёл против татар. Увидев полки их, великое множество, многие воины были объаты страхом и сомнением. Внезапно в тот час подоспел борзоходец с посланием от Сергея, где написано: «Без сомнений иди, господине, с дерзновением против свирепства их. Поможет тебе Бог».

Послание Сергиево ободрило князя великого Дмитрия и всё воинство его, и выступили против неверных, и сразились с ними. Много воинов пало, но татары были побеждены и побежали. Достохвальный же и победоносный великий князь Дмитрий вернулся в светлой радости во своё отечество. И незамедлительно приходит он к старцу Сергию благодарить его за добрый совет и даёт богатую милостыню в монастырь.

11. КОНЧИНА СЕРГИЯ

Жил добрый старец много лет в добром воздержании и трудах и достиг глубокой старости. Ожидая свою кончину, призывает он братию и вручает старейшинство своему первому ученику, Никону, во всём следовавшему учителю. Годами Никон был молод, умом же зрел. В месяце сентябре занемог старец Сергей и, видя своё преставление, призвал всех братьев и поучал их. Скончался старец в лето 1392, месяца сентября 25-го. Собравшиеся братия плакали и рыдали сокрушённо. И положили честное его тело в обители, которую он создал.

Пересказ Т. Михельсон

● *Поразмыслиаем над прочитанным*

1. Каким предисловием начинается повесть? Почему огорчился автор от того, что жизнь Сергея Радонежского «не описана»? Какой он называет жизнь своего героя?
2. Кто были родители Сергея? Каково было его учение?
3. Чем завершилась жизнь в родительском доме?
4. Почему после основания Троицкой обители брат Сергей ушёл в Москву? Когда Варфоломей был наречён Сергием?
5. Какой эпизод повествования о Сергии произвёл на вас сильное впечатление? Почему?

6. К какому жанру древнерусской литературы можно отнести повествование о жизни Сергия Радонежского (*житийная повесть, воинская повесть, бытовая повесть*)?
7. С кем делился Сергей в лесу своим скудным пропитанием?
8. Почему братья-монахи молили Сергия принять их?
9. Как строились кельи? Как переносил Сергей нужду, тесноту и скудность? Почему никогда не пребывал в праздности?
10. Какая разница между словами: *святой* (духовно-непорочный, чистый), *мученик* (потерпевший до смерти за Христа и за святую веру); *князь* (владелец области, княжества), *боярин* (знатное сословие в государстве)? Кто возводил в сан святых и мучеников? За какие деяния?
11. Расскажите о Сергии, используя важные для этого сообщения слова и словосочетания из текста (*не бывал в праздности, рыдали сокрушённо, благословение* и др.).

БАСНИ И БАСНОПИСЦЫ НАРОДОВ МИРА

«Когда первобытный человек впервые почувствовал себя человеком, он оглянулся вокруг себя и впервые задумался о мире и о себе. По существу, это были два вопроса: как устроен этот мир? Как должен вести себя в этом мире человек?

На первый вопрос человек отвечал себе мифом. На второй вопрос — басней».

(По книге М. Л. Гаспарова «Басни Эзопа»)

Вспомним, что зачатки басен можно найти на клинописных табличках. Начало басенного творчества связывают с древнегреческим поэтом Гесиодом. Особенно знаменитым был древнегреческий поэт и мудрец Эзоп.

Все последующие баснописцы (**Федр, Лафонтен, Крылов** и др.) используют сюжеты, впервые введённые в литературу Эзопом.

Обратим внимание на то, что Эзоп стремится рассказать кратко и выразительно сюжет и точно сформулировать моральный вывод. Лафонтен (французский баснописец, живший в XVIII веке) всячески расцвечивает сюжет, подробно рисует обстановку.

Прочитайте коротенькие басни выдающихся баснописцев. Сравните их, подготовьте собственное рассуждение на материале сопоставлений.



Имя баснописца Эзопа упоминается в древнегреческой литературе в 440—430 годах до Рождества Христова. Согласно легендам, это был старец, участник пиров, мудрый собеседник. Он был раб, но умнее свободных граждан, безобразен, но с прекрасной душой.

Эзоп избирает иносказательный жанр, басня становится в его устах орудием защиты угнетённого народа от знати. Может показаться, что он развлекает слушателей устным рассказом, но на самом деле цель его не развлечение, а *урок*, он хочет передать практическую моральную истину. Отсюда название *эзопов язык* — язык иносказательный.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: «Они ещё зелёные!»

Так и у людей: иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

ВОРОН И ЛИСИЦА

Ворон унёс кусок мяса и уселся на дереве. Лисица увидела, и захотелось ей заполучить это мясо. Стала она перед вороном и принялась его расхваливать: уж и велик он, и красив, и мог бы получше других стать царём над птицами, да и стал бы, конечно, будь у него ещё и голос. Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос; выпустил он мясо и закаркал громким голосом. А лисица подбежала, ухватила мясо и говорит: «Эх, ворон, кабы у тебя ещё и ум был в голове, — ничего бы тебе больше не требовалось, чтоб царствовать».

Басня уместна против человека неразумного.

Перевод М. Гаспарова

Федр

На рубеже века до Рождества Христова и нового тысячелетия

Федр — римский баснописец, писал на латинском языке переложения эзоповских басен.

БЫК И ТЕЛЁНОК

Быку, бодливой головой застрявшему
В калиточке, телёнок стал показывать,
Как повернуться. Бык сказал ему: «Молчи,
Я это знал до твоего рождения».
Запомнив это, не учи учёного.

Перевод М. Гаспарова



Жан де Лафонтен

1621—1695 (1696)

Жан де Лафонтен — французский баснописец, жил во времена правления Людовика XIV. Он автор нескольких сборников сказок, которыми восхищался философ и писатель Вольтер. Но самое значительное и замечательное из всего, что им создано, — это басни.

Лафонтен сам ничего не придумывал, но тем не менее оказался создателем оригинальных, своеобразных басен. Главное для него — повествование, полное жизни, движения, действий, чувств, речей.

Мораль вытекает из его рассказа.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Лис-гасконец, а быть может, лис-нормандец
(Разное говорят),
Умирая с голоду, вдруг увидел над беседкой
Виноград, такой зримо зелёный,
В румяной кожице!

Наш любезник был рад им полакомиться,
Да не мог до него дотянуться
И сказал: «Он зелен —
Пусть им кормится всякий сброд!»
Что ж, не лучше ли так, чем праздно сетовать?

Перевод М. Гаспарова

Готхольд Эфраим Лессинг

1729—1781

Г. Э. Лессинг — немецкий писатель, драматург, критик, баснописец, автор комедий, трагедий.

ОБЕЗЬЯНА И ЛИСА

— Назови-ка мне такого мудрого зверя, которому я не сумела бы подражать! — хвасталась обезьяна лисе.

Но лиса ей ответила:

— А ты назови-ка мне такого ничтожного зверя, которому пришлось в голову подражать тебе.

Писатели моей нации!.. Нужно ли мне выражаться яснее?



Перевод А. Исаевой

• Вопросы и задание

1. Кого можно считать основоположником жанра басни?
2. Что было главным для каждого баснописца (мораль, рассказ, мораль и рассказ)?
3. Сопоставьте басни различных баснописцев, например, на тему «Ворона и лисица». В чём сходство? В чём различие?

• Поразмышляем над прочитанным

Прочитайте рассуждение литературоведа В. И. Коровина. Совпали ли ваши наблюдения с размышлениями учёного?

В баснях Эзопа «Лисица и виноград» и «Ворон и лисица» ясно видно, что автор стремится кратко, но выразительно рассказать сюжет. Лисица, например, оправдывая себя, как бы добровольно отказывается от винограда, который она не может достать. Но эта уловка побуждает баснописца к неожиданному моральному выводу, высмеивающему не только незадачливую лисицу, но и всех людей, неспособных к какому-либо действию и сваливающих свою вину на обстоятельства.

Жан де Лафонтен, напротив, всячески расцвечивает рассказ, у него появляется лис-гасконец (гасконцы, как помним по роману А. Дюма «Три мушкетёра», считались очень хитрыми). Он подробно рисует обстановку и стремится живописно передать привлекательность винограда. У Эзопа сказано об этом гораздо проще. Лафонтен будто бы входит в шкуру лиса, проникается его мыслями, характеризует его от себя. Эзоп и тут ничего не говорит о чувствах и мыслях лисицы, ничего не добавляет от себя о её характере и свойствах.

Наконец, моральный вывод у Лафонтена иной, чем у Эзопа: хотя лису не удалось отведать винограда, но он испытал жалость к себе. Лис у Лафонтена горд и стремится сохранить лицо, прибегая к хитрости.

Так, Лафонтен едва ли не прославляет лукавство и находчивость лиса.

В. Коровин



ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

РУССКИЕ БАСНИ

Русская басня имеет давнюю историю. Басни в русской литературе создавались многими авторами: А. П. Сумароковым, В. К. Тредиаковским, В. И. Майковым, И. И. Хемницером, И. И. Дмитриевым, И. А. Крыловым и др.

Прочитайте небольшие рассказы о баснописцах и их басни, сопоставьте басни различных авторов. Подумайте, в чём их сходство и в чём различие.

ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ ТРЕДИАКОВСКИЙ 1703—1769



В. К. Тредиаковский родился в Астрахани в семье священника. Образование получил в школе монахов, затем три года обучался в московской Славяно-греко-латинской академии. Вопреки настояниям отца, мечтавшего о духовной карьере для сына, поступил в академию в класс риторики (наука о красноречии). Там он сочинил первые стихи и две драмы. Позднее без необходимых средств отправился в Голландию, затем оказывается во Франции, в Париже, где занимается французским языком, знакомится с европейской литературой. Служит в качестве личного секретаря в доме русского посланника князя А. Б. Куракина, одновременно обучаясь в Сорбоннском университете. Вернувшись в Россию, включился в литературную жизнь страны. В. К. Тредиаковский опубликовал много стихотворений и басен.

Умер писатель в Петербурге.

ВОРОН И ЛИСИЦА

Негде Ворону унести сыра часть случилось;
На дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того домочья б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши
И его вещьбу¹ ещё также похваливши,
«Прямо, — говорила, — птицею почту тебя
Зевсовою впредки, буде глас твой для себя
И услышу песнь, доброт всех твоих достойну»,
Ворон, похвалой надмен, мя себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, кракать и кричать.
Чтоб похвал последню получить себе печать.
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всею ты добр, мой Ворон; только ты без сердца мех»².

• Вопросы

1. Как вы думаете, кого высмеивает автор в басне?
2. Как вы объясните устаревшие слова и выражения: *оного, почтивши, впредки, надмен, мя, пристойну, получить себе печать, ободренна, корысть, без сердца мех*? Какие из них могут использоваться в современной речи?
3. Можете ли вы указать на неточности в изображении Ворона?



АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ СУМАРОКОВ 1717—1777

А. П. Сумароков родился в богатой дворянской семье. Первоначальным образованием его занимался отец. Затем будущий поэт окончил военное учебное заведение (шляхетский корпус), был директором Российского театра. Им были написаны

¹ *Вещба́* — прорицание, предсказание, гадание, ворожба.

² «...без сердца мех» — птица без разума.

оды, трагедии, песни и басни. Он создал около четырёхсот басен. Последние годы баснописца прошли в нищете. Указывая в баснях на пороки своих героев, он стремился вызвать смех у читателей и побудить их к искоренению недостатков.

ВОРОНА И ЛИСА

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на дуб села.

Села,

Да только лишь ещё ни крошечки не ела.
Увидела Лиса во рту у ней кусок,
И думает она: «Я дам Вороне сок!

Хотя туда не вспряну,
Кусочек этот я достану,
Дуб сколько ни высок».

«Здорово, — говорит Лисица, —
Дружок, Воронушка, названная сестрица!
Прекрасная ты птица!

Какие ноженьки, какой носок.

И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша!
И попугай ничто перед тобой, душа,
Прекраснее сто крат твои павлиньих перья!»
(Нелестны похвалы приятно нам терпеть.)
«О, если бы ещё умела ты и петь,
Так не было б тебе подобной птицы в мире!»
Ворона горлышко разинула пошире,
Чтоб быти соловьём.

«А сыру, — думает, — и после я поем.
В сию минуту мне здесь дело не о пире!»
Разинула уста
И дождалась поста.

Чуть видит лишь конец лисицына хвоста.
Хотела петь, не пела,
Хотела есть, не ела.

Причина та тому, что сыру больше нет.
Сыр выпал из роту. — Лисице на обед.

• Поразмыслиаем над прочитанным

1. Сравните басни Тредиаковского и Сумарокова. Кем из них выразительнее передана прямая речь Лисицы? У кого похвалы Вороне живописнее и разнообразнее?

2. За что осуждает баснописец Ворону? Кто больше достоин порицания: Ворона или Лисица?
3. Какие слова и выражения в басне Сумарокова могут быть отнесены к устаревшим: *вспряну, паче...* Объясните эти слова и продолжите перечисление устаревших слов.



ИВАН ИВАНОВИЧ ХЕМНИЦЕР 1745—1784

Отец И. И. Хемницера, обрусевший немец, служил полковым лекарем и хотел определить сына во врачебное училище. Но сын неожиданно для всех вступил в армию, принимал участие в Семилетней войне. Литературный успех к нему пришёл с выходом сборника «Басни и сказки». Его

басням была суждена долгая жизнь: их цитировал Пушкин, с похвалой о них отозвался В. Г. Белинский.

Прочитайте его басню «Лев, учредивший совет».

ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СОВЕТ

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
И, посадя в совет сочленами слонов,
Большую часть прибавил к ним ослов.
Хотя слонам сидеть с ослами и неуместно,
Но лев не мог того числа слонов набрать,
Какому прямо надлежало
В совете этом заседать.
Ну, что ж? пускай числа всего бы не достало.
Ведь, это б не мешало
Дела производить.
Нет, как же? а устав ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счётом бы их стало.
Он вот как полагал
И льстился:
Ужли и впрямь, что ум слонов
На ум не наведёт ослов?
Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы слонов с ума свели.

• Вопросы и задание

1. О чём рассказывает басня, от чего предостерегает?
2. В чём мораль басни Хемницера? Не устарела ли она сегодня?
3. Что представляет собой басня по характеру речи (*рассказ, диалог, рассуждение*)?
4. Вмешивается ли автор в рассказ?
5. Знает ли баснописец о том, что думал лев, учреждая совет? Приведите в доказательство своего ответа цитаты из текста басни.
6. Предвидел ли лев плачевный результат? Что осуждает автор? В чём видит главную опасность?

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ МАЙКОВ 1728—1778



В. И. Майков родился в семье военного под Ярославлем. Его отец покровительствовал великому русскому актёру Ф. Волкову, поэтому юный Майков имел возможность постигать театральный мир. Он развивался под влиянием замечательного русского писателя А. П. Сумарокова. Серьёзно воспринял его призывы добиваться большей ясности, чистоты в поэзии.

Василий Майков много сделал для развития жанра басни. Темы майковских басен разнообразны: это и ценность каждого человека, независимо от его сословия, и необходимость мудрого правления и т. д.

Достижения Майкова открыли дорогу новым, смелым поискам его последователей.

По В. Фёдорову

ВОР И ПОДЪЯЧИЙ¹

Пойман вор в разбое,
Имел поличное — колечко золотое,
Которое пред тем с подьячего склевал
В ту ночь, как вор сего воришка разбивал.

¹ *Подьячий* — канцелярский служащий, иногда судебный служащий в учреждениях Российского государства XVI—XVIII веков.

Хотя подьячего так звать неосторожно,
Однако ж взятки их почесть разбоем можно, —
Затем я назвал так.
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник;
Он вора обличал,
Что точно у него кольцо своё узнал,
И с тем ещё других пожитков он искал.
На то в ответ сказал подьячему мошенник:
«Когда меня за то достоин бить кнутом,
Так должно и тебя пытаться, подьячий, в том:
Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося злато?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,
Что я пожитки
У вора крал,
Который всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить;
И если должно нас, так обоих повесить».

• Вопросы и задание

1. К басням кого из баснописцев — В. К. Тредиаковского или А. П. Сумарокова — ближе по своему строю басня В. И. Майкова?
2. Кого сильнее осуждает автор — вора или подьячего и почему?
3. Почему мораль баснописец доверяет произносить вору?
4. Подготовьте выразительное чтение басни.



ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ 1760—1837

И. И. Дмитриев родился в 1760 году на Волге, в родовом поместье неподалёку от Сызрани. Детство его прошло в частных пансионах Казани и Симбирска (ныне Ульяновск). Четырнадцати лет Дмитриев начал военную службу.

В Москве он стал свидетелем казни Емельяна Пугачёва. В царствование Екатерины II Дмитриев дослужился до подполковничьего чина и вышел в отставку. Свою служебную карьеру он закончил при Александре I министром юстиции. Умер в 1837 году.

Сам Дмитриев определил продолжительность своего творческого пути так: «Я начал писать, не зная ещё правил стихотворства...» При жизни поэта вышло в свет несколько собраний его сочинений.

И. И. Дмитриев в своих стихах был чувствительным и раздумчивым, в баснях — нравоучительным, ироничным.

«В стихотворениях Дмитриева, — писал критик В. Г. Белинский, — русская поэзия сделала значительный шаг к сближению с простотою и естественностью — словом, с жизнью и действительностью».

В баснях он объяснял поступки и чувства своих героев и тем самым приближал их к лирическим стихотворениям, широко использовал диалог (разговор) между героями.

По Е. Лебедеву

МУХА

Бык с плугом на покой тащился во трудах;
А Муха у него сидела на рогах,
И Муху же они дорогой повстречали.
«Откуда ты, сестра?» — от этой был вопрос.
А та, поднявши нос,
В ответ ей говорит: «Откуда? Мы пахали!»

От басни завсегда
Нечаянно дойдёшь до были.
Случалось ли подчас вам слышать, господа:
«Мы сбили! Мы решили!»

• Вопросы и задание

1. Благодаря каким словам мы узнаём, что трудился только Бык, а не Муха?
2. Является ли выражение «Мы пахали!» многозначным?
3. Выучите басню наизусть, подготовьте её к конкурсному чтению.



ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

1769—1844

ПОЭТ И МУДРЕЦ

Басни Крылова известны нам с детства. Наша память хранит крыловские образы, и мы без труда обращаемся к ним в самых разных жизненных случаях. То вдруг вспомнится Обезьяна, не узнавшая себя в Зеркале и посмеявшаяся над собственными

ужимками, то неожиданно предстанет перед глазами ничтожная Моська, которая, визгливо лая на Слона, хочет прослыть отважной и сильной. Иногда никак не можешь отделаться от впечатления, что встретился с невеждой Мартышкой, разгневанной на Очки. Не надо напрягаться, чтобы с языка сорвалось и крыловское слово, и крыловская посьвица, и крыловское поучение. Басни Крылова как бы сроднились с нами и живут в нас.

Столь же близок нам и сам Крылов. Мы уверены, что знаем о нём всё. Так повелось издавна, и тому были свои причины. Баснописец вёл жизнь открытую, у всех на виду: служил в публичной библиотеке, бывал на людях, часто печатался, выпуская в свет одну книгу басен за другой. Но вместе с тем не подходил под общие мерки, оставался фигурой колоритной, своеобразной. Уже при жизни слыл милым ленивцем, который после обеда любил подремать в креслах гостиных у друзей; рассказывали, что он нехотя отбывал службу да время от времени пописывал свои басни. Современники, насытив воспоминания о Крылове анекдотами, курьёзными случаями, остротами, суждениями, выраженными в привычной для баснописца уклончиво-притчеобразной форме, оставили нам сравнительно мало доподлинных свидетельств о личности Крылова.

Впрочем, легенда коснулась не только Крылова-человека, но и Крылова-баснописца. Его басни часто толковались как смешные зарисовки, поучительные сценки или затейливые картинки нравов. Но бытующее мнение о детской простоте их содержания обманчиво. Даже у внимательных читателей встречается порой одностороннее и потому не вполне верное представление, против которого возражал уже Белинский. «Многие, — писал критик, —

в Крылове хотят видеть непременно баснописца, мы видим в нём нечто большее».

Для Белинского (и в этом он был прав) Крылов — писатель-мыслитель, философ-сатирик. Но и суждение об исключительно сатирическом характере крыловских басен также недостаточно, потому что к сатире они не сводятся и ею их содержание и смысл не исчерпываются. Сатира — лишь одна, без сомнения существенная, но не единственная их сторона. Часто басни Крылова подразделяют на моралистические, философские и социальные, подразумевая под этим, что в первых высмеиваются общечеловеческие пороки, во вторых преобладают глубокомысленные истины, в третьих — сатира на социальные порядки и отношения. Между тем такое разделение чрезвычайно искусственно, и басни сопротивляются ему. В одной и той же басне крепко спаяны и сатира, и мораль, и философская мудрость.

За кажущейся простотой басен ощущается присутствие интенсивной внутренней жизни, а за чудаковатыми привычками и неординарностью поведения угадывается крупная личность писателя большого философского и социального масштаба.

Вот эту-то напряжённую духовную жизнь и помогают приоткрыть басни. Благодаря им становится ясным поразительное единство Крылова-человека и Крылова-баснописца. Из них мы узнаём о Крылове — патриоте, мудреце, практическом философе, пронизательном наблюдателе русской жизни. Словом, через басни, их конфликты, заключённую в них мораль мы постигаем, как относился Крылов к своей эпохе, к русским нравам, к быту, к литературе, ко всему укладу современной ему действительности, что он в нём осуждал, от чего предостерегал и что поощрял и поддерживал.

Иван Андреевич Крылов начал писать басни уже в зрелом возрасте, будучи известным и опытным литератором — драматургом и прозаиком.

В молодости Крылов — воинственный радикал, задиристый журналист. Он единолично издавал журнал «Почта духов», в котором помещал сочинённые или переведённые им сатирические письма. Несколько позже выпускал вместе «со товарищи» журналы «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий». В конце 1780-х — начале 1790-х годов он стал известен как язвительный сатирик, продолживший традиции просветительской прозы Н. И. Новикова. С первых дней литературной деятельности и до 1810-х годов на сценах домашних и профессиональных столичных театров с успехом шли его комедии «Подщипа» («Трумф»),

«Пирог», «Модная лавка», «Урок дочкам» и комическая опера «Илья-богатырь». Современники по праву видели в Крылове-комедиографе преемника Д. И. Фонвизина.

Дебют Крылова в жанре басни, если не считать первых басен, созданных ещё в конце XVIII века и никак не предвещавших позднейшего триумфа на этом поприще, совпал с патриотическим воодушевлением, охватившим русское общество в первые годы XIX столетия.

В баснях Крылова периода Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года последовательно утверждался народный взгляд на происходившие события: французы — «воры», вторгшиеся в страну ради грабежа и насилия. Народ держался прямой и простой правды, он не хотел слышать ни о каких политических хитросплетениях. Ему не было дела и до дворцовых интриг, связанных с назначением командующего войсками; народ сразу «выбрал» Кутузова, «своего» полководца, который, по народному мнению, только один мог спасти Россию и которому народ безоговорочно вверил свою судьбу.



Иллюстрированные издания басен И. А. Крылова

В басне «Волк на псарне» Крылов обращается к ратному подвигу народа, но избирает для его истолкования обыденный, бытовой случай. Поимка Волка выглядит как бы привычным делом, отлаженным до мелочей, однако опасным и требующим смелости, быстроты, сноровки:

Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.
«Огня! — кричат, — огня!»...

В бытовом происшествии и в войне баснописцу видятся одни и те же неприглядные свойства противника, одни и те же свойства народного характера — решительность, ловкость, энергия.

Басни Крылова об Отечественной войне «превращались в живую историю», донося до простых солдат и всех русских людей истинный смысл событий. В свою очередь, отношение баснописца к Отечественной войне 1812 года как к народной стало следствием коренных перемен в его умонастроении, совершившихся под воздействием Француз-



«Лягушки, просящие Царя». Гравюра по рисунку худ. А. Сапожникова. 1934 г.

ской революции и укреплённых затем опытом народной борьбы с иноземным захватчиком.

Смысл изменений в общественных и литературных взглядах Крылова состоял в том, что, отбросив абстрактные представления о добре и зле, бедности и богатстве, писатель обратился к реальным отношениям людей в обществе и высказал суждения о них исходя из конкретных нравственных оценок. Тем самым он во многом преодолел представления просветителей о роли чистого разума в истории и по-новому взглянул на действительность. Всё это, кстати, и предопределило переход к жанру, долгое время считавшемуся «низким», — басне.

Отныне Крылов смеётся над отвлечёнными, умозрительными, по его мнению, теориями просветителей и прекраснодушными, чувствительными иллюзиями сентименталистов.

Так, в басне «Лягушки, просящие Царя» Крылов подверг сомнению исторический оптимизм просветителей, полагавших, что посредством «головных» теорий можно создать справедливое «разумное» государство.

Однако это не означало, что Крылов принимал существующий порядок. Напротив, он, по свидетельству современников, был убеждён в несправедливости существующего режима, заключающего в себе большое зло. В баснях Крылов отразил своё мнение с исчерпывающей полнотой и несомненной очевидностью. Недаром декабристы видели в Крылове своего союзника. Сам же баснописец внимательно приглядывался к оппозиционным кругам и 14 декабря отправился на площадь, чтобы своими глазами наблюдать восстание против царизма. Но в отличие от декабристов Крылов полагал, что исторически сложившийся общественный строй изживёт себя также исторически в результате собственного усовершенствования, постепенно освобождаясь от язв и пороков. Крылов не приемлет насильственных мер для устранения несправедливых социальных условий, но никогда не сомневается в движении вперёд, в пользу науки и просвещения. Во имя развития, преобразования, по мысли Крылова, и надобен смех над пустотой, ленью, косностью и догматизмом. Так Крылов становится непримиримым врагом застоя, общественного и нравственного равнодушия.

В басне «Камень и Червяк» изображён камень, скрывающий под внешней скромностью вековую лень. Он обижается на дождик, который шумел «часа два-три», но которого все ждали с нетерпением. В неподвижно лежащем камне нет никакого «проку», тогда как дождик принёс пользу. Крылов высмеивает бездеятельность, лень, апатию, неспособность к труду...

Крылов отказался от снисходительного и высокомерно-го взгляда на обыденную жизнь. Он увидел в ней борьбу противоречивых начал, положительных и отрицательных, добрых и злых. Они неотделимы от деятельности и в той же мере характеризуют её, как польза или вред. Поэтому меру оценки Крылов находит в трудовой морали народа, которая необязательно открыто явлена в баснях, но всегда подразумевается или присутствует. Трудовой опыт народа становится почвой, на которой произрастают и культура, и наука. На нём держится весь общественный порядок.

Простые, естественные и разумные законы, по Крылову, — норма трудовых и социальных отношений, которые позволяют безошибочно распознать всякие, даже тщатель-но укрываемые и прячущиеся от глаз искусственность, фальшь, своекорыстие. Именно жизнь народа — простая и безыскусная — становится для Крылова источником нравственных оценок.

Отделив в нравственном опыте народа случайное от закономерного, верное от неверного, баснописец как бы возвращает народу его собственную мораль, но уже очищенную от всяких случайных примесей, сконцентриро-ванную в ясной, краткой, точной изречённости — в виде афоризмов, пословиц и поговорок. Поскольку нравствен-ная мысль народа выражена в языке, то народный язык стал для Крылова основой, источником «слога» его басен. Но Крылов не имитировал народный язык. Он искусно об-работал его и придал ему литературные формы, сохранив живые устные интонации и лукавую насмешливость на-родного ума. Вернувшиеся в народную среду пословицы и поговорки, созданные Крыловым, были приняты народом как его собственные...

Крылов дал «голос» самому народу. У него народ загово-рил о себе. И речь его оказалась полной трезвого смысла, без идеализации, сентиментальности и восторженности, и вместе с тем не утратила ни живописного слога, ни мет-кой образности. Каждое сословие выступило в своей словес-ной одежде. Баснописец не подделывался под речь крестья-нина, купца, ремесленника или дворянина. Они мыслили на своём «языке» и своим языком выражали свойственные им представления о жизни, которые соответствовали их со-циальному положению, их жизненным интересам.

Новаторство Крылова в жанре басни означало, что рус-ская литература неуклонно развивается в сторону реализма, что она близка к созданию многосторонних народных характеров.

Жанр басни также изменился. В него вошло такое глу-бокое философское, эстетическое, социальное содержание,

которое было под стать роману или драме, в нём нашла выражение вековая мудрость народа, его житейская философия, лукавство ума.

При этом Крылов, не выходя за пределы жанра и не превращая басню в лирическое стихотворение или в бытовую новеллу, раздвигал её содержательные границы. Крылов использовал внутренние возможности жанра, не нарушая его строения и строго соблюдая законы, согласно которым басня состоит из рассказа и морального поучения.

Басня Крылова — это и способ народного мышления, сохраняющий признаки притчеобразного, лукавого, не прямого проникновения в суть вещей, и сгусток народной мудрости, и живой рассказ, в котором персонажи действуют самостоятельно, в соответствии с их характерами. Через их непосредственные отношения проступают зримые черты того несправедливого мира, где они обитают. В свою очередь, этот мир их поведением и их устами выносит себе приговор.

Не изменяя классических басенных правил, Крылов перестраивает соотношение между рассказом и моралью, наполняет рассказ живописными подробностями, создает характеры персонажей и образ рассказчика.

Жанр басни под пером Крылова оказался способным нести передовые идеи века и вместил большое философско-социальное содержание. Крылов придал басне совершенную и отточенную форму.

Глубокое значение Крылова постиг Гоголь. «Его притчи, — писал он, — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа». «Вообще, — продолжал он, — его занимали вопросы важные», «поэт и мудрец слились в нём воедино» — в этом итоге и заключается, пожалуй, то, кем был и остался Крылов.

В. Коровин

• *Подумаем над статьёй В. И. Коровина, исследователя творчества великого баснописца*

1. В. И. Коровин свою статью, как и книгу, об И. А. Крылове назвал «Поэт и мудрец». Как бы вы объяснили это название, используя полученные сведения о баснописце?
2. Что сказал о баснописце В. Г. Белинский?
3. Как объяснить, что басни Крылова об Отечественной войне 1812 года «превращались в живую историю»?
4. В чём расходились взгляды декабристов и Крылова на преобразование общественного строя России?
5. Что для Крылова становится «источником нравственных оценок»?

6. Как оценил значение Крылова Гоголь?
7. Как вы понимаете фразу «Крылов дал „голос“ самому народу»? Что говорится об этом в статье В. И. Коровина «Поэт и мудрец»?
8. В чём новаторство И. А. Крылова в жанре басни?



«Ворона и Лисица». Худ. В. Серов. 1895—1911 гг.

Викторина

Из каких басен взяты эти пословицы, поговорки, афоризмы?

1. «Беда, коль пироги начнёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник».
2. «И с возом бух в канаву».
3. «А жаль, что незнаком ты с нашим петухом».
4. «Ай, Моська! Знать, она сильна,
Что лает на слона!»
5. «Услужливый дурак опаснее врага».
6. «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
7. «Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку».



«Ворона и Лисица». Худ. А. Каневский. 1947 г.

8. «Когда почтен быть хочешь у людей,
С разбором заводи знакомства и друзей».
9. «Чем нравом кто дурней,
Тем более кричит и ропщет на людей».

Справочная информация

«Щука и Кот», «Обоз», «Осёл и Соловей», «Слон и Моська», «Пустынник и Медведь», «Зеркало и Обезьяна», «Две Бочки», «Крестьянин и Змея», «Волк и Кукушка».



Д. И. Фонвизин (1745—1792)

Прочитайте отрывок из книги В. И. Фёдорова «Русская литература XVIII века» (М., 1990) и ответьте на вопросы после него.

О КОМЕДИИ «НЕДОРОСЛЬ»

«Недоросль» Фонвизина — произведение многотемное и многопроблемное. Здесь поставлены вопросы о неуклонном исполнении «должности» каждым гражданином, о характере семейных отношений и др. Но основными проблемами являются три: проблемы крепостного права, воспитания и формы государственной власти, которые даны, как и в действительности, в их неразрывной и взаимной обусловленности.

С первых же явлений первого действия драматург вводит зрителя в атмосферу помещичьего произвола: народный умелец крепостной Тришка, нигде не учившийся портняжному искусству, «наряднёхонько» сшил кафтан «дитяти» «деликатного сложения» Митрофану, но это его не спасёт ни от брани («мошенник», «скот», «воровская харя», — сыплет на его голову Простакова), ни от порки. Быть может, в день «сговора» (сватовства) Скотинина он её и избежит, но это не меняет дела, повод для наказания всегда найдётся: ведь Простакова «холопам потакать не намерена».

Ещё более гнусно отношение в доме Простаковых к их верной, беспредельно им преданной служанке и няньке Митрофана — Еремеевне. Вся награда за её тяжкий труд — «по пяти рублей на год да по пяти пощёчин на день». Щед-

ро её осыпают лишь оскорблениями и угрозами («бестия», «каналья», «собачья дочь», «старая хрычовка», «уж я те отделаю»).

Жестокостью и бессердечностью Простаковой наполнено её «возмущение» тем, что девка Палашка, заболев, лежит и бредит, «как будто благородная».

Ничем не ограниченный произвол помещиков приводит к полному обнищанию крепостных. «Мастерски» собирающий оброк Скотинин и все свои убытки от соседей (зная, что бить челом — дорого обходится) сдирает со своих же крестьян. А Простаковы так уж их обобрали, что и взять больше нечего. «С тех пор, как всё, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!» — «жалуется» Простакова.

Простаковы — Скотинины знают, что охраняемы государственным законодательством, и потому не считают своё обращение с крепостными преступным. Поэтому нет ничего удивительного в той «трактовке» Указа о вольности дворянства, которая даётся Простаковой: «Дворянин, когда захочет, и слуги высесть не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?» Так были созданы условия, превратившие Простакову в «презлую фурию».

Кульминационным моментом в комедии оказывается «бешенство» Простаковой, когда она, разъярённая несостоявшимся похищением Софьи, одержима желанием «прибить до смерти» всех своих слуг. И прибила бы, не окажись в этот момент лишённой такой возможности (её имение уже взяли под опеку).

Образ Простаковой, по замечанию П. А. Вяземского, «стоит на меже трагедии и комедии». Эта невежественная и корыстолюбивая «презлая фурия», безжалостная крепостница, страшная в сцене «бешенства», по-своему чадолюбива. Способная на протяжении всей пьесы вызвать лишь презрение или гнев, она в финальной сцене, потеряв свою неограниченную власть над крепостными, будучи отвергнута сыном, становится жалкой и униженной. Конечно, со временем она найдёт способ возобновить «беглый огонь» по своим слугам и отобрать у крепостных всё, что у них задержится, но вряд ли в дальнейшем ей можно рассчитывать на сыновнюю благодарность Митрофана. И не исключена возможность того, что зритель на какой-то момент невольно может проявить к ней сочувствие.

На протяжении всей комедии Фонвизин выявляет их скотскую сущность: положительные персонажи то прямо обличают их поступки, то тонко иронизируют над ними, то сам автор с лукавым юмором заставляет их саморазоблачаться.

Фонвизин с исключительным мастерством использует приёмы «зоологизации». Вот хитрый Кутейкин заставляет Митрофана всему залу объявить, что он «не человек» и даже «не червь», а «скот». Вральману всё время кажется, что, живя с господами Простаковыми, он жил «фсё с лошатками». Собравшись жениться, Скотинин заявляет, что он и своих поросят завести хочет, а расхваставшись древностью своего рода, попадает в капкан Стародума, согласившись с ним, что его (Скотинина) пращур был создан Богом несколько раньше Адама (т. е. тогда, когда были созданы скоты).

Особенно страшно то, что скотоподобные, невежественные, грубые и жестокие крепостники готовят себе «достойную» смену. Ведь недаром комедия названа «Недоросль».

Забота о новых людях, о воспитании и судьбах подрастающего поколения никогда не оставляла Фонвизина. Эту тему он ставил в раннем «Недоросле», немало места ей уделено в «Бригадире» и в произведениях, создававшихся после «Недоросля» (в незаконченном «Добром наставнике», «Выборе гувернёра», «Гофмейстере»). Но наиболее ярко, художественно завершённо она раскрыта в «Недоросле». Создавая образ Митрофана, драматург преследовал цель не только выставить его на посмешище. Поступки и реплики Митрофанушки, показавшие его «познания» в российской грамматике, его желание не учиться, а жениться, смешны. Но его отношение к Еремеевне; та омерзительная, возможно, нарочитая жалость, «какая проняла его... в тяжёлом животном сне при виде матери, уставшей колотить его отца», его моментальная готовность «за людей приниматься» (т. е. чинить над ними расправу); его наплевательское отношение к родной матери в заключительной сцене — уже не вызывают смеха: перед нами растёт деспот, жестокий крепостник, относящийся к той породе, «которая мстит своей плодовитостью» (*Ключевский*).

Глубина обличения крепостного права даёт Фонвизину возможность увидеть его растлевающее влияние и на крепостных. Убедительное свидетельство тому — образ Еремеевны; она потеряла человеческое достоинство и настолько рабски предана своим господам, что забывает об опасности, грозящей ей, защищая Митрофана от Скотинина.

Устами Стародума Фонвизин говорит, какой хотелось бы видеть императрицу:

«А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтобы стать на стезю истины и никогда с неё не сворачивать! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбы себе подобных!»

Эти сети уже давно опутали Екатерину II, и ей из них не выбраться.

Стародум говорит также, что «достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных», добавив тут же, что «мы это видим своими глазами». Это добавление может быть воспринято как восхваление императрицы. Но если вдуматься глубже и учесть тот факт, что под подданными в первую очередь даже и Фонвизин имел в виду всё-таки дворян, а произнесены эти слова в V (последнем) действии, когда «подданные» Простаковы и Скотинины, «возвышенным» душам которых Екатерина вручила судьбы «душ крепостных, полностью себя выявили, то напрашивался вывод: такой государь недостоин престола. <...>

Индивидуализация действующих лиц раскрывается Фонвизиним преимущественно в их языке. И снова наибольший успех достигнут драматургом в речи Простаковой.

Все качества Простаковой отражаются в её языке. Озверевшая крепостница не знает других обращений к слугам, кроме как: «собачья дочь», «бестия», «скот», «воровская харя», «скверная харя», «мошенники», «каналы», «воры». Заботливая и ласковая речь в обращениях к Митрофану: «Век живи, век учись, друг мой сердешный!», «душенька», «не упрямясь, душенька. Теперь-то себя и показать», «Ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и сам взведёшь деточек».

Но даже и в этом случае Простакова, будучи в девичестве Скотининой, проявляет свою животную сущность: «Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала». Устойчивыми оказываются ласкательные имена родственников даже в состоянии аффекта («а ты не впилашь братцу в харю, а ты не раздёрнула ему рыло по уши»).

Забитый муж её «рохлею родился», его «ничем не проймёшь», ходит он «развеся уши».

Язык Простаковой меняется в зависимости не только от адресата, но и от ситуаций. Он не лишён налёта «светскости» при встрече гостей («рекомендую вам дорогого гостя», «милости просим») и близок к народной речи в её униженных причитаниях, когда после неудавшегося похищения Софьи она вымаливает себе прощение:

«Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечёт. Мой грех! Не погубите меня. (К Софье.) Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною (указывая на мужа и сына) и над бедными сиротами».

Наличие в языке Простаковой просторечья и элементов народной лексики закономерно: необразованность помест-

ных дворян (Простакова, как и Скотинин, неграмотна), их постоянное общение с крестьянами стирали различия в обиходном языке между «верхним» и «нижним» сословиями. Примерами фольклорной лексики и просторечья могут служить следующие: «где гнев, тут и милость», «счастье на роду ему написано», «красная девица», «с утра до вечера, как за язык повешена» и др.

Основу языка положительных действующих лиц составляет «правильный», книжный язык, но полной стилевой унификации в их языке всё же нет. Речь Стародума бывает афористичной («тщетно звать врача к больным неисцельно», «наглость в женщине есть вывеска порочного поведения» и др.), в ней встречаются архаизмы, она близка к слогу статей, писем и даже переводов самого автора. Исследователями отмечены прямые «заимствования» в речах Стародума из прозаических произведений Фонвизина, что вполне объяснимо: Стародум выражает авторские взгляды. Для Правдина характерны канцеляризмы. В языке молодых людей Милона и Софьи встречаются сентимен-



Д. И. Фонвизин. «Недоросль»

тальные обороты («тайна сердца моего», «таинство души моей», «трогает моё сердце»). <...>

В. И. Фёдоров

• Вопросы и задания

1. Какие проблемы подняты автором в комедии?
2. Что осуждается Фонвизиним в Простаковой? Каково её отношение к крепостным?
3. Какую смену готовят себе крепостники?
4. Как характеры героев комедии отражаются в их языке? Как меняется язык Простаковой в зависимости от ситуации? Чем характерна речь Стародума?
5. Найдите в тексте комедии яркие примеры речевой самохарактеристики персонажей комедии.
6. При чтении текста комедии обратите внимание на *ремарки* (замечания автора в скобках). Подготовьте письменный ответ на вопрос: как в ремарках комедии «Недоросль» раскрывается отношение автора к действующим лицам?

Викторина

1. Что значит имя *Митрофан* и в чём комизм фамилий-прозвищ его учителей?
2. Почему положительный герой, близкий автору, носит имя *Стародум*?
3. Знаете ли вы девичью фамилию Простаковой?
4. Какой персонаж в комедии «Недоросль» не имеет ни имени, ни фамилии?
5. Какая «дрянь» лезла в глаза Митрофанушке во сне?
6. Кто из героев пьесы убоился «бездны премудрости»?
7. Какой финальной фразой заканчивается комедия и кто её произносит?

Ответы на вопросы викторины

1. *Митрофан* — в переводе с греческого языка «похожий на мать». *Кутейкин* — от слова *кутья* — поминальная и рождественская еда. 2. Думающий по-старому, как в Петровскую эпоху. 3. Скотинина. 4. Кормилица Еремеевна (*Еремей* — по-древнерусски «Бог возвысит»). 5. «Ты, матушка, изволила бить батюшку... ты так устала, колотя батюшку». 6. Кутейкин. 7. «Вот злонравия достойные плоды». Стародум.



ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА



Кондратий Фёдорович Рылеев

1795—1825

Исследователи творчества К. Ф. Рылеева и комментаторы его сочинений собрали большой материал, подтверждающий, что Рылеев не только заимствовал темы и сюжеты своих дум из исторических источников, в частности из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, но и буквально повторял в стихах многие выражения историка.

Карамзин так передавал слова Святослава, обращённые к его дружине:

«Бегство нас не спасёт... волею или неволею должны мы сразиться: не посрадим отечества...»

У Рылеева:

Друзья, нас бегство не спасёт!..
Нам биться волей иль неволей.
Сразимся ж, храбрые, смелей,
Не посрадим отчизны милой.

«Святослав»

Подобных «цитат» в думах множество. Не может быть сомнений, что для К. Ф. Рылеева представляло дополнительную трудность столь педантично следовать за своим научным источником, но он преодолевал её сознательно и систематически. Читатели дум в большинстве своём были знакомы с необыкновенно популярным в ту пору сочинением Н. М. Карамзина. Рылеев не без основания рассчитывал, что выражения, взятые из «Истории государства Российского» и буквально повторённые в строках дум, будут замечены и узнаны.

Время, когда создавались «Думы», характеризуется зарождением историзма, и это с особой силой проявилось в мышлении крупнейшего историка того времени — Карамзина.

«Прохладим, успокоим наше воображение, — писал Карамзин, — и мы не найдём в истории никаких повторений. Всякий век имеет свой особый нравственный характер, — погружается в недра вечности и никогда уже не является на земле в другой раз»¹.

Отношение К. Ф. Рылеева к истории было принципиально иным, можно даже сказать, прямо противоположным. Он хотел, по совершенно верному указанию Г. А. Гуковского, «показать не развитие (историческое) русских людей различных периодов исторической жизни России, а именно национальное единство характера русских людей во все времена»². И стремление это родилось не случайно — в результате чтения Карамзина. Оно созрело в Рылееве годами, оно сказалось уже в юношеской оде «Любовь к отчизне»:

Но римских, греческих героев
В любви к отечеству прямой
Средь мира русские, средь боев,
Затмили давнюю порой.
Владимир, Минин и Пожарский,
Великий Пётр и Задунайский,
И нынешних герои лет,
Великие умом, очами,
Между великими мужами,
Каких производил сей свет.

Близость этих ещё неуверенной рукой написанных строк к циклу, созданному в начале 1820-х годов, не только в том, что Владимир и Пётр стали позднее его персонажами, а думы «Пожарский и Минин», «Румянцев» фигурировали в творческих планах Рылеева. Здесь все они — от Владимира до Румянцева, от Минина до героев нынешних лет — принципиально уравниены в своих качествах, в отношении к ним поэта и его читателей.

Если бы Рылеев мог принять карамзинский тезис, что «всякий век имеет свой особый нравственный характер... и никогда уже не является на земле в другой раз», «Думы» не были бы написаны. Творческий метод, реализованный в них, оказался бы подорван в корне. Ставя перед собой цель «возбуждать доблести сограждан подвига-

¹ Карамзин Н. М. Избр. соч. В 2 т. — М.; Л., 1964. — Т. 2. — С. 258.

² Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. — М., 1965. — С. 306.

ми предков», Рылеев исходит из аксиомы, что Донской и Волынский, Ольга и Хмельницкий, Вадим и Ермак — в общем единомышленники. Они и думают, и чувствуют, и говорят одинаково. То, что во все времена русский народ выдвигал свободомыслящих и самоотверженных героев, призвано было служить доказательством, что они могут появиться и сейчас.

По Л. Фризману

ИВАН СУСАНИН

В исходе 1612 года юный Михаил Феодорович Романов, последняя отрасль Рюриковой династии, скрывался в Костромской области. В то время Москву занимали поляки: сии пришельцы хотели утвердить на российском престоле царевича Владислава, сына короля их Сигизмунда III. Один отряд проникнул в костромские пределы и искал захватить Михаила. Вблизи от его убежища враги схватили Ивана Сусанина, жителя села Домнина, и требовали, чтобы он тайно провёл их к жилищу будущего венценосца России. Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь. Он повёл поляков в противную сторону и известил Михаила об опасности: бывшие с ним успели увести его. Раздражённые поляки убили Сусанина. По восшествии на престол Михаила Феодоровича (в 1613) потомству Сусанина дана была жалованная грамота на участок земли при селе Домнине, её подтверждали и последующие государи.

«Куда ты ведёшь нас?.. не видно ни зги! —
Сусанину с сердцем вскричали враги, —
Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добратся с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас, — так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?»

«Деревня! — сарматам¹ в ответ мужичок. —
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! — избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.

¹ *Сарматы* — поляки, так их обычно называли в поэтическом языке XVIII—XIX веков.

Войдите — не бойтесь!» — «Ну, то-то, москаль!
Какая же, братцы, чертовская даль!

Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан¹ мой — хоть выжми, нет нитки сухой! —
Вошед, проворчал так сармат молодой. —
Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.

Давно уж за полночь!.. Сном крепким объаты,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..

Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер ещё не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»

«Приводит сам Бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому;
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей,
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!

Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге».
«Но что ты затеял? подумай, родной!
Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?

И с юной сестрою и с матерью хилой?»
«Творец защитит вас святой Своей силой.
Не даст Он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник Он всем сиротам.

Жупан — старинный полукафтан у украинцев и поляков.

Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»

Рыдая, на лошадь Сусанин молодой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул, утихнула вьюга.
На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы — злодеи царя.

«Сусанин! — вскричали, — что молишься Богу?
Теперь уж не время — пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес тёмный вступают окольной тропой.
Сусанин ведёт их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:

То скроется быстро, то ярко блеснёт,
То тускло засветит, то вновь пропадёт.
Стоят не шелохнясь и дуб и берёза,
Лишь снег под ногами скрипит от мороза.
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.

Друг за другом идут в молчанье сарматы;
Всё дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес —
Всё глуше и диче становится лес!
И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны и ели, ветвями густыми

Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настоroje трёх ожное ухо:
Всё в том захолустье и мёртво и глухо...
«Куда ты завёл нас?» — лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал. —

Убейте! замучьте! — моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».

«Злодей! — закричали враги, закипев. —
Умрёшь под мечами!» — «Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»

«Умри же! — сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали. —
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твёрдый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!



Памятник Михаилу Фёдоровичу
Романову и Ивану Сусанину
в Костроме. Скульптор
В. Демут-Малиновский. 1851 г.

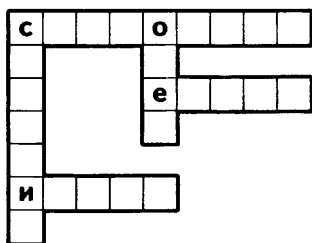


Убийство Ивана Сусанина поляками.
Барельеф на постаменте памятника

• Поразмыслим над прочитанным

1. Из каких исторических источников заимствовал сюжеты своих дум К. Ф. Рылеев?
2. Как характеризуется время, когда создавались рылеевские думы?
3. Каковы герои дум? Что характерно для их портретов? Приведите примеры из прочитанных в классе и дома статей о поэте.
4. Перескажите историческую справку, которой К. Ф. Рылеев предваряет думу об Иване Сусанине.
5. В чём состоял подвиг Сусанина?
6. Найдите в монологе Ивана Сусанина слова, в которых заключена основная идея, главная мысль произведения. Выучите эти слова наизусть.
7. Назовите имена исторических деятелей России, о которых писал К. Ф. Рылеев в думах. В случае затруднения вам поможет «Справочная информация».

Кроссворд на тему «„Думы“ К. Ф. Рылеева»



Справочная информация

Ермак, Сусанин, Игорь, Олег, Святослав.

• Обогащаем свою речь Словарь

Объясните значение слов, подберите к ним синонимы. Подумайте, в каких произведениях могут встречаться эти слова, приведите примеры:

*судáрушка —
горушко —
утéха —
обтерпéться —*

*сколько лет минуло —
добронравный —
доброверный —
епископ —
игумен —
кутья —
почтíвши —
ободрена —
надлежало —
пирогы печи —
сапоги тачать —
нрав —
роптать —*

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН**
1799—1837

ВСЕГДА С НАМИ

Мы часто повторяем: «Пушкин жив, Пушкин современен». И в этом заключена безусловная и непрерываемая правда: многогранный гений поэта с годами всё более и более раскрывается в своём величии. Пушкин, как пронизательно заметил В. Г. Белинский, принадлежит к вечно развивающимся явлениям нашей культуры.

В лице А. С. Пушкина русская общественная и художественная мысль обрела поэта действительности, историка и гуманиста, философа и государственного деятеля. Его идеи родились на определённой исторической почве, но, вчитываясь в творения поэта, мы каждый раз чувствуем и понимаем, что они равно сопричастны и нам. Пушкин — живой соучастник нашей сегодняшней идейной жизни.

С первых шагов своего литературного пути Пушкин проникся передовыми идеями века. Его формирование как поэта и человека происходило в переломную пору истории человечества. Обращаясь к друзьям в стихотворении «Была пора: наш праздник молодой...», поэт напоминал:



Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущённые народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Отыскивая внутренние причины исторического развития, Пушкин понял, что они коренятся в народном бытии, обуславливаются им, что народ определяет судьбу нации. Мысль о народе как вершителе национальной истории открылась Пушкину с поразительной очевидностью.

Народ был забит, угнетён и безграмотен. И всё же именно он был осознан Пушкиным как решающая сила истории. Раздумывая над трагическими условиями русской жизни, Пушкин понимал, что, несмотря на гнёт самодержавия, народу присущи громадная стихийная энергия и творческая мысль. Однако непросвещённость, непонимание своих коренных интересов способствуют покорности и слепому повиновению. Сила самодержавия, по мысли Пушкина, в слабости народа. Из этого противоречия вырастает пушкинский реализм.

Непримиримость интересов народа и дворянской верхушки привела к расколу нации. Культура простонародная резко отделилась от дворянской. Но Пушкин был страстным поборником единой национальной культуры, он никогда не исключал союза между передовым дворянством и народом. Здоровые демократические силы есть во всех слоях нации. Смысл исторического развития состоит в том, что в ходе его «ныне дикой тунгус и друг степей калмык», как и русский крестьянин, поднимутся до высот культуры.

Пушкин без страха и предвзятости думает о слиянии народной энергии с интеллектуальностью лучших людей из дворян. Это явилось одной из глубоких внутренних причин создания Пушкиным единого национального литературного языка, в котором язык народный спаялся с книжным.

Пушкин воспринимал жизнь как движение, ведущее в конечном итоге к прогрессу. У поэта не угасает надежда на времена, когда исчезнет вражда и верх возьмут гуманные отношения. И хотя в действительности он не видел примера будущего государственного устройства России, не переставал над ним задумываться. Критерий гуманности и здесь становится для него главным.

Каждая мысль Пушкина сохраняет часть его горячего сердца. И в этом Пушкин особенно нам близок. В нём самом гармонично воплотилась мечта о совершенном, прекрасном, свободном человеке широкой души и безбрежного бескорыстия, бесконечно талантливом, обладающем безмерными творческими возможностями. Пушкин мечтает о человеке активного сознания, высокого гражданского долга и нравственной ответственности. Прекрасное у Пушкина неотделимо от нравственного, ибо нет без этого и быть не может подлинной красоты.

В. Коровин

● *Поразмыслим над языком романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка»*

1. Какие художественные средства помогают представить живой портрет Пугачёва?
«Я увидел чёрную бороду и два сверкающих глаза...»
«Наружность его показалась мне замечательна... Живые большие глаза так и бегали...»
«Глаза у Пугачёва так и засверкали...»
«...взглянул ястребиными своими глазами...»
2. Речь Пугачёва пересыпана народными выражениями, пословицами, поговорками. Подумаем, как это характеризует героя.
(«Будет дождик, будут и грибки, а будут грибки, будет и кузов», «Заткни топор за спину, лесничий ходит» и пр.)
3. Как использование пословиц подчёркивает характер каждого героя романа?
«Худой мир лучше доброй ссоры» (*Иван Игнатьевич*).
«Стерпится, слюбится»; «На грех мастера нет» (*Василиса Егоровна*).
4. Выражения чувств в форме народных песен свойственны Василесе Егоровне. Как это её характеризует?
5. Как речь героев роднит их с народом, народной нравственностью?
6. Как меняются речевые обращения Гринёва к Савельичу? О чём это говорит?

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ А. С. ПУШКИНА

Набрасывая план статьи «О народной драме и драме „Марфа-посадница“, А. С. Пушкин писал:

«Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. Свобода».

Государственным умом А. С. Пушкин — историк и писатель — стремился постичь самобытное прошлое России. Но судьба России не была для Пушкина отделена от судьбы Европы, хотя русский поэт весьма остро и живо ощущал несходство отечественной и западной истории. Например, в «Борисе Годунове» опыт Запада затронут вскользь, через его отражение в истории католической Польши; тем не менее Пушкин, безусловно, и во время работы над трагедией, и после её окончания размышлял о судьбе Европы в целом. Своеобразие русской истории отчётливо выступало на фоне сравнения России и стран Запада. В статье «Второй том „Истории русского народа“ Полевого» Пушкин писал:

«Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою; что история её требует иной мысли, другой формулы...»

В. Коровин

● *Вопросы и задания*

1. Что стремился постичь А. С. Пушкин в истории России?
2. Каковы размышления поэта о судьбе русской и европейской истории? Сформулируйте ответ, опираясь на его слова.
3. Прочитайте отрывки из статьи об А. С. Пушкине А. П. Платонова «Размышления читателя» и отрывок из статьи критика и философа В. В. Розанова.

ПУШКИН — НАШ ТОВАРИЩ

В чём же тайна произведений Пушкина? В том, что за его сочинениями — как будто ясными по форме и предельно глубокими, исчерпывающими по смыслу — остаётся нечто ещё большее, что пока ещё не сказано. Мы видим море, но за ним предчувствуем океан... Мы не ощущаем напряжения поэта, мы видим неистощимость его души, которая сама едва ли знает свою силу. Это чрезвычайно похоже на обыкновенную жизнь, на самого человека, на тайну его, скажем, сердцебиения. Пушкин — природа, непосредственно действующая самым редким своим способом: стихами. Поэтому правда, истина, прекрасное, глубина и тревога у него совпадают автоматически.

Пушкину никогда не удавалось исчерпать себя даже самым великим своим произведением — это оставшееся вдохновение, не превращенное прямым образом в данное произведение и всё же ощущаемое читателем, действует на нас неотразимо. <...> У Пушкина окончания произведений похожи на морские горизонты: достигнув их, опять видишь пред собою бесконечное пространство, ограниченное лишь мнимой чертою...

Чего же хотел Пушкин от жизни?.. Для большого нужно немного. Он хотел, чтобы ничто не мешало человеку изжить священную энергию своего сердца, чувства и ума.

А. Платонов

ПУШКИН И ГОРЬКИЙ

Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Чернышевский, Щедрин, Достоевский, Тургенев, Толстой, Чехов... Никто из них не заменил Пушкина целиком; каждый взял на себя лишь часть его «нагрузки», и все вместе они обязаны Пушкину своим художественным совершенством... Итак, после Пушкина появилась целая большая группа классических русских писателей, среди которых не было ни одного, равного Пушкину. «Душа в заветной лире» ещё жила, но сызнава играть на лире было некому...

А. Платонов

* * *

Пушкин всегда с природою и уклоняется от человека везде, где он уклоняется от природы. В самом человеке он взял только природно-человеческое — то, что присуще мудрейшему из зверей, полу-богу и полу-животному: вот — старость, вот — детство, вот — потехи юности и грёзы девушек, вот — труды замужних и отцов, вот — наши бабушки. Все возрасты взяты Пушкиным; и каждому возрасту он сказал на ухо скрытые думки его и слово нежного участия, утешения, поддержки. И всё — немногословно. О, как всё коротко и многодумно! Пушкина нужно «знать от доски до доски», и слова его:

Над вымыслом слезами обольюсь —

есть завещание и вместе упрёк нам — его благородный, не язвительный упрёк. Заметьте ещё: ничего язвительного на протяжении всех его томов! Это — прямо чудо... А как он негодовал! Но ядом не облил ни одну свою страницу. Вот почему он так воспитателен и здоров для души. Во всех его томах ни одной страницы презрения к человеку. Если

мы будем считать, что у него отсутствует, то получится почти такое же богатство, как если мы будем пересчитывать, что у него есть. Мусора, сора, зависти — никаких «смертных грехов»... Какая-то удивительно чистая кровь — почти суть Пушкина. И он не входит в «Курс русской словесности», а он есть вся русская словесность, но не в начальном осуществлении, где было столько «ложных шагов», а в благородной первоначальной задаче. Мы должны любить его, как люди «потерянного Рая» любят и воображают о «возвращённом Рае»... Но «хоть кол теши»... Оставим. Купите-ка, господа, сегодня своим детишкам «удобного Пушкина» и отберите у них разные «новейшие произведения»... Уберите и крепко запирайте в шкаф, а ещё лучше — ключ потеряйте. «Новейшие произведения» тем отмечаются, что польза от них происходит только тогда, когда их теряешь, забываешь у приятеля, когда их «зачитывают».

Ну, довольно. Всё это мысли тоже «потерянного Рая». К Пушкину, господа! — к Пушкину снова!.. Ондохнул бы на нашу желчь — и желчь превратилась бы в улыбки. Никто бы не гневался «на теперешних», но никто бы и не читал их...

В. Розанов

● *Поразмышляем над прочитанным*

1. Вы прочитали роман «Капитанская дочка», другие произведения А. С. Пушкина, познакомились с литературоведческими статьями, со взглядами писателей и философов на творчество поэта.
Какие мысли взволновали вас? Над чем вы предложили бы своим сверстникам задуматься? Что обсудить?
2. В каких произведениях воплощена мысль Пушкина-гуманиста? О каком человеке мечтает поэт? Что, по мнению Пушкина, нужно драматическому писателю?
3. В чём видит тайну А. С. Пушкина замечательный русский писатель А. П. Платонов?
4. Как определяет А. С. Пушкина философ В. Розанов?
5. Сравните два самых известных живописных портрета А. С. Пушкина работы О. Кипренского и В. Тропинина. Можно ли говорить о различном понимании образа поэта живописцами?
6. Какие высказывания об этих портретах самого Пушкина, его современников, его родственников вам известны?
7. Подготовьте диалог-разговор о портретах и памятниках, посвящённых А. С. Пушкину.



Портрет А. С. Пушкина.
Худ. В. Тропинин. 1827 г.



Портрет А. С. Пушкина.
Худ. О. Кипренский. 1827 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ И РОД ПУШКИНЫХ

Для А. С. Пушкина история России не была чем-то отвлечённо-архивным. В сознании поэта судьба родины была и судьбой его, Пушкина, предков: дедов, прадедов, пращуров и т. д. Не случайно мы встречаем их на страницах пушкинских произведений.



Болдино. Дом-музей А. С. Пушкина

Так, одним из действующих лиц драмы «Борис Годунов» стал боярин Афанасий Михайлович Пушкин. Это ему, боярину Пушкину, его племянник Гаврила направляет из Кракова гонца с вестью об объявившемся в Кракове «сыне Грозного», самозванце Григории Отрепьеве.

О своих африканских предках поэт помнит, работая над «Евгением Онегиным» («...Под небом Африки моей / Вздыхать о сумрачной России...»).

И наконец, поэт начинает писать исторический роман о своём чернокожем прадеде.

Исследователи творчества поэта считают, что впервые мысли о создании произведения об «экзотическом предке» возникли у Пушкина именно во время работы над «Евгением Онегиным».

В примечаниях к первой главе романа в стихах Пушкин писал о своём прадеде Абраме Петровиче Ганнибале:

«...18 лет от роду Аннибал послан был царём во Францию, где и начал свою службу в армии регента¹, он возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился он неотлучно при особе императора²».

И здесь же Пушкин многообещающе замечает:

«Мы со временем надеемся издать полную его биографию».



Болдино. В кабинете А. С. Пушкина

¹ *Régent* — от латинского *regens* — правящий, руководитель.

² Имеется в виду Пётр I.

Размышления о судьбе африканского прадеда не могли не посетить поэта во время Михайловской ссылки, ведь эти псковские земли были пожалованы императрицей Елизаветой Петровной Абраму Ганнибалу.

Личность прадеда была интересна Пушкину не столько тем, что тот был одним из самых ярких, колоритных персонажей истории его рода, его семьи, сколько тем, что прадед волею судьбы стал сподвижником великого преобразователя России — Петра I.



Петровское. Уголок кабинета А. П. Ганнибала



Петровское. Дом Ганнибалов

Судьба семьи и судьба России неразделимы в сознании великого поэта и в его стихотворных, прозаических, драматических произведениях.

Прочитайте главы из незавершённого исторического романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого».

АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Железной волею Петра
Преображённая Россия.

Я. Языков¹

Глава I

Я в Париже;

Я начал жить, а не дышать.

Дмитриев. Журнал путешественника²

В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых

¹ Эпиграф ко всему роману — из стихотворной повести Н. М. Языкова «Ала» (1824).

² Эпиграф — из шуточного стихотворения И. И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон», написанного от лица В. Л. Пушкина.

государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в Испанской войне и, тяжело раненый, возвратился в Париж.

Император посреди обширных своих трудов не престаивал осведомляться о своём любимце и всегда получал лестные отзывы насчёт его успехов и поведения. Пётр был очень им доволен и неоднократно звал его в Россию, но Ибрагим не торопился. Он отговаривался различными предложениями, то раною, то желанием усовершенствовать свои познания, то недостатком в деньгах, и Пётр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своём здоровье, благодарил за ревность к учению и, крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления.

По свидетельству всех исторических записок, ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностью и приличием, не оставили никаких следов. Герцог Орлеанский, соединяя многие блестящие качества с пороками всякого рода, к несчастью, не имел и тени лицемерия. Оргии Пале-Рояля не были тайною для Парижа; пример был заразителен. На ту пору явился Law¹; алчность к деньгам соединилась с жаждою наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распалось под игривые припевы сатирических водевилей.

Между тем общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, всё, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью. Литература, учёность и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя её мнениями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожания. Поверхностная вежливость заменила глубокое

¹ Law — Джон Лоу, финансовый деятель, основатель Индийской компании; акции, выпущенные этой компанией, сперва имели большой успех, и в результате спекуляции этими акциями многие обогатились. Но так как акции ничем не были обеспечены и не приносили дохода, скоро доверие к ним пошатнулось, цена акций стала быстро падать, и в середине 1820 г. наступило полное банкротство. Многие из вложивших свои капиталы в акции Индийской компании были разорены.

почтение. Проказы герцога Ришелье¹, Алкивиада² новейших Афин, принадлежат истории и дают понятие о нравах сего времени.

Temps fortuné, marqué par la licence,
Où la folie, agitant son grelot,
D'un pied léger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté pénitence³.

Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть у себя *le Nègre du czar*⁴ и ловили его наперехват; регент приглашал его не раз на свои весёлые вечера; он присутствовал на ужинах, одушевлённых молодостию Аруэта⁵ и старостию Шолье⁶, разговорами Монтескьё и Фонтенеля; не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своих лет и своей породы. Но мысль променять это рассеяние, эти блестящие забавы на суровую простоту Петербургского двора не одна ужасала Ибрагима. Другие сильнейшие узы привязывали его к Парижу. Молодой африканец любил.

Графиня D., уже не в первом цвете лет, славилась ещё своею красотою. 17-ти лет, при выходе её из монастыря, выдали её за человека, которого она не успела полюбить и который впоследствии никогда о том не заботился. Молва приписывала ей любовников, но по снисходительному уложению света она пользовалась добрым именем, ибо нельзя было упрекнуть её в каком-нибудь смешном или соблазнительном приключенье. Дом её был самый модный. У ней

¹ *Герцог Ришельё* — Арман, маршал Франции (1696—1788), известный легкомысленным поведением. Упоминается в «Пиковой даме» А. С. Пушкина.

² *Алкивиад* — имя афинского военачальника V века до Рождества Христова; вошло в поговорку для обозначения человека, обладающего блестящими способностями, но порочного и безнравственного.

³ «*Temps fortuné, marqué par la licence...*» — цитата из поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» (песнь XIII, видение монаха Бонифу): «Счастливое время, отмеченное вольностью нравов, / Когда безумие, звеня своей погремушкой, / Лёгкими стопами обегает всю Францию, / Когда ни один из смертных не изволит быть богомольным, / Когда готовы на всё, кроме покаяния» (*франц.*).

⁴ *Le Nègre du czar* (царский негр). Пушкин был убеждён, что Абрам Ганнибал был негром. В действительности он был абиссинец, т. е. принадлежал к племени, родственному арабам, хотя и с некоторой примесью негритянской крови.

⁵ *Аруэт* — настоящее имя Вольтера. Он переименовал его в 1718 г.

⁶ *Шолье* (1639—1720) — аббат, французский поэт; несмотря на духовное звание, проповедовал свободомыслие и наслаждение жизнью.

соединялось лучшее парижское общество. Ибрагима представил ей молодой Мервиль, почитаемый вообще последним её любовником, что и старался он дать почувствовать всеми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безо всякого особенного внимания: это польстило ему. Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие. Сладостное внимание женщин, почти единственная цель наших усилий, не только не радовало его сердца, но даже исполняло горечью и негодованием. Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесённого в мир, не имеющий с ним ничего общего. Он даже завидовал людям, никем не замеченным, и почитал их ничтожество благополучием.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его от самонадеянности и притязаний самолюбия, что придавало редкую прелесть обращению его с женщинами. Разговор его был прост и важен; он понравился графине D., которой надоели вечные шутки и тонкие намёки французского остроумия. Ибрагим часто бывал у ней. Мало-помалу она привыкла к наружности молодого негра и даже стала находить что-то приятное в этой курчавой голове, чернеющей посреди пудренных париков её гостиной. (Ибрагим был ранен в голову и вместо парика носил повязку.) Ему было 27 лет отроду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство, но предубеждённый Ибрагим или ничего не замечал, или видел одно кокетство. Когда же взоры его встречались со взорами графини, недоверчивость его исчезала. Её глаза выражали такое милое добродушие, её обхождение с ним было так просто, так непринуждённо, что невозможно было в ней подозревать и тени кокетства или насмешливости.

Любовь не приходила ему на ум, — а уже видеть графиню каждый день было для него необходимо. Он повсюду искал её встречи, и встреча с нею казалась ему каждый раз неожиданной милостию неба. Графиня, прежде чем он сам, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает сердце женское вернее всех расчетов обольщения. В присутствии Ибрагима графиня следовала за всеми его движениями, вслушивалась во все его речи; без него она задумывалась и впадала в обыкновенную свою рассеянность. Мервиль первый заметил эту взаимную склонность и поздравил Ибрагима. Ничто так не воспламеняет любви, как ободрительное замечание по-

стороннего. Любовь слепа и, не доверяя самой себе, торопливо хватается за всякую опору. Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной доселе не представлялась его воображению; надежда вдруг озарила его душу; он влюбился без памяти. Напрасно графиня, испуганная исступлению его страсти, хотела противуставить ей увещания дружбы и советы благоразумия, она сама ослабевала. Неосторожные вознаграждения быстро следовали одно за другим. И наконец, увлечённая силою страсти, ею же внушённой, изнемогая под её влиянием, она отдалась восхищённому Ибрагиму...

Ничто не скрывается от взоров наблюдательного света. Новая связь графини стала скоро всем известна. Некоторые дамы изумлялись её выбору, многим казался он очень естественным. Одни смеялись, другие видели с её стороны непростительную неосторожность. В первом упоении страсти Ибрагим и графиня ничего не замечали, но вскоре двусмысленные шутки мужчин и колкие замечания женщин стали до них доходить. Важное и холодное обращение Ибрагима доселе ограждало его от подобных нападений; он выносил их нетерпеливо и не знал, чем отразить. Графиня, привыкшая к уважению света, не могла хладнокровно видеть себя предметом сплетней и насмешек. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за неё не вступаться, чтоб напрасным шумом не погубить её совершенно.

Новое обстоятельство ещё более запутало её положение. Обнаружилось следствие неосторожной любви. Утешения, советы, предложения — всё было истощено и всё отвергнуто. Графиня видела неминуемую гибель и с отчаянием ожидала её.

Как скоро положение графини стало известно, толки начались с новою силою. Чувствительные дамы ахали от ужаса; мужчины бились об заклад, кого родит графиня: белого ли или чёрного ребёнка. Эпиграммы сыпались насчёт её мужа, который один во всём Париже ничего не знал и ничего не подозревал.

Роковая минута приближалась. Состояние графини было ужасно. Ибрагим каждый день был у неё. Он видел, как силы душевные и телесные постепенно в ней исчезали. Её слёзы, её ужас возобновлялись поминутно. Наконец она почувствовала первые муки. Меры были приняты наскоро. Графа нашли способ удалить. Доктор приехал. Дня два перед сим уговорили одну бедную женщину уступить в чужие руки новорождённого своего младенца; за ним послали поверенного. Ибрагим находился в кабинете близ самой спальни, где лежала несчастная графиня. Не смея дышать, он слышал её глухие стенанья, шёпот служанки и приказанья

доктора. Она мучилась долго. Каждый стон её раздирал его душу; каждый промежуток молчания обливал его ужасом... вдруг он услышал слабый крик ребёнка и, не имея силы удержать своего восторга, бросился в комнату графини. Чёрный младенец лежал на постеле в её ногах. Ибрагим к нему приблизился. Сердце его билось сильно. Он благословил сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но доктор, опасаясь для больной слишком сильных потрясений, оттащил Ибрагима от её постели. Новорождённого положили в крытую корзину и вынесли из дому по потаённой лестнице. Принесли другого ребёнка и поставили его колыбель в спальне роженицы. Ибрагим уехал немного успокоенный. Ждали графа. Он возвратился поздно, узнал о счастливом разрешении супруги и был очень доволен. Таким образом публика, ожидавшая соблазнительного шума, обманулась в своей надежде и была принуждена утешаться единым злословием.

Всё вошло в обыкновенный порядок, но Ибрагим чувствовал, что судьба его должна была перемениться и что связь его рано или поздно могла дойти до сведения графа D. В таком случае, что бы ни произошло, гибель графини была неизбежна.

Он любил страстно и так же был любим; но графиня была своенравна и легкомысленна. Она любила не в первый раз. Отвращение, ненависть могли заменить в её сердце чувства самые нежные. Ибрагим предвидел уже минуту её охлаждения; доселе он не ведал ревности, но с ужасом её предчувствовал; он воображал, что страдания разлуки должны быть менее мучительны, и уже намеревался разорвать несчастную связь, оставить Париж и отправиться в Россию, куда давно призывали его и Пётр, и тёмное чувство собственного долга.

Глава II

Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен...
Желанием честей размучен.
Зовёт, я слышу, славы шум!

*Державин*¹

Дни, месяцы проходили, и влюблённый Ибрагим не мог решиться оставить им обольщённую женщину. Графиня

¹ Эпиграф к главе II из оды Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779).

час от часу более к нему привязывалась. Сын их воспитывался в отдалённой провинции. Сплетни света стали утихать, и любовники начинали наслаждаться большим спокойствием, молча помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущем.

Однажды Ибрагим был у выхода герцога Орлеанского. Герцог, проходя мимо его, остановился и вручил ему письмо, приказав прочесть на досуге. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствия, писал герцогу, что он ни в чём неволивать Ибрагима не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или нет, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. С той минуты участь его была решена. На другой день он объявил регенту своё намерение немедленно отправиться в Россию. «Подумайте о том, что делаете, — сказал ему герцог, — Россия не есть ваше отечество; не думаю, чтоб вам когда-нибудь удалось опять увидеть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребывание во Франции сделало вас равно чуждым климату и образу жизни полудикой России. Вы не родились подданным Петра. Поверьте мне: воспользуйтесь его великодушным позволением. Оставайтесь во Франции, за которую вы уже проливали свою кровь, и будьте уверены, что и здесь ваши заслуги и дарования не останутся без достойного вознаграждения». Ибрагим искренно благодарил герцога, но остался твёрд в своём намерении. «Жалею, — сказал ему регент, — но, впрочем, вы правы». Он обещал ему отставку и написал обо всём русскому царю.

Ибрагим скоро собрался в дорогу. Накануне своего отъезда провёл он, по обыкновению, вечер у графини D. Она ничего не знала; Ибрагим не имел духа ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она несколько раз подзывала его к себе и шутила над его задумчивостью. После ужина все разъехались. Остались в гостиной графиня, её муж да Ибрагим. Несчастный отдал бы всё на свете, чтоб только остаться с нею наедине; но граф D., казалось, расположился у камина так спокойно, что нельзя было надеяться выжить его из комнаты. Все трое молчали. «*Bonne nuit*»¹, — сказала наконец графиня. Сердце Ибрагима стеснилось и вдруг почувствовало все ужасы разлуки. Он стоял неподвижно. «*Bonne nuit, messieurs*»², — повторила графиня. Он всё не двигался... наконец глаза его потемнели, голова закружилась, он едва мог выйти из комнаты.

¹ Доброй ночи.

² Доброй ночи, господа.

Приехав домой, он почти в беспамятстве написал следующее письмо:

«Я еду, милая Леонора, оставляю тебя навсегда. Пишу тебе, потому что не имею сил иначе с тобою объясниться.

Счастье моё не могло продолжиться. Я наслаждался им вопреки судьбе и природе. Ты должна была меня разлюбить; очарование должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преследовала, даже в те минуты, когда, казалось, забывал я всё, когда у твоих ног упивался я твоим страстным самоотвержением, твоею неограниченною нежностью... Легкомысленный свет беспощадно гонит на самом деле то, что позволяет в теории: его холодная насмешливость, рано или поздно, победила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу, и ты наконец устыдилась бы своей страсти... что было б тогда со мною? Нет! лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

Твоё спокойствие мне всего дороже: ты не могла им наслаждаться, пока взоры света были на нас устремлены. Вспомни всё, что ты вытерпела, все оскорбления самолюбия, все мучения боязни; вспомни ужасное рождение нашего сына. Подумай: должен ли я подвергать тебя долее тем же волнениям и опасностям? Зачем силиться соединить судьбу столь нежного, столь прекрасного создания с бедственной судьбою негра, жалкого творения, едва удостоенного названия человека?

Прости, Леонора, прости, милый, единственный друг. Оставляя тебя, оставляю первые и последние радости моей жизни. Не имею ни отечества, ни ближних. Еду в печальную Россию, где мне отрадою будет моё совершенное уединение. Строгие занятия, которым отныне предаюсь, если не заглушат, то по крайней мере будут развлекать мучительные воспоминания о днях восторгов и блаженства... Прости, Леонора — отрываюсь от этого письма, как будто из твоих объятий; прости, будь счастлива — и думай иногда о бедном негре, о твоём верном Ибрагиме».

В ту же ночь он отправился в Россию.

Путешествие не показалось ему столь ужасно, как он того ожидал. Воображение его восторжествовало над существенностью. Чем более удалялся он от Парижа, тем живее, тем ближе представлял он себе предметы, им покидаемые навек.

Нечувствительным образом очутился он на русской границе. Осень уже наступала, но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его с быстротою ветра, и в 17-й день своего путешествия прибыл он утром в Красное Село, чрез которое шла тогдашняя большая дорога.



«Арап Петра Великого». Пётр и Ибрагим.
Рисунок худ. Р. Штейна. 1886 г.

Оставалось 28 вёрст до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагим вошёл в ямскую избу. В углу человек высокого роста, в зелёном кафтане, с глиняною трубкою во рту, облокотясь на стол, читал гамбургские газеты. Услышав, что кто-то вошёл, он поднял голову. «Ба! Ибрагим? — закричал он, вставая с лавки. — Здорово, крестник!» Ибрагим, узнав Петра, в радости к нему было бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнял его и поцеловал в голову. «Я был предупреждён о твоём приезде, — сказал Пётр, — и поехал тебе навстречу. Жду тебя здесь со вчерашнего дня». Ибрагим не находил слов для изъявления своей благодарности. «Вели же, — продолжал государь, — твою повозку везти за нами; а сам садись со мною и поедем ко мне». Подали государеву коляску; он сел с Ибрагимом, и они поскакали. Через полтора часа они приехали в Петербург. Ибрагим с любопытством смотрел на новорождённую столицу, которая подымалась из болота по манию самодержавия. Обнажённые плотины, каналы без набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю победу человеческой воли над супротивлением стихий. Дома казались наскоро

построены. Во всем городе не было ничего великолепного, кроме Невы, не украшенной ещё гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца так называемого Царицына сада. На крыльце встретила Петра женщина лет 35, прекрасная собою, одетая по последней парижской моде. Пётр поцеловал её в губы и, взяв Ибрагима за руку, сказал: «Узнала ли ты, Катенька, моего крестника: прошу любить и жаловать его по-прежнему». Екатерина устремила на него чёрные, пронизательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Две юные красавицы, высокие, стройные, свежие как розы, стояли за нею и почтительно приблизились к Петру. «Лиза, — сказал он одной из них, — помнишь ли ты маленького арапа, который для тебя крал у меня яблоки в Ораньенбауме? вот он: представляю тебе его». Великая княжна засмеялась и покраснела. Пошли в столовую. В ожидании государя стол был накрыт. Пётр со всем семейством сел обедать, пригласив и Ибрагима. Во время обеда государь с ним разговаривал о разных предметах, расспрашивал его о Испанской войне, о внутренних делах Франции, о регенте, которого он любил, хотя и осуждал в нём многое. Ибрагим отличался умом точным и наблюдательным; Пётр был очень доволен его ответами; он вспомнил некоторые черты Ибрагимова младенчества и рассказывал их с таким добродушием и веселостью, что никто в ласковом и гостеприимном хозяине не мог бы подозревать героя полтавского, могучего и грозного преобразователя России.

После обеда государь, по русскому обыкновению, пошёл отдохнуть. Ибрагим остался с императрицей и с великими княжнами. Он старался удовлетворить их любопытству, описывал образ парижской жизни, тамошние праздники и своенравные моды. Между тем некоторые из особ, приближенных к государю, собрались во дворец. Ибрагим узнал великолепного князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающего с Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукого, крутого советника Петра; учёного Брюса, прослывшего в народе русским Фаустом; молодого Рагузинского, бывшего своего товарища, и других пришедших к государю с докладами и за приказаниями.

Государь вышел часа через два. «Посмотрим, — сказал он Ибрагиму, — не позабыл ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску да ступай за мною». Пётр заперся в токарне и занялся государственными делами. Он по очереди работал с Брюсом, с князем Долгоруким, с генерал-полицмейстером Девиером и продиктовал Ибрагиму

несколько указов и решений. Ибрагим не мог надивиться быстрому и твёрдому его разуму, силе и гибкости внимания и разнообразию деятельности. По окончанию трудов Пётр вынул карманную книжку, дабы справиться, всё ли им предполагаемое на сей день исполнено. Потом, выходя из токарни, сказал Ибрагиму: «Уж поздно; ты, я чай, устал: ночуй здесь, как бывало в старину. Завтра я тебя разбужу».

Ибрагим, оставшись наедине, едва мог опомниться. Он находился в Петербурге, он видел вновь великого человека, близ которого, ещё не зная ему цены, провёл он своё младенчество. Почти с раскаянием признавался он в душе своей, что графиня Д., в первый раз после разлуки, не была во весь день единственной его мыслию. Он увидел, что новый образ жизни, ожидающий его, деятельность и постоянные занятия могут оживить его душу, утомленную страстями, праздностию и тайным унынием. Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нём в первый раз благородное чувство честолюбия. В сём расположении духа он лег в приготовленную для него походную кровать, и тогда привычное сновидение перенесло его в дальний Париж, в объятия милой графини.

Глава III

Как облака на небе,
Так мысли в нас меняют лёгкий образ,
Что любим днесь, то завтра ненавидим,
*В. Кюхельбекер*¹

На другой день Пётр по своему обещанию разбудил Ибрагима и поздравил его капитан-лейтенантом бомбардирской роты Преображенского полка, в коей он сам был капитаном. Придворные окружили Ибрагима, всякий по-своему старался обласкать нового любимца. Надменный князь Меншиков дружески пожал ему руку. Шереметев осведомился о своих парижских знакомых, а Головин² позвал обедать. Сему последнему примеру последовали и про-

¹ Эпиграф — неточная цитата из трагедии В. Кюхельбекера «Аргивяне», слова Протогена из третьего действия. Стихи эти приведены Кюхельбекером в его «Отрывке из путешествия по Германии», напечатанном в альманахе «Мнемозина» в 1824 г. В «Мнемозине» вместо третьего стиха напечатано:

Мы любим и чрез час мы ненавидим;
Что славим днесь, завтра покидаем.

² Головин Иван Михайлович (ум. в 1738 г.) — начальник галерного флота. На дочери Головина был женат прадед Пушкина по отцовской линии.

чие, так что Ибрагим получил приглашений по крайней мере на целый месяц.

Ибрагим проводил дни однообразные, но деятельные — следственно, не знал скуки. Он день ото дня более привязывался к государю, лучше постигал его высокую душу. Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная. Ибрагим видал Петра в Сенате, оспориваемого Бутурлиным и Долгоруким, разбирающего важные запросы законодательства, в адмиралтейской коллегии утверждающего морское величие России, видел его с Феофаном, Гавриилом Бужинским¹ и Копиевичем², в часы отдохновения рассматривающего переводы иностранных публицистов или посещающего фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинет учёного. Россия представлялась Ибрагиму огромной мастеровою, где движутся одни машины, где каждый работник, подчинённый заведённому порядку, занят своим делом. Он почитал и себя обязанным трудиться у собственного станка и старался как можно менее сожалеть об увеселениях парижской жизни. Труднее было ему удалить от себя другое, милое воспоминание: часто думал он о графине D., воображал её справедливое негодование, слёзы и уныние... но иногда мысль ужасная стесняла его грудь: рассеяние большого света, новая связь, другой счастливец — он содрогался: ревность начинала бурлить в африканской его крови, и горячие слезы готовы были течь по его чёрному лицу.

Однажды утром сидел он в своём кабинете, окружённый деловыми бумагами, как вдруг услышал громкое приветствие на французском языке; Ибрагим с живостию оборотился, и молодой Корсаков³, которого оставил он в Париже, в вихре большого света, обнял его с радостными восклицаниями. «Я сейчас только приехал, — сказал Корсаков, — и прямо прибежал к тебе. Все наши парижские знакомые тебе кланяются, жалеют о твоём отсутствии; графиня D. велела звать тебя непременно, и вот тебе от неё письмо». Ибрагим схватил его с трепетом и смотрел на знакомый почерк надписи, не смея верить своим глазам. «Как я рад, — продолжал Корсаков, — что ты ещё не

¹ *Гавриил Бужинский* — учёный монах (1680—1731), с 1721 г. ведал типографиями; переводчик.

² *Копиевич Илья Федорович* — переводчик; организовал русскую типографию в Амстердаме. Пушкин допустил здесь анахронизм: когда Ганнибал вернулся в Россию (1723), Копиевича уже давно не было в живых; он умер в 1706 г.

³ *Корсаков* — реальное лицо, Воин Яковлевич Римский-Корсаков (1702—1757). Он был послан во Францию для изучения военно-морского дела в 1716 г. и вернулся в июне 1724 г.

умер со скуки в этом варварском Петербурге! что здесь делают, чем занимаются? кто твой портной? заведена ли у вас хоть опера?» Ибрагим в рассеянии отвечал, что, вероятно, государь работает теперь на корабельной верфи. Корсаков засмеялся. «Вижу, — сказал он, — что тебе теперь не до меня; в другое время наговоримся досыта; еду представляться государю». С этим словом он перевернулся на одной ножке и выбежал из комнаты.

Ибрагим, оставшись наедине, поспешно распечатал письмо. Графиня нежно ему жаловалась, упрекая его в притворстве и недоверчивости. «Ты говоришь, — писала она, — что моё спокойствие дороже тебе всего на свете: Ибрагим! если б это была правда, мог ли бы ты подвергнуть меня состоянию, в которое привела меня нечаянная весть о твоём отъезде? Ты боялся, чтоб я тебя не удержала; будь уверен, что, несмотря на мою любовь, я умела бы ею пожертвовать твоему благополучию и тому, что считаешь ты своим долгом». Графиня заключала письмо страстными уверениями в любви и заклинала его хоть изредка ей писать, если уже не было для них надежды снова свидеться когда-нибудь.

Ибрагим двадцать раз перечёл это письмо, с восторгом целуя бесценные строки. Он горел нетерпением услышать что-нибудь об графине и собрался ехать в адмиралтейство, надеясь там застать ещё Корсакова, но дверь отворилась, и сам Корсаков явился опять; он уже представлялся государю — и по своему обыкновению казался очень собою доволен. «Entre nous¹, — сказал он Ибрагиму, — государь престранный человек; вообрази, что я застал его в какой-то холстяной фуфайке, на мачте нового корабля, куда принуждён я был карабкаться с моими депешами. Я стоял на верёвочной лестнице и не имел довольно места, чтоб сделать приличный реверанс, и совершенно замешался, что отроду со мною не случалось. Однако ж государь, прочитав бумаги, посмотрел на меня с головы до ног и, вероятно, был приятно поражён вкусом и щегольством моего наряда; по крайней мере он улыбнулся и позвал меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я в Петербурге совершенный чужестранец, во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обыкновения, пожалуйста, будь моим ментором, заезжай за мной и представь меня». Ибрагим согласился и спешил обратить разговор к предмету, более для него занимательному. «Ну, что графиня D.?» — «Графиня? она, разумеется, сначала очень была огорчена твоим отъездом; потом, разумеется, мало-помалу утешилась

¹ Между нами.

и взяла себе нового любовника; знаешь кого? длинного маркиза R.; что же ты вытаращил свои арапские белки? или всё это кажется тебе странным; разве ты не знаешь, что долгая печаль не в природе человеческой, особенно женской; подумай об этом хорошенько, а я пойду, отдохну с дороги; не забудь же за мною заехать».

Какие чувства наполнили душу Ибрагима? ревность? бешенство? отчаянье? нет; но глубокое, стеснённое уныние. Он повторял себе: это я предвидел, это должно было случиться. Потом открыл письмо графини, перечёл его снова, повесил голову и горько заплакал. Он плакал долго. Слёзы облегли его сердце. Посмотрев на часы, увидел он, что время ехать. Ибрагим был бы очень рад избавиться, но ассамблея была дело должностное, и государь строго требовал присутствия своих приближённых. Он оделся и поехал за Корсаковым.

Корсаков сидел в шлафорке, читая французскую книгу. «Так рано», — сказал он Ибрагиму, увидя его. «Помилуй, — отвечал тот, — уж половина шестого; мы опоздаем; скорей одевайся и поедem». Корсаков засуетился, стал звонить изо всей мочи; люди сбежались; он стал поспешно одеваться. Француз камердинер подал ему башмаки с красными каблуками¹, голубые бархатные штаны, розовый кафтан, шитый блёстками; в передней наскоро пудрили парик, его принесли, Корсаков всунул в него стриженую головку, потребовал шпагу и перчатки, раз десять перевернулся перед зеркалом и объявил Ибрагиму, что он готов. Гайдуки подали им медвежьи шубы, и они поехали в Зимний дворец.

Корсаков осыпал Ибрагима вопросами, кто в Петербурге первая красавица? кто славится первым танцовщиком? какой танец нынче в моде? Ибрагим весьма неохотно удовлетворял его любопытству. Между тем они подъехали ко дворцу. Множество длинных саней, старых колымаг и раззолочённых карет стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера в ливрее и в усах, скороходы, блистающие мишурою, в перьях и с булавами, гусары, пажы, неуклюжие гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своих господ: свита необходимая, по понятиям бояр тогдашнего времени. При виде Ибрагима поднялся между ими общий шёпот: «арап, арап, царский арап!» Он поскорее провёл Корсакова сквозь эту пёструю челядь. Придворный лакей отворил им двери настичь, и они вошли в залу. Корсаков остолбенел...

¹ ...башмаки с красными каблуками... — Красные каблукы в XVIII веке считались отличительной приметой щегольского костюма; позднее слова «красные каблукы» (*talons rouges*) вошли в поговорку как обозначение «петиметров» — молодых щёголей, озабоченных одними нарядами и светскими успехами.

В большой комнате, освещённой сальными свечами, которые тускло горели в облаках табачного дыму, вельможи с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зелёных мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах толпою двигались взад и вперёд при непрерывном звуке духовой музыки. Дамы сидели около стен; молодые блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блистало на их робах; из пышных фижм возвышалась, как стебель, их узкая талия; алмазы блистали в ушах, в длинных локонах и около шеи. Они весело повёртывались направо и налево, ожидая кавалеров и начала танцев. Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимую старину: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку. Казалось, они более с удивлением, чем с удовольствием, присутствовали на сих нововведённых игрищах и с досадою косились на жён и дочерей голландских шкиперов, которые в канифасных юбках и в красных кофточках вязали свой чулок, между собою смеясь и разговаривая как будто дома. Корсаков не мог опомниться. Заметя новых гостей, слуга подошёл к ним с пивом и стаканами на подносе. «*Que diable est-ce que tout cela?*¹» — спрашивал Корсаков вполголоса у Ибрагима. Ибрагим не мог не улыбнуться. Императрица и великие княжны, блистая красотой и нарядами, прохаживались между рядами гостей, приветливо с ними разговаривая. Государь был в другой комнате. Корсаков, желая ему показаться, насилу мог туда пробраться сквозь беспрестанно движущуюся толпу. Там сидели большею частью иностранцы, важно покуривая свои глиняные трубки и опорожняя глиняные кружки. На столах расставлены были бутылки пива и вина, кожаные мешки с табаком, стаканы с пуншем и шахматные доски. За одним из сих столов Пётр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером. Они усердно салютовали друг друга залпами табачного дыма, и государь так был озадачен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова, как он около их ни вертелся. В это время толстый господин, с толстым букетом на груди, суетливо вошёл, объявил громогласно, что танцы начались — и тотчас ушёл; за ним последовало множество гостей, в том числе и Корсаков.

Неожиданное зрелище его поразило. Во всю длину танцевальной залы, при звуке самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли в два ряда друг против друга; кавалеры

¹ Что за чертовщина всё это?

низко кланялись, дамы ещё ниже приседали, сперва прямо против себя, потом поворотясь направо, потом налево, там опять прямо, опять направо и так далее. Корсаков, смотря на сие затейливое препровождение времени, таращил глаза и кусал себе губы. Приседания и поклоны продолжались около получаса; наконец они прекратились, и толстый господин с букетом провозгласил, что церемониальные танцы кончились, и приказал музыкантам играть менуэт. Корсаков обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостями одна в особенности ему понравилась. Ей было около 16 лет, она была одета богато, но со вкусом, и сидела подле мужчины пожилых лет, виду важного и сурового. Корсаков к ней разлетелся и просил сделать честь пойти с ним танцевать. Молодая красавица смотрела на него с замешательством и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидевший подле неё, нахмурился ещё более. Корсаков ждал её решения, но господин с букетом подошел к нему, отвёл на средину залы и важно сказал: «Государь мой, ты провинился: во-первых, подошел к сей молодой персоне, не отдав ей три должные реверанса; а во-вторых, взяв на себя самому её выбрать, тогда как в менуэтах право сие подобает даме, а не кавалеру; сего ради имеешь ты быть весьма наказан, именно должен выпить *кубок большого орла*». Корсаков час от часу более дивился. В одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленного исполнения закона. Пётр, услыша хохот и сии крики, вышел из другой комнаты, будучи большой охотник лично присутствовать при таковых наказаниях. Перед ним толпа раздвинулась, и он вступил в круг, где стоял осуждённый и перед ним маршал ассамблеи с огромным кубком, наполненным мальвазии. Он тщетно уговаривал преступника добровольно повиноваться закону. «Ага, — сказал Пётр, увидя Корсакова, — попался, брат! Изволь же, мосье, пить и не морщиться». Делать было нечего. Бедный щёголь, не переводя духу, осушил весь кубок и отдал его маршалу. «Послушай, Корсаков, — сказал ему Пётр, — штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтоб я с тобой не побранился». Выслушав сей выговор, Корсаков хотел выйти из круга, но зашатался и чуть не упал, к неопisanному удовольствию государя и всей весёлой компании. Сей эпизод не только не повредил единству и занимательности главного действия, но ещё оживил его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы приседать и постукивать каблучками с большим усердием и уж вовсе не наблюдая каданса. Корсаков не мог участвовать в общем веселии. Дама, им выбранная, по повелению отца своего, Гаврилы Афанасьевича, подошла



«Арап Петра Великого». На ассамблее.
Автолитография худ. М. Родионова. 1949 г.

к Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагим протанцевал с нею менуэт и отвёл её на прежнее место; потом, отыскав Корсакова, вывел его из залы, посадил в карету и повёз домой. Дорогою Корсаков сначала невнятно лепетал: «Проклятая ассамблея!.. проклятый кубок большого орла!..», но вскоре заснул крепким сном, не чувствовал, как он приехал домой, как его раздели и уложили; и проснулся на другой день с головною болью, смутно помня шарканья, приседания, табачный дым, господина с букетом и кубок большого орла.

Глава IV

Нескоро ели предки наши,
Нескоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.

Руслан и Людмила

Теперь должен я благосклонного читателя познакомить с Гаврилою Афанасьевичем Ржевским. Он происходил от древнего боярского рода, владел огромным имением, был

хлебосол, любил соколиную охоту; дворня его была многочисленна. Словом, он был коренной русский барин, по его выражению, не терпел немецкого духу и старался в домашнем быту сохранить обычаи любезной ему старины.

Дочери его было 17 лет от роду. Ещё ребёнком лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сеньными девушками, шила золотом и не знала грамоты: отец её, несмотря на отвращение своё от всего заморского, не мог противиться её желанию учиться пляскам немецким у пленного шведского офицера, живущего в их доме. Сей заслуженный танцмейстер имел лет 50 от роду, правая нога была у него прострелена под Нарвою и потому была не весьма способна к мэнуетам и курантам, зато левая с удивительным искусством и лёгкостью выделявала самые трудные па. Ученица делала честь её стараниям. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеях лучшей танцовщицей, что и было отчасти причиною проступку Корсакова, который на другой день приезжал извиняться перед Гаврилою Афанасьевичем; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который и прозвал его остроумно французской обезьяною.

День был праздничный. Гаврила Афанасьевич ожидал несколько родных и приятелей. В старинной зале накрывали длинный стол. Гости съезжались с жёнами и дочерьми, наконец освобождёнными от затворничества домашнего указами государя и собственным его примером. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный поднос, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпил свою, жалея, что поцелуй, получаемый в старину при таком случае, вышел уж из обыкновения. Пошли за стол. На первом месте, подле хозяина, сел тесть его, князь Борис Алексеевич Лыков, семидесятилетний боярин; прочие гости, наблюдая старшинство рода и тем поминая счастливые времена местничества, сели — мужчины по одной стороне, женщины по другой. На конце заняли свои привычные места: барская барыня в старинном шушуне и кичке; карлица, тридцатилетняя малютка, чопорная и сморщенная, и пленный швед в синем поношенном мундире. Стол, уставленный множеством блюд, был окружен суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкий строгим взором, толстым брюхом и величавой неподвижностью. Первые минуты обеда посвящены были единственно на внимание к произведениям старинной нашей кухни; звон тарелок и деятельных ложек возмущал один общее безмолвие. Наконец, хозяин, видя, что время занять гостей приятною беседою, оборо-

тился и спросил: «А где же Екимовна? Позвать её сюда». Несколько слуг бросились было в разные стороны, но в ту же минуту старая женщина, набелённая и нарумяненная, убранная цветами и мишурою, в штофном робронде, с открытой шеей и грудью, вошла припевая и подплясывая. Её появление произвело общее удовольствие.

— Здравствуй, Екимовна, — сказал князь Лыков, — каково поживаешь?

— Подобру-поздорову, кум: поючи да пляшучи, женишков поджидаячи.

— Где ты была, дура? — спросил хозяин.

— Наряжалась, кум, для дорогих гостей, для Божия праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смех всему миру, по немецкому маниру.

При сих словах поднялся громкий хохот, и дура стала на своё место, за стулом хозяина.

— А дура-то врёт, врёт, да и правду соврёт, — сказала Татьяна Афанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно им уважаемая. — Подлинно, нынешние наряды на смех всему миру. Коли уж и вы, батюшки, обрили себе бороду и надели кургузый кафтан, так про женское тряпье толковать, конечно, нечего: а, право, жаль сарафана, девичьей ленты и повойника. Ведь посмотреть на нынешних красавиц, и смех и жалость: волоски-то взбиты, что войлок, насалены, засыпаны французской мукою, животик перетянут так, что еле не перервётся, исподницы напялены на обручи: в колымагу садятся бочком; в двери входят — нагибаются. Ни стать, ни сесть, ни дух перевести. Сущие мученицы, мои голубушки.

— Ох, матушка Татьяна Афанасьевна, — сказал Кирила Петрович Т., бывший в Рязани воевода, где нажил себе 3000 душ и молодую жену, то и другое с грехом пополам. — По мне жена как хочешь одевайся: хоть кутафьей, хоть болдыханом; только б не каждый месяц заказывала себе новые платья, а прежние бросала новёшенькие. Бывало, внучке в приданое доставался бабушкин сарафан, а нынешние робронды — поглядишь — сегодня на барыне, а завтра на холопке. Что делать? разорение русскому дворянству! беда, да и только. — При сих словах он со вздохом посмотрел на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старине, ни порицания новейших обычаев. Прочие красавицы разделяли её неудовольствие, но молчали, ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностью молодой женщины.

— А кто виноват, — сказал Гаврила Афанасьевич, напняя кружку кислых щей. — Не мы ли сами? Молоденькие бабы дурачатся, а мы им потакаем.

— А что нам делать, коли не наша воля? — возразил Кирила Петрович. — Иной бы рад был запереть жену в тереме, а её с барабанным боем требуют на ассамблею; муж за плётку, а жена за наряды. Ох, уж эти ассамблеи! наказал нас ими Господь за прегрешения наши.

Марья Ильинична сидела как на иголках; язык у неё так и свербел; наконец она не вытерпела и, обратясь к мужу, спросила его с кисленькой улыбкою, что находит он дурного в ассамблеях?

— А то в них дурно, — отвечал разгорячённый супруг, — что с тех пор, как они завелись, мужья не сладят с жёнами. Жёны позабыли слово апостольское: *жена да убоятся своего мужа*; хлопочут не о хозяйстве, а об обновлениях; не думают, как бы мужу угодить, а как бы приглянуться офицерам вертопрахам. Да и прилично ли, сударыня, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с их работницами? Слыхано ли дело, до ночи плясать и разговаривать с молодыми мужчинами? и добро бы ещё с родственниками, а то с чужими, с незнакомыми.

— Сказал бы словечко, да волк недалечко, — сказал, нахмурясь, Гаврила Афанасьевич, — а признаюсь — ассамблеи и мне не по нраву: того и гляди, что на пьяного натолкнёшься, аль и самого на смех пьяным напойт. Того и гляди, чтоб какой-нибудь повеса не напроказил чего с дочерью; а нынче молодёжь так избаловалась, что ни на что не похоже. Вот, например, сын покойного Евграфа Сергеевича Корсакова на прошедшей ассамблее наделал такого шуму с Наташей, что привёл меня в краску. На другой день, гляжу, катят ко мне прямо на двор; я думал, кого-то Бог несёт, уж не князя ли Александра Даниловича? Не тут-то было: Ивана Евграфовича! небось, не мог остановиться у ворот да потрудиться пешком дойти до крыльца — куды! влетел! расшаркался! разболтался!.. Дура Екимовна уморительно его передразнивает; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку с одного блюда, взяла под мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во все стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардон». — Общий и продолжительный хохот снова изъявил удовольствие гостей.

— Ни дать ни взять — Корсаков, — сказал старый князь Лыков, отирая слёзы смеха, когда спокойствие мало-помалу восстановилось. — А что греха таить? Не он первый, не он последний воротился из неметчины на святую Русь скоморохом. Чему там научаются наши дети? Шаркать, болтать Бог весть на каком наречии, не почитать старших да волочиться за чужими жёнами. Изо всех

молодых людей, воспитанных в чужих краях (прости Господи), царский арап всех более на человека походит.

— Конечно, — заметил Гаврила Афанасьевич, — человек он степенный и порядочный, не чета ветрогону... Это кто ещё въехал в ворота на двор? Уж не опять ли обезьяна заморская? Вы что зеваете, скоты? — продолжал он, обращаясь к слугам: — бегите, отказаться ему; да чтоб и впредь...

— Старая борода, не бредишь ли? — прервала дура Екимовна. — Али ты слеп: сани-то государевы, царь приехал.

Гаврила Афанасьевич встал поспешно из-за стола; все бросились к окнам; и в самом деле увидели государя, который всходил на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сделалась суматоха. Хозяин бросился навстречу Петра; слуги разбегались, как одурелые, гости перетрусились, иные даже думали, как бы убраться поскорее домой. Вдруг в передней раздался громозвучный голос Петра, всё утихло, и царь вошёл в сопровождении хозяина, оторопелого от радости. «Здорово, господа», — сказал Пётр с весёлым лицом. Все низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали в толпе молодую хозяйскую дочь; он подозвал её. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смело, но покраснев не только по уши, а даже по плеча. «Ты час от часу хорошеешь», — сказал ей государь и по своему обыкновению поцеловал её в голову; потом, обратясь к гостям: «Что же? Я вам помешал. Вы обедали; прошу садиться опять, а мне, Гаврила Афанасьевич, дай-ка анисовой водки». Хозяин бросился к величавому дворецкому, выхватил из рук у него поднос, сам наполнил золотую чарочку и подал её с поклоном государю. Пётр, выпив, закусил кренделем и вторично пригласил гостей продолжать обед. Все заняли свои прежние места, кроме карлицы и барской барыни, которые не смели оставаться за столом, удостоенным царским присутствием. Пётр сел подле хозяина и спросил себе щей. Государев денщик подал ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножик и вилку с зелёными костяными черенками, ибо Пётр никогда не употреблял другого прибора, кроме своего. Обед, за минуту пред сим шумно оживлённый веселием и говорливостию, продолжался в тишине и принуждённости. Хозяин, из почтения и радости, ничего не ел, гости также чинились и с благоговением слушали, как государь по-немецки разговаривал с пленным шведом о походе 1701 года¹. Дура Еки-

¹ *Поход 1701 года* — движение шведской армии в Курляндию и Литву после сражения под Нарвой; осенью этого года русская армия под командованием Шереметева одержала в Лифляндии несколько побед над шведами, причём было взято много пленных.

мовна, несколько раз вопрошаемая государем, отвечала с какою-то робкой холодностью, что (замечу мимоходом) вовсе не доказывало природной её глупости. Наконец обед кончился. Государь встал, за ним и все гости. «Гаврила Афанасьевич! — сказал он хозяину: — Мне нужно с тобою поговорить наедине», и взяв его под руку, увёл в гостиную и запер за собою дверь. Гости остались в столовой, шёпотом толкуя об этом неожиданном посещении, и, опасаясь быть нескромными, вскоре разъехались один за другим, не поблагодарив хозяина за его хлеб-соль. Тесть его, дочь и сестра провожали их тихонько до порогу и остались одни в столовой, ожидая выхода государева.

Глава V

Я тебе жену добуду

Иль я мельником не буду.

Аблесимов в опере Мельник¹

Чрез полчаса дверь отворилась, и Пётр вышел. Важным наклоением головы ответствовал он на тройной поклон князя Лыкова, Татьяны Афанасьевны и Наташи и пошёл прямо в переднюю. Хозяин подал ему красный его тулуп, проводил его до саней и на крыльце ещё благодарил за оказанную честь. Пётр уехал.

Возвратясь в столовую, Гаврила Афанасьевич казался очень озабочен. Серdito приказал он слугам скорее сбирать со стола, отослал Наташу в её светлицу и, объявив сестре и тестю, что ему нужно с ними поговорить, повёл их в опочивальню, где обыкновенно отдыхал он после обеда. Старый князь лёг на дубовую кровать, Татьяна Афанасьевна села на старинные шлофные кресла, придвинув под ноги скамеечку; Гаврила Афанасьевич запер все двери, сел на кровать в ногах князя Лыкова и начал вполголоса следующий разговор.

— Недаром государь ко мне пожаловал; угадайте, о чём он изволил со мною беседовать?

— Как нам знать, батюшка-братец, — сказала Татьяна Афанасьевна.

— Не приказал ли тебе царь ведать какое-либо воеводство? — сказал тесть. — Давно пора. Али предложил быть в посольстве? что же? ведь и знатных людей, не одних дьяков посылают к чужим государям.

— Нет, — отвечал зять, нахмурясь. — Я человек старого покроя, нынче служба наша не нужна, хоть, может быть,

¹ Эпиграф — не совсем точная цитата из комической оперы А. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779).

православный русский дворянин стоит нынешних новичков, блинников да басурманов, — но это статья особая.

— Так о чём же, братец, — сказала Татьяна Афанасьевна, — изволил он так долго с тобою толковать? Уж не беда ли какая с тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

— Беда не беда, а признаюсь, я было призадумался.

— Что же такое, братец? о чём дело?

— Дело о Наташе: царь приезжал её сватать.

— Слава Богу, — сказала Татьяна Афанасьевна, перекрестясь. — Девушка на выданье, а каков сват, таков и жених, — дай Бог любовь да совет, а чести много. За кого же царь её сватает?

— Гм, — крикнул Гаврила Афанасьевич, — за кого? то-то, за кого.

— А за кого же? — повторил князь Лыков, начинавший уже дремать.

— Отгадайте, — сказал Гаврила Афанасьевич.

— Батюшка-братец, — отвечала старушка, — как нам угадать? мало ли женихов при дворе: всякий рад взять за себя твою Наташу. Долгорукий, что ли?

— Нет, не Долгорукий.

— Да и Бог с ним: больно спесив. Шеин, Троекуров?

— Нет, ни тот ни другой.

— Да и мне они не по сердцу: ветрогоны, слишком набрались немецкого духу. Ну так Милославский?

— Нет, не он.

— И Бог с ним: богат, да глуп. Что же? Елецкий? Львов? нет? неужто Рагузинский? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого ж царь сватает Наташу?

— За арапа Ибрагима.

Старушка ахнула и сплеснула руками. Князь Лыков приподнял голову с подушек и с изумлением повторил: «За арапа Ибрагима!»

— Батюшка-братец, — сказала старушка слезливым голосом, — не погуби ты своего родимого дитяти, не дай ты Наташеньки в когти чёрному дьяволу.

— Но как же, — возразил Гаврила Афанасьевич, — отказать государю, который за то обещает нам свою милость, мне и всему нашему роду?

— Как, — воскликнул старый князь, у которого сон совсем прошёл, — Наташу, внучку мою, выдать за купленного арапа!

— Он роду не простого, — сказал Гаврила Афанасьевич, — он сын арапского салтана. Басурмане взяли его в плен и продали в Цареграде, а наш посланник выручил и подарил его царю. Старший брат арапа приезжал в Россию с знатным выкупом и...

— Батюшка, Гаврила Афанасьевич, — перервала старушка, — слышали мы сказку про Бову-королевича да Еруслана Лазаревича. Расскажи-тко нам лучше, как отвечал ты государю на его сватание.

— Я сказал, что власть его с нами, а наше холопье дело повиноваться ему во всём.

В эту минуту за дверью раздался шум. Гаврила Афанасьевич пошёл отворить её, но, почувствовав сопротивление, он сильно её толкнул, дверь отворилась — и увидели Наташу, в обмороке простёртую на окровавленном полу.

Сердце в ней замерло, когда государь заперся с её отцом. Какое-то предчувствие шепнуло ей, что дело касается до неё, и когда Гаврила Афанасьевич отослал её, объявив, что должен говорить её тётке и деду, она не могла противиться влечению женского любопытства, тихо через внутренние покои подкралась к дверям опочивальни и не пропустила ни одного слова из всего ужасного разговора; когда же услышала последние отцовские слова, бедная девушка лишилась чувств и, падая, расшибла голову о кованный сундук, где хранилось её приданое.

Люди сбежались; Наташу подняли, понесли в её светлицу и положили на кровать. Через несколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тётки. Сильный жар обнаружился, она твердила в бреду о царском арапе, о свадьбе — и вдруг закричала жалобным и пронзительным голосом: «Валериан, милый Валериан, жизнь моя! спаси меня: вот они, вот они!..» Татьяна Афанасьевна с беспокойством взглянула на брата, который побледнел, закусил губы и молча вышел из светлицы. Он возвратился к старому князю, который, не могши взойти на лестницу, оставался внизу.

— Что Наташа? — спросил он.

— Худо, — отвечал огорчённый отец, — хуже, чем я думал: она в беспамятстве бредит Валерианом.

— Кто этот Валериан? — спросил встревоженный старик. — Неужели тот сирота, стрелецкий сын, что воспитывался у тебя в доме?

— Он сам, — отвечал Гаврила Афанасьевич. — На беду мою, отец его во время бунта спас мне жизнь, и чёрт меня догадал принять в свой дом проклятого волчонка. Когда, тому два году, по его просьбе, записали его в полк, Наташа, прощаясь с ним, расплакалась, а он стоял как окаменелый. Мне показалось это подозрительным, и я говорил о том сестре. Но с тех пор Наташа о нём не упоминала, а про него не было ни слуху, ни духу. Я думал, она его забыла; ан, видно, нет. Решено: она выйдет за арапа.

Князь Лыков не противуречил: это было бы напрасно. Он поехал домой; Татьяна Афанасьевна осталась у Наташиной постели; Гаврила Афанасьевич, послав за лекарем, заперся в своей комнате, и в его доме всё стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, по крайней мере столь же, как и Гаврилу Афанасьевича. Вот как это случилось: Пётр, занимаясь делами с Ибрагимом, сказал ему:

— Я замечаю, брат, что ты приуныл; говори прямо: чего тебе недостаёт? — Ибрагим уверил государя, что он доволен своей участью и лучшей не желает.

— Добро, — сказал государь, — если ты скучаешь безо всякой причины, так я знаю, чем тебя развеселить.

По окончанию работы Пётр спросил Ибрагима:

— Нравится ли тебе девушка, с которой ты танцевал минавет на прошедшей ассамблее?

— Она, государь, очень мила и, кажется, девушка скромная и добрая.

— Так я ж тебя с нею познакомлю покороче. Хочешь ли ты на ней жениться?

— Я, государь?..



«Арап Петра Великого». Пётр и Ибрагим в Петербурге. Рисунок худ. *И. Симакова*. 1904 г.

— Послушай, Ибрагим, ты человек одинокий, без роду и племени, чужой для всех, кроме одного меня. Умри я сегодня, завтра что с тобою будет, бедный мой арап? Надобно тебе пристроиться, пока есть ещё время; найти опору в новых связях, вступить в союз с русским боярством.

— Государь, я счастлив покровительством и милостями вашего величества. Дай мне Бог не пережить своего царя и благодетеля, боле ничего не желаю; но если б и имел в виду жениться, то согласятся ли молодая девушка и её родственники? моя наружность...

— Твоя наружность! какой вздор! чем ты не молодец? Молодая девушка должна повиноваться воле родителей, а посмотрим, что скажет старый Гаврила Ржевский, когда я сам буду твоим сватом? — При сих словах государь велел подавать сани и оставил Ибрагима, погружённого в глубокие размышления.

«Жениться! — думал африканец, — зачем же нет? ужели суждено мне провести жизнь в одиночестве и не знать лучших наслаждений и священнейших обязанностей человека потому только, что я родился под пятнадцатым градусом¹?

Мне нельзя надеяться быть любимым: детское возражение! разве можно верить любви? разве существует она в женском, легкомысленном сердце? Отказавшись навек от милых заблуждений, я выбрал иные обольщения — более существенные. Государь прав: мне должно обеспечить будущую судьбу мою. Свадьба с молодою Ржевскою соединит меня к гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцем в новом моём отечестве. От жены я не стану требовать любви, буду довольствоваться её верностью, а дружбу приобрету постоянной нежностью, доверенностью и снисхождением».

Ибрагим по своему обыкновению хотел заняться делом, но воображение его слишком было развлечено. Он оставил бумаги и пошёл бродить по невской набережной. Вдруг услышал он голос Петра; оглянулся и увидел государя, который, отпустив сани, шёл за ним с весёлым видом. — «Всё, брат, кончено, — сказал Пётр, взяв его под руку. — Я тебя сосватал. Завтра поезжай к своему тестю; но смотри, потешь его боярскую спесь; оставь сани у ворот; пройди через двор пешком; поговори с ним о его заслугах, о знатности, и он будет от тебя без памяти. А теперь, — продолжал он, потряхивая дубинкою, — заведи меня

¹ ...родился под пятнадцатым градусом. — В рукописи цифра 15 отсутствует и оставлен в этом месте пробел. Абрам (Ибрагим) Ганнибал родился в Абиссинии на берегу реки Мареп.

к плуту Данилычу, с которым надо мне перевестаться за его новые проказы».

Ибрагим, сердечно отблагодарив Петра за его отеческую заботливость о нём, довёл его до великолепных палат князя Меншикова и возвратился домой.

Глава VI

Тихо теплилась лампада перед стеклянным кивотом, в коем блистали золотые и серебряные оклады наследственных икон. Дрожащий свет её слабо озарял занавешенную кровать и столик, уставленный склянками с ярлыками. У печки сидела служанка за самопрялкою, и лёгкий шум её веретена прерывал один тишину светлицы.

— Кто здесь? — произнёс слабый голос. Служанка встала тотчас, подошла к кровати и тихо приподняла полог. — Скоро ли рассветёт? — спросила Наталья.

— Теперь уже полдень, — отвечала служанка.

— Ах, Боже мой, отчего же так темно?

— Окна закрыты, барышня.

— Дай же мне поскорее одеваться.

— Нельзя, барышня, дохтур не приказал.

— Разве я больна? давно ли?

— Вот уж две недели.

— Неужто? а мне казалось, будто я вчера только легла...

Наташа умолкла; она старалась собрать рассеянные мысли. Что-то с нею случилось, но что именно? не могла вспомнить. Служанка всё стояла перед нею, ожидая приказанья. В это время раздался снизу глухой шум.

— Что такое? — спросила больная.

— Господа откушали, — отвечала служанка: — встают из-за стола. Сейчас придёт сюда Татьяна Афанасьевна.

Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задёрнула занавес и села опять за самопрялку.

Через несколько минут из-за двери показалась голова в белом широком чепце с тёмными лентами, и спросили вполголоса:

— Что Наташа?

— Здравствуй, тётушка, — сказала тихо больная; и Татьяна Афанасьевна к ней поспешила.

— Барышня в памяти, — сказала служанка, осторожно придвигая кресла.

Старушка со слезами поцеловала бледное, томное лицо племянницы и села подле неё. Вслед за нею немец-лекарь, в чёрном кафтане и в учёном парике, вошёл, пощупал у Наташи пульс и объявил по-латыни, а потом и по-рус-

ски, что опасность миновалась. Он потребовал бумаги и чернильницы, написал новый рецепт и уехал, а старушка встала и, снова поцеловав Наталью, с доброю вестию тотчас отправилась вниз к Гавриле Афанасьевичу.

В гостиной, в мундире при шпаге, с шляпою в руках, сидел царский арап, почтительно разговаривая с Гаврилою Афанасьевичем. Корсаков, растянувшись на пуховом диване, слушал их рассеянно и дразнил заслуженную борзую собаку; наскуча сим занятием, он подошёл к зеркалу, обыкновенному прибежищу его праздности, и в нём увидел Татьяну Афанасьевну, которая из-за двери делала брату незаметаемые знаки.

— Вас зовут, Гаврила Афанасьевич, — сказал Корсаков, обратясь к нему и перебив речь Ибрагима. Гаврила Афанасьевич тотчас пошёл к сестре и притворил за собою дверь.

— Дивлюсь твоему терпению, — сказал Корсаков Ибрагиму. — Битый час слушаешь ты бредни о древности рода Лыковых и Ржевских и ещё присовокупляешь к тому свои нравоучительные примечания! На твоём месте j'aurais planté là¹ старого враля и весь его род, включая тут же и Наталью Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной, une petite santé²... Скажи по совести, ужели ты влюблен в эту маленькую mijaurée³? Послушай, Ибрагим, последуй хоть раз моему совету; право, я благоумнее, чем кажусь. Брось эту блажную мысль. Не женись. Мне сдаётся, что твоя невеста никакого не имеет особенного к тебе расположения. Мало ли что случается на свете? Например: я, конечно, собою не дурён, но случилось, однако ж, мне обманывать мужей, которые были, ей-Богу, ничем не хуже моего. Ты сам... помнишь нашего парижского приятеля, графа D.? Нельзя надеяться на женскую верность; счастлив, кто смотрит на это равнодушно! но ты!.. С твоим ли пылким, задумчивым и подозрительным характером, с твоим сплюсненным носом, вздутыми губами, с этой шершавой шерстью бросаться во все опасности женитьбы?..

— Благодарю за дружеский совет, — перервал холодно Ибрагим, — но знаешь пословицу: не твоя печаль чужих детей качать...

— Смотри, Ибрагим, — отвечал смеясь Корсаков, — чтоб тебе после не пришлось эту пословицу доказывать на самом деле, в буквальном смысле.

¹ ...я бы плюнул на...

² ...слабенькой.

³ ...жеманницу.

Но разговор в другой комнате становился горяч.

— Ты уморишь её, — говорила старушка. — Она не вынесет его виду.

— Но посуди ты сама, — возражал упрямый брат. — Вот уже две недели ездит он женихом, а до сих пор не видел невесты. Он наконец может подумать, что её болезнь пустая выдумка, что мы ищем только как бы время продлить, чтоб как-нибудь от него отделаться. Да что скажет и царь? Он уж и так три раза присылал спросить о здоровье Натальи. Воля твоя, а я ссориться с ним не намерен.

— Господи Боже мой, — сказала Татьяна Афанасьевна, — что с нею, бедною, будет? По крайней мере, пусти меня приготовить её к такому посещению. — Гаврила Афанасьевич согласился и возвратился в гостиную.

— Слава Богу, — сказал он Ибрагиму, — опасность миновалась. Наталья гораздо лучше; если б не совестно было оставить здесь одного дорогого гостя, Ивана Евграфовича, то я повёл бы тебя вверх взглянуть на свою невесту.

Корсаков поздравил Гаврилу Афанасьевича, просил не беспокоиться, уверил, что ему необходимо ехать, и побежал в переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между тем Татьяна Афанасьевна спешила приготовить больную к появлению страшного гостя. Вошед в светлицу, она села, задыхаясь, у постели, взяла Наташу за руку, но не успела ещё вымолвить слова, как дверь отворилась. Наташа спросила, кто пришёл. Старушка обмерла и онемела. Гаврила Афанасьевич отдернул занавес, холодно посмотрел на больную и спросил, какова она? Больная хотела ему улыбнуться, но не могла. Суровый взгляд отца её поразил, и беспокойство овладело ею. В это время показалось, что кто-то стоял у её изголовья. Она с усилием приподняла голову и вдруг узнала царского арапа. Тут она вспомнила всё, весь ужас будущего представился ей. Но изнурённая природа не получила приметного потрясения. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза... сердце в ней билось болезненно. Татьяна Афанасьевна подала брату знак, что больная хочет уснуть, и все вышли потихоньку из светлицы, кроме служанки, которая снова села за самопрялку.

Несчастливая красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала её за карлицею. Но в ту же минуту круглая, старая крошка, как шарик подкатилась к её кровати. Ласточка (так называлась карлица) во всю прыть коротеньких ножек, вслед за Гаврилою Афанасьевичем и Ибрагимом, пустилась вверх по лестнице и притаилась за дверью, не изменяя любопытству, сродному прекрасному полу. Наташа,

увидя её, выслала служанку, и карлица села у кровати на скамеечку.

Никогда столь маленькое тело не заключало в себе столь много душевной деятельности. Она вмешивалась во всё, знала всё, хлопотала обо всём. Хитрым и вкрадчивым умом умела она приобрести любовь своих господ и ненависть всего дома, которым управляла самовластно. Гаврила Афанасьевич слушал её доносы, жалобы и мелочные просьбы; Татьяна Афанасьевна поминутно справлялась с её мнениями и руководствовалась её советами; а Наташа имела к ней неограниченную привязанность и доверяла ей все свои мысли, все движения шестнадцатилетнего своего сердца.

— Знаешь, Ласточка? — сказала она, — батюшка выдаёт меня за арапа.

Карлица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо её сморщилось ещё более.

— Разве нет надежды, — продолжала Наташа, — разве батюшка не сжалится надо мною?

Карлица тряхнула чепчиком.

— Не заступятся ли за меня дедушка али тётушка?

— Нет, барышня. Арап во время твоей болезни всех успел заморозить. Барин от него без ума, князь только им и бредит, а Татьяна Афанасьевна говорит: жаль, что арап, а лучшего жениха грех нам и желать.

— Боже мой, Боже мой! — простонала бедная Наташа.

— Не печалься, красавица наша, — сказала карлица, целуя её слабую руку. — Если уж и быть тебе за арапом, то всё же будешь на своей воле. Нынче не то, что в старину; мужья жён не запирают; арап, слышно, богат; дом у вас будет как полная чаша, заживёшь припеваючи...

— Бедный Валериан, — сказала Наташа, но так тихо, что карлица могла только угадать, а не слышать эти слова.

— То-то барышня, — сказала она, таинственно понизив голос: — кабы ты меньше думала о стрелецком сироте, так бы в жару о нём не бредила, а батюшка не гневался б.

— Что? — сказала испуганная Наташа, — я бредила Валерианом, батюшка слышал, батюшка гневается!

— То-то и беда, — отвечала карлица. — Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арапа, так он подумает, что Валериан тому причиною. Делать нечего: уж покорись воле родительской, а что будет, то будет.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна её сердца известна отцу её, сильно подействовала на её воображение. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершения ненавистного брака. Эта мысль её утешила. Слабой и печальной душой покорила она своему жребию.

Глава VII

В доме Гаврилы Афанасьевича из сеней направо находилась тесная каморка с одним окошечком. В ней стояла простая кровать, покрытая байковым одеялом, а перед кроватью еловый столик, на котором горела сальная свеча и лежали открытые ноты. На стене висел старый синий мундир и его ровесница, треугольная шляпа; над нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картинка, изображающая Карла XII верхом. Звуки флейты раздавались в этой смиренной обители. Пленный танцмейстер, уединённый её житель, в колпаке и в китайчатом шлафорке, услаждал скуку зимнего вечера, наигрывая старинные шведские марши, напоминающие ему весёлое время его юности. Посвятив целые два часа на сие упражнение, швед разобрал свою флейту, вложил её в ящик и стал раздеваться.

В это время защёлка двери его приподнялась, и красивый молодой человек высокого роста, в мундире, вошёл в комнату.

Удивлённый швед встал перед нечаянным гостем.

— Ты не узнал меня, Густав Адамыч, — сказал молодой посетитель тронутым голосом. — Ты не помнишь мальчика, которого учил ты шведскому артикулу, с которым ты чуть не наделал пожара в этой самой комнатке, стреляя из детской пушечки?

Густав Адамыч пристально всматривался...

— Э-э-э, — вскричал он наконец, обнимая его, — сдарофо, тофно ли твой сдесь. Садись, твой тобрый повес, погофорим.

.

● *Поразмыслиаем над прочитанным*

1. Итак, неоконченный Пушкиным исторический роман имеет в своей основе биографию Абрама Ганнибала — прадеда поэта, его отношения с Петром I, обстоятельства личной жизни. Поэт внёс в эти истории изменения. Какие? С какой целью? Что хотел он показать в деятельности Петра I?
2. Заметили ли вы разницу в стилистике «парижских» и «петербургских» глав романа? Как вы думаете, чем обусловлена эта разница?
3. Сравните образы Петра I и герцога Орлеанского. Какие два типа правителя являют эти образы? Какие качества Петра подчёркивает Пушкин, создавая образ великого монарха?

4. Вряд ли в реальности царь встречал Ибрагима перед Петербургом. Как вы думаете, для чего Пушкину потребовалась такая сцена в романе? Каким предстал взору Ибрагима новый столичный град? Какую художественную задачу решал Пушкин, изображая совместную поездку Петра I и Ибрагима?
5. Каков был дом боярина Ржевского? Что занимало обитателей дома? В чём смысл их разговоров? Почему так удивило и озадачило хозяина сватовство государя? Какие сомнения высказал Петру Ибрагим?
6. Кто был солиднее и по-мужски разумнее в коротком разговоре о женитьбе, который происходил между Корсаковым и Ибрагимом?
7. Поскольку роман не окончен, можете ли вы предположить, исходя из характеров Наташи и Ибрагима, какова будет их дальнейшая судьба? Какими представляются вам характеры двух главных героев?
8. Обратите внимание на устаревшие слова, использованные Пушкиным. Какие из них ещё употребляются в нашей речи, какие встречались в других произведениях? Подготовьте небольшой словарик таких слов, объяснив их с помощью словарей:

<i>снисходи́тельствова́л</i> —	<i>гайду́ки</i> —
<i>ревность к уче́нию</i> —	<i>ро́бы</i> —
<i>почте́ние</i> —	<i>фи́жмы</i> —
<i>набо́жность</i> —	<i>робро́нды</i> —
<i>предуве́домить</i> —	<i>манти́льи</i> —
<i>кута́фья</i> —	<i>шкíперы</i> —
<i>болдыха́н</i> —	<i>канифа́сные</i> —
<i>диви́ться</i> —	<i>мальва́зия</i> —
<i>благоскло́нность</i> —	<i>када́нс</i> —
<i>че́лядь</i> —	<i>кура́нты</i> —
<i>шушу́н</i> —	<i>пово́йник</i> —
<i>ки́чка</i> —	

Продолжите список и подготовьте объяснения этих слов.

9. Прочитайте стихотворение Пушкина «Моя родословная», в котором поэт также обращается к истории своего рода. Прочитайте статью об этом стихотворении в книге «А. С. Пушкин. Школьный энциклопедический словарь» и комментарии к стихотворению в соответствующем томе любого собрания сочинений поэта. А затем прочитайте сочинение десятиклассницы из г. Дмитрова Александры Корольковой «Анализ стихотворения А. С. Пушкина „Моя родословная“» (с. 103—106). Во всём ли вы согласны с автором сочинения? Напишите рецензию на сочинение школьницы.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не ассессор¹,
Я по кресту² не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин³.

Понятна мне времён превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И, по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами⁴,
Не ваксил царских сапогов⁵,
Не пел с придворными дьячками⁶,
В князя не прыгал из хохлов⁷,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава Богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

¹ *Ассессор* — коллежский ассессор, 8-й чин в Табели о рангах, учреждённой Петром I.

² *По кресту* — т. е. по судьбе, по своей доле.

³ *Мещанин* — из сословия ремесленников, мелких торговцев в Российской империи XVIII—XIX веков.

⁴ *Не торговал мой дед блинами...* — намёк на князя А. Д. Меншикова.

⁵ *Не ваксил царских сапогов...* — намёк на камердинера Павла I графа И. П. Кутайсова.

⁶ *...Не пел с придворными дьячками...* — намёк на графа А. Г. Разумовского.

⁷ *...В князя не прыгал из хохлов...* — намёк на канцлера А. А. Безбородко.

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил¹
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой²,
Умён покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся³
Средь петергофского двора,
Как Миних⁴, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы⁵,
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин⁶,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

¹ ...С Петром мой пращур не поладил... — Фёдор Пушкин, казнённый в 1697 году за участие в заговоре Циклера.

² Князь Яков Долгорукой — сподвижник Петра I, отличался прямою характером и часто говорил царю правду в глаза.

³ Мой дед, когда мятеж поднялся... — Л. А. Пушкин; был посажен в крепость после переворота 1762 года, закончившегося убийством Петра III.

⁴ Миних — граф-фельдмаршал. Служил в русской армии при Петре I.

⁵ Попали в честь тогда Орловы... — граф А. Г. Орлов, один из убийц Петра III.

⁶ Мусин — Мусины-Пушкины, дворянский род, находившийся в дальнем родстве с родом Пушкиных.

Post scriptum¹

Решил Фиглярин², сидя дома,
Что чёрный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин³.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин⁴.

АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»

Стихотворение А. С. Пушкина «Моя родословная» является в принципе полемическим: оно направлено против литературных критиков (и, в частности, Фаддея Булгарина), которые относились к Пушкину враждебно и критиковали в печати не только его произведения, но и личную жизнь и происхождение. И Пушкин, задетый за живое, отвечает на подобные нападки сатирическим стихотворением, высмеивавшим не только Булгарина и его единомышленников, но также русскую власть и русское дворянство.

Тема стихотворения «Моя родословная» — описание приключений и общественного положения представителей

¹ *Post scriptum* — после сказанного (лат.).

² *Фиглярин* — позорная кличка реакционного журналиста Ф. В. Булгарина, намекавшая на его лицемерие (*фигляр* — актёр, лицедей).

³ *Наварин* — крепость, которой овладели русские войска под предводительством Ивана Абрамовича Ганнибала (1737—1801) в русско-турецкую войну (1768—1774).

⁴ ...Он в Мещанской дворянин — в Мещанской улице, в районе притонов.

рода Пушкиных в разные периоды истории России, а также причины того, что он, «бояр старинных потомок», всего лишь «мелкий мещанин».

За внешней покорностью судьбе скрывается обида: Пушкин прежде всего живой человек, и он, хотя и посмеиваясь над «своей родословной», всё-таки вкладывает в это стихотворение идею того, что в России ценят лишь тех, кто приспособляется к власти и льстит ей, а старинные дворянские роды отходят в тень, и их потомки иногда становятся даже мещанами.

Практически каждая из строф стихотворения описывает реальное историческое событие или ситуацию либо намекает на него.

В первой строфе Пушкин перечисляет способы получения личного дворянства, принятые тогда в России: офицерский чин на военной службе, чин коллежского асессора на штатской, научное звание профессора или членство в какой-либо академии, а также получение ордена, сопровождавшееся правом на дворянство.

В последующих строфах автор объясняет, почему дворянство не досталось ему по происхождению; во второй строфе он как бы формулирует принцип знатности: «чем новее, тем знатней», а «родов дряхлеющих обломки» не только не пользуются таким же уважением при дворе, но зачастую становятся просто «мелким мещанином». В третьей строфе поэт иронически перечисляет занятия предков наиболее знатных тогдашних дворян: так, под строкой «не торговал мой дед блинами» подразумевается любимец Петра I Александр Данилович Меншиков. Пушкин намекает на то, что аристократом в тогдашней России мог быть лишь такой человек, чьи предки занимались мелкой и зачастую грязной работой, прислуживая царям, и получали за это чины и имения; те же люди, чей род уходил корнями далеко в прошлое, не ценились.

Четвёртая, пятая, шестая и седьмая строфы повествуют об исторических событиях, в связи с которыми упоминались в летописях имена предков Пушкина. Этот отрывок охватывает период со времени княжения на севере Руси Александра Невского (XIII век) до вступления на престол и царствования императрицы Екатерины II (вторая половина XVIII века) и включает в себя такие события, как оборона Руси от немецких и литовских войск при князе Невском, правление Иоанна Грозного, Смутное время, когда предки Пушкина помогали Кузьме Минину («нижегородскому мещанину») и князю Пожарскому изгнать из Москвы польских интервентов, а также способствовали избранию на царство Михаила Романова; казнь одного из

Пушкиных Петром I; вступление на престол Екатерины II, когда один из предков Пушкина поддержал законного, но слабого государя — Петра III. Это было неуютно Екатерине, посадившей того Пушкина «в крепость» — в тюрьму и лишившей его дворянства.

Пушкин посмеивается над своим положением и даже вкрапляет в свою речь типично мещанские выражения, такие как «смотри, пожалуй, вздор какой!»; «я, братцы...», «я сам большой». В то же время поэт заявляет, что он не ропщет на свою судьбу: «Понятна мне времён превратность, Не прекословлю, право, ей», «Я, слава Богу, мещанин», «...Крови спесь угомонил».

Как настоящий поэт, Пушкин гордится тем, что он «грамотей и стихотворец».

В постскрипуме же Александр Сергеевич говорит о своём предке по материнской линии — негре Ганнибале, привезённом Петром I в Россию:

...сходно купленный арап
Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

Это стихотворение Пушкина тесно связано и перекликается с другими его произведениями. Две строки «Моей родословной» очень напоминают фрагменты «Евгения Онегина»:

«Его пример будь нам наукой» в «Моей родословной» — «Его пример — другим наука» в романе в стихах и «Я сам большой...» в этом стихотворении — «Да щей горшок, да сам большой» в «Евгении Онегине». Также это стихотворение перекликается с эпиграммой на Фаддея Булгарина:

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин —
Беда, что скучен твой роман.

Пушкин не очень любил прямо называть адресатов своих эпиграмм, и поэтому он или просто не называл их имен (как, например, в другой эпиграмме на того же Булгарина «Клеветник без дарованья...»), или заменял их именами (фамилиями), сходными с оригиналом по звучанию и подходящими тону стихотворения или эпиграммы по значению, как в этих стихотворении и эпиграмме: Булгарин — Флюгарин — Фиглярин. Как видно, «Моя родословная» и особенно её постскрипtum очень близки по духу к эпиграммам Пушкина. На это указывает ещё и намёк на лич-

ную жизнь самого Булгарина: в последней строке упомянуто название улицы Мещанской, с которой для Булгарина и его жены (родом оттуда) была связана неприятная история.

Язык Пушкина здесь, как и во многих других произведениях, кипит юмором; он насыщен изобразительно-выразительными средствами. Поэт использует метафоры («родов дряхлеющих обломков», «мышца бранная», «гнев венчаный»), эпитеты («род суровый», «бренных непогод», «бег державный»), метонимию («солдатом австрийских пудренных дружин», «Романовых на царство звал в грамоте своей народ»), умолчание («Бывало... но — я мещанин»), олицетворение («ярость бренных непогод», «упрямства дух нам всем подгадил»). Очень яркой особенностью является антитеза, на которой построено всё стихотворение:

Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Также Пушкин в последних строках «Моей родословной» использует каламбур:

Я во дворянстве мещанин;
...он в Мещанской дворянин.

В стихотворении встречается инверсия, прямые обращения к читателю («Смотри, пожалуй, вздор какой!», «братцы») и риторические вопросы («Так мне ли быть аристократом?», «Что ж он в семье своей почтенной?»).

Стихотворение «Моя родословная» сходно по построению с классической формой баллады: основная его часть написана строфами по восемь строк, принятыми для баллады; последним и ключевым словом каждой из строф является «мещанин», в то время как в балладе в конце каждой строфы должна быть повторяющаяся строка — рефрен. Постскрипtum стихотворения перекликается с «посылкой» баллады — четверостишием, в котором указывается её адресат.

Стихотворение написано достаточно традиционным для Пушкина четырёхстопным ямбом (как и «Евгений Онегин»); в нём использована перекрёстная рифмовка строк.

Как и многие другие сатирические стихотворения А. С. Пушкина, «Моя родословная» отличается блестящим остроумием и очень живым, доступным языком. Здесь наряду с «высоким штилем» встречаются простонародные выражения; строки стихотворения запоминаются как бы сами собой, и в этом очень большая заслуга А. С. Пушкина, названного и ставшего «солнцем русской поэзии» и при этом оставшегося живым и остроумным человеком.

А. Королькова

Викторина

1. Какой эпиграф выбрал Пушкин к «Капитанской дочке»?
2. Назовите шесть произведений Пушкина, в которых имя главной героини Мария.
3. Из какого стихотворения Пушкина взяты слова «глаголом жги сердца людей», ставшие *крылатой фразой*?
4. В каких двух больших стихотворных произведениях одинаковое имя главных героев?
5. В каких произведениях Пушкин изобразил Пугачёва?
6. Кем был создан знаменитый памятник Пушкину в Москве?
7. О каком из своих портретов Пушкин сказал: «Себя, как в зеркале, я вижу, / Но это зеркало мне льстит»?
8. Какие вам известны кинофильмы, созданные по мотивам произведений Пушкина?
9. Кто написал оперу «Руслан и Людмила»?
10. Кто написал оперу «Дубровский»?
11. В каких произведениях Пушкина изображены исторические события?
12. Назовите имена членов семьи боярина Ржевского из романа «Арап Петра Великого».
13. Кто из героев Пушкина:

- когда был не в духе, насвистывал «Гром победы раздавайся»;
- делал змея из географической карты.

Назовите имя героини Пушкина, которая ответила мужу перед боем: «Вместе жить, вместе и умирать».

14. В каких произведениях Пушкина изображены эти картины природы?

— «Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...»

— «По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там...»

— «Вот идёт он к синему морю,

Видит, на море чёрная буря:

Так и вздулись сердитые волны,

Так и ходят, так воем и воют...»

«Но едва Владимир выехал за околицу, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел...»

15. Кто сказал так о великом поэте?

— «Слушая сказки Пушкина, мы с малых лет учимся ценить чистое, простое, чуждое преувеличения и напыщенности слово...»

— «Чудесный талант! Какие стихи. Он мучит меня своим даром, как привидение».

— «Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы».

16. Назовите по имени и отчеству:

- героиню повести «Станционный смотритель»;
- родителей Петра Гринёва;
- дядьку Петра Гринёва;
- капитана Миронова и его жену;
- отца и сына Дубровских;
- Троекурова и его дочь.

Ответы на вопросы викторины

1. «Береги честь смолоду». 2. «Дубровский», «Капитанская дочка», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Выстрел», «Метель». 3. «Пророк». 4. «Евгений Онегин», «Медный всадник». 5. В «Капитанской дочке», в «Истории Пугачёва». 6. А. Опекушиным. 7. О портрете О. Кипренского. 8. Кинофильмы «Капитанская дочка», «Дубровский», «Метель», «Барышня-крестьянка», «Маленькие трагедии». 9. М. Глинка. 10. Э. Направник. 11. «Капитанская дочка», «Медный всадник», «Полтава», «Арап Петра Великого», «Борис Годунов» и др. 12. Гаврила Афанасьевич, Наталья Гавриловна, Татьяна Афанасьевна. 13. Кирила Петрович Троекуров («Дубровский»); Пётр Гринёв («Капитанская дочка»). Василиса Егоровна («Капитанская дочка»). 14. «Осень», «Медный всадник», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Метель». 15. С. Маршак, В. Жуковский, В. Даль. 16. Авдотья Самсоновна; Андрей Петрович и Авдотья Васильевна; Архип Савельич; Иван Кузмич и Василиса Егоровна; Андрей Владимирович и Владимир Андреевич; Кирила Петрович и Марья Кириловна.

• Вопрос и задания

1. Устройте состязание, кто больше знает пушкинских каламбуров, например:

Не дай мне Бог сойти с ума.

Нет, легче посох и сума.

А что же делает супруга,
Одна в отсутствие супруга?

В год три щелчка тебе по лбу.
Есть же мне давай варёную полбу.

Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовёт их в гости.

2. Что вы знаете о родных имениях А. С. Пушкина (Захарово, Болдино, Михайловское)? Расскажите о них.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ 1814—1841



До 8 класса вы успели познакомиться со многими произведениями М. Ю. Лермонтова — это «Бородино» и «Песня про... купца Калашникова», «Тучи», «Листок», «На севере диком...», «Утёс» и «Три пальмы», «Молитва» и «Мцыри» и др. Многие его стихотворения и поэмы вы, конечно, читали самостоятельно, знакомились с его жизнью и творчеством. Познакомимся с впечатлениями от посещения родового имения поэта.

В ГОСТЯХ У ЛЕРМОНТОВА. ОСЕННИЙ ДЕНЬ В ТАРХАНАХ¹

Парадокс жизни: именно несчастливый брак родителей привёл мальчика Мишу Лермонтова в затерянное среди среднерусских полустепных просторов село Тарханы, при-



Тарханы. Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова

¹ *Тарханы* — усадьба в Пензенской губернии.

общил к возвышающему и утешающему, наполненному поэзией миру природы. Не ладили между собой родители поэта. Двухлетний мальчик остался без матери — она умерла. Обожавшая внука бабушка — Елизавета Алексеевна Арсеньева — сделала всё возможное, чтобы он остался жить с ней в Тарханах. Не это ли предопределило поэтическую судьбу мальчика? Не под этими ли печальными ивами шептались изначальные строчки? И не отсюда ли открывалось поэту беспредельное величие народа и родины?

Не надо гадать. Михаил Юрьевич сам ответил на эти вопросы. Откройте его томик — на многих страницах почувствуете отблеск тархановской поры, уловите приметы отроческой родины поэта. Разве не среди печальных полей детства запал в душу горьковатый дымок осеннего горящего жнивья и вылился щемящей строкой: «Люблю дымок спалённой жнивьи»?

Тарханы — творческая колыбель поэта. В 1828 году здесь написаны «Черкесы», спустя несколько лет создана драма «Два брата», поэма «Сашка» и другие произведения. И разве не заметны явственные признаки тархановских впечатлений в романе «Вадим», в «Песне про... купца Калашникова», в «Бородине»?

Нет, дни, прожитые в затерянном на просторах России уголке земли, не исчезли бесследно. Они невидимыми родниками напитали могучую реку лермонтовской поэзии, не давая ей ни оскудеть, ни остановиться. И именно за это благодарность к Тарханам живёт в каждом из нас.

Все мы родом из детства. Великие поэты, возможно, больше, чем другие, ощущают эту корневую связь первых шагов человека на земле и всего земного пути. Вспомним: один тосковал о милом сельце Михайловском под скупыми псковскими небесами; другой не мог оторваться от янополянских дубрав; третьему всегда светил в судьбе огонёк в окне рязанской избы.

А Лермонтов навек породнился с Тарханами.

Полтора века минуло с того дня, когда печальный свинцовый гроб с телом поэта обрёл здесь вечное пристанище. А Тарханы всё больше и больше наполнились поэзией Лермонтова, его неукротимым и смятенным духом, его незримым присутствием. Это и придаёт им ту трудно выразимую словами притягательность, о которой Константин Паустовский сказал:

«Я не знаю, в чём очарование мест, связанных с памятью замечательных людей. Но оно — бесспорно. В нём соединяются гордость за силу человеческого духа, пение стихов, доносящихся как бы из глубокой полевой дали, ясное ощущение, что время теряет в таких

случаях свою разрушительную силу, что забвения нет. И наконец, радостное сознание необыкновенного блеска и мужества мысли, оставленной нам в наследство прекрасным предшественником».

Опустошающее человеческие души забвение победительно при нашем равнодушии. Оно трусливо отступает, если люди умеют хранить память о том, что было до нас. Память печальную, память грозную, память светлую.

В Тарханах эту охранительную силу памяти ощущаешь буквально на каждом шагу.

История старинного села возле большого почтового тракта началась ещё в XVIII веке. Оно не раз меняло своё название, но обрело всемирную известность под тем именем, которое носило в лермонтовскую пору.

«От барского дома по скату горы до самой реки расстился фруктовый сад. С балкона видны были дымящиеся села луговой стороны, синеющие степи и жёлтые нивы. Барский дом был... деревянный с мезонином, выкрашенный жёлтой краской, а двор обстроен был одноэтажными длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведен валом, на котором качались и сохли жидкие вётлы», — вспоминал М. Ю. Лермонтов.

И сейчас, миновав плотину верхнего пруда, ступив со стеснённым сердцем на заповедную землю, вы можете увидеть всё это. Можете постоять над безмолвием прудов, затихших в обросших осокой берегах. Побывать в доме ключника. Спуститься в сад, полюбоваться окрестностями с гребня вала, существующего до сих пор. И, надышавшись воздухом Тархан, осторожно подняться по деревянным лестницам старого барского дома в лермонтовские комнаты... Немного вещей осталось после недолгой жизни поэта: шкапулка, портсигар, курительная трубка, личная печатка, рисунки и книги. И вы не в состоянии отвести от них взгляд.

Мятежная душа скитальца — и мирный быт нашей повседневности. Как это всё далеко друг от друга, как призрачна на первый взгляд связь... Но как крепка! Как прочно, как правомерно живут в нашей душе и лермонтовские слова, и наши дела и помыслы...

Когда я прощался с Тарханами, где-то за дальней рощей прогремел последний осенний гром. Над прудами висели грозные тучи. И краткий облегчающий ливень прошумел над усадьбой. Задымился мокрый асфальт, всполошились утки на прудах.

А потом выглянуло солнце. И вдруг вознеслась, взметнулась над полями и рощами, над плотиной и нивами крутая радуга. Одним своим концом она опиралась на зеленую луговину усадьбы, другой терялся где-то в дали

уже по-осеннему пустынных, замёрзших в ожидании зимы полей. Так и стояла эта радуга над землёй древних Тархан, радуя глаз и веселя душу, словно вечный мост радости и понимания, соединяющий прошлое и будущее, боль и радость, сердце Михаила Лермонтова и наши сердца.

Жан Миндубаев

* * *

Что же можно сказать о Лермонтове теперь, после его великой всенародной славы, после статей Белинского, после того, как его прочли сотни миллионов людей нескольких русских поколений? Много, бесконечно много, потому что великая поэзия, питающая язык народа, обладает свойством неисчерпаемости. После того как мы знаем уже какое-либо стихотворение или прозу писателя наизусть, нам стоит только произнести его внимательно вновь, и мы почувствуем, что мы обнаружили в нём нечто новое, что-то ускользавшее от нас прежде. Это «что-то», что-то как бы немногое, всегда остающееся за пределами нашего понимания и осваиваемое нами лишь повторным чтением, но никогда не дающееся нам целиком и без остатка, и есть признак произведения великой силы и глубокой прелести, признак неистощимости такого рода поэзии, — и потому каждому даётся возможность снова и снова ощущать питающую силу поэзии и право делиться с ней впечатлением и рассуждением.

А. Платонов. «Размышления читателя»



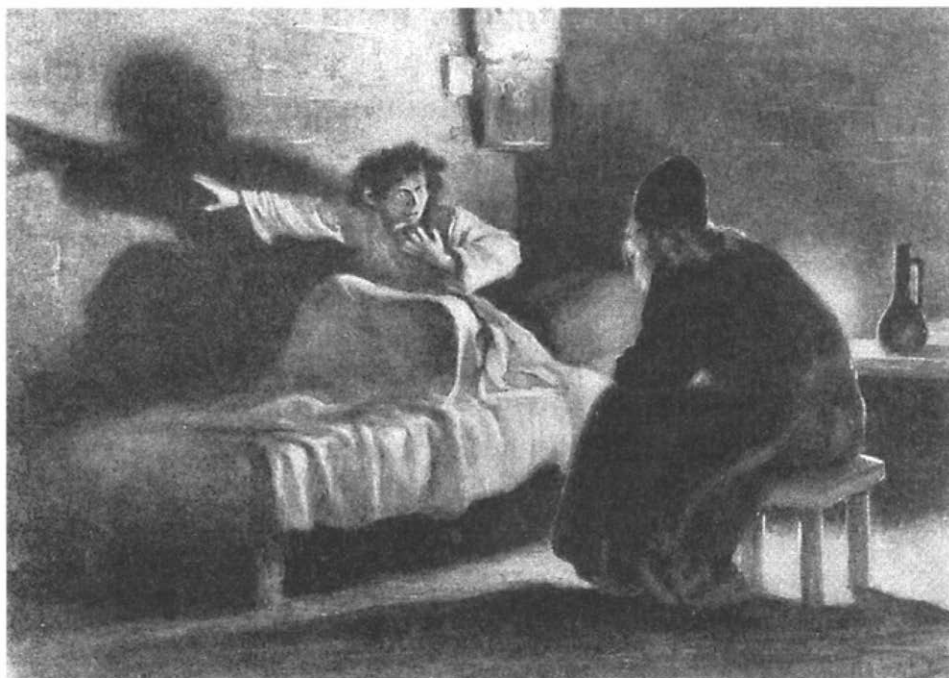
«Мцыри». Иллюстрация худ.
Ф. Константинова. 1941 г.



«Мцыри». Иллюстрация худ.
М. Орловой-Мочаловой. 1947 г.

● *Подумаем над размышлениями писателя
А. Платонова*

1. Что увидел в М. Ю. Лермонтове и его произведениях писатель XX века А. Платонов? Как вы понимаете «свойство неисчерпаемости» текста лермонтовских произведений, о котором он говорит?
2. Почему так важно «ощущать питающую силу поэзии и право делиться с ней впечатлением и рассуждением»?



«Мцыри». Иллюстрация худ. Л. Пастернака. 1890 г.

● *Поговорим о поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри»...*

1. В воспоминаниях писателя А. Н. Муравьёва читаем: «Никогда низкая повесть не производила на меня столь сильного впечатления». Можете ли вы сказать о таком же впечатлении, произведённом на вас поэмой «Мцыри»?
2. В. Г. Белинский говорил о Мцыри, что «это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всём, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью». Так ли вы

воспринимаете героя поэмы? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос, выучив наизусть необходимые цитаты из текста поэмы.

Прочитайте и осмыслите стихотворение М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль». В примечаниях к нему говорится о том, что сюжетной основой стихотворения послужила баллада «Корабль призраков» австрийского поэта И. К. Цейдлица и что некоторое воздействие на М. Ю. Лермонтова оказал «Ночной смотр» В. А. Жуковского. В то же время В. Г. Белинский считал, что русский поэт взял у Цейдлица лишь идею, во всём остальном оно сделано по-своему.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

По синим волнам океана,
Лишь звёзды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несётся,
Несётся на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нём капитана,
Не видно матросов на нём;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочём.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нём камень тяжёлый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нём треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идёт и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несётся он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнём.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идёт,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовёт.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперёд
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовёт:

Зовёт он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слёзы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идёт и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

• Вопрос и задания

1. Попробуйте дать исторический комментарий к стихотворению М. Ю. Лермонтова, отметив вехи жизненного пути Наполеона, косвенно обозначенные в стихотворении. Для выполнения этого задания обратитесь к энциклопедическим справочникам.
2. Какие художественные особенности (*повторы, эпитеты, описания природы*) помогают передать картину переживаний императора?
3. Объясняем слова и выражения из произведений М. Ю. Лермонтова:

*блеснут в небесах —
несётся на всех парусах —
чугунные пушки глядят —
опять его сердце трепещет —
соратников громко он кличет —*

Викторина

1. От кого вёл свою родословную М. Ю. Лермонтов?
2. Где он провёл свои детские годы и впоследствии был похоронен?
3. Какой талант наряду с поэтическим обнаружил М. Ю. Лермонтов с детства?
4. По поводу чего велось следствие «о непозволительных стихах» и последовал арест и первая ссылка на Кавказ?
5. Какие строки М. Ю. Лермонтова повторяли защитники Москвы во время Второй мировой войны?
6. Перед кем исповедуется Мцыри?

Ответы на вопросы викторины

1. От испанского герцога Лерма и шотландского прапорщика Лермонта. 2. В родовом имении Тарханы Пензенской губернии. 3. Талант живописца: им написаны 10 картин маслом и акварели. 4. Из-за стихотворения «Смерть поэта».
5. «Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
6. Перед Монахом, который вырастил и воспитал его.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

1809—1852



КАК ВОСПРИНИМАТЬ КОМЕДИЮ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

Литературовед Игорь Золотусский пишет, что можно прочитать комедию Гоголя «Ревизор» как пародию на Табель о рангах (низший чиновник неожиданно становится высшим), а можно — как трагедию о противоборстве «счастия» и судьбы.

К какой точке зрения присоединились бы вы и почему?

Что помогает Хлестакову «переиграть» городничего? (Красно-речие, случай?)

Литературовед считает также, что в «Ревизоре» два сюжета: сюжет ревизора и сюжет счастья и судьбы.

Как вы понимаете это суждение? Воплощаются ли мечты Хлестакова в жизнь? Что и кто этому помогает?

Как известно, в самом начале пьеса воспринималась публикой карикатурой на российское чиновничество, автор — бунтовщиком. Так, С. Т. Аксаков свидетельствовал, как граф Ф. И. Толстой говорил, что Н. В. Гоголь — «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь».

Какие ещё суждения о восприятии комедии Гоголя его современниками и в наше время вам известны? Что вы могли бы сказать об этом и как сами восприняли комедию и её героев при первом чтении? Изменилось ли ваше мнение после внимательно-го перечитывания?

В. ВОРОПАЕВ «ГОРЬКИМ СЛОВОМ МОИМ ПОСМЕЮСЯ...»

Владимир Воропаев в статье «Горьким словом моим посмеюся...» (о духовном смысле комедии Н. В. Гоголя «Ревизор») обращает внимание на главную идею «Ревизора». Прочитайте выдержки из этой статьи, подумайте, так ли вы понимаете немую сцену и совпадают ли ваши мысли с мыслями автора этой статьи. Подготовьте ответ-рассуждение.

Главная идея «Ревизора» — идея неизбежного духовного возмездия, которого должен ожидать каждый человек. Гоголь, недовольный тем, как ставится «Ревизор» на сцене и как воспринимают его зрители, попытался эту идею раскрыть в развязке «Ревизора».



У кассы Александринского театра. Петербург.
Литография по рисунку худ. Р. Жуковского

«Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пьесе! — говорит Гоголь устами Первого комического актёра. — Все до единого согласны, что такового города нет во всей России. <...> Ну, а что, если это наш же душевный город и сидит он у всякого из нас? <...> Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждёт нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот — наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя. Перед этим ревизором ничто не укроется, потому что по Именному Высшему повеленью он послан и возвестится о нём тогда, когда уже и шагу нельзя будет сделать назад. Вдруг откроется перед тобою, в тебе же, такое страшилище, что от ужаса подымется волос. Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце её».

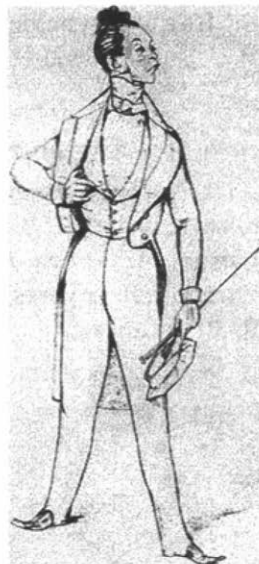
Речь здесь идёт о Страшном суде. И теперь становится понятной заключительная сцена «Ревизора». Она есть символическая картина именно Страшного суда. Появление жандарма, извещающего о прибытии из Петербурга «по именному повелению» ревизора уже настоящего, производит ошеломляющее действие. Реплика Гоголя: «Произнесённые слова поражают как громом всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменявши положение, остаётся в окаменении». Гоголь придавал исключительное значение этой «немой сцене». Продолжительность её он определяет в полторы минуты, а в «Отрывке из письма...» говорит даже о двух-трёх минутах «окаменения» героев. Каждый из персонажей всей фигурой как бы показывает, что он уже ничего не может изменить в своей судьбе, шевельнуть хотя бы пальцем, — он перед Судией.

Он верил в силу художественного слова, могущего указать путь к нравственному возрождению. С этой верой он и создавал «Ревизора».

В. Воропаев

Викторина

1. В каком селе родился Н. В. Гоголь и впоследствии посвятил ему одну из своих повестей?
2. Вспомните, какие произведения Н. В. Гоголя вы изучали.
3. Кого из римских поэтов называет Тарас Бульба?
4. Какой вопрос задаёт своим соратникам Тарас Бульба перед сражением?
5. Какие виды искусства любил Гоголь?
6. Какой наукой увлекался Гоголь и даже думал посвятить ей свою жизнь?
7. Кто из персонажей «Ревизора» не произносит ни слова?



«Ревизор». Хлестаков. Литография по рисунку худ. П. Боклевского



Гоголь на репетиции «Ревизора» в Александринском театре. Акварель худ. П. Каратыгина

8. Каким чувством охвачен весь город в «ситуации ревизора»?
9. Сколько курьеров мчатся с донесениями в воображении Хлестакова?

Ответы на вопросы викторины

1. В селе Великие Сорочинцы, оно упоминается в «Сорочинской ярмарке». 2. «Заколдованное место», «Тарас Бульба». 3. Го-
рация. 4. «Есть ли ещё порох в пороховницах?» 5. Скульптуру,
живопись, музыку. 6. Историей. 7. Лекарь Гибнер. 8. Страхом.
9. 35 тысяч.



НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ 1821—1877

Прочитайте выдержки из книги С. Я. Маршака «Воспитание словом». Согласны ли вы с суждениями Маршака? Подтвердите свои мысли примерами из произведений Н. А. Некрасова.

О СТИХЕ РАБОТАЮЩЕМ И ПРАЗДНОМ

Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у Него!

К. Бальмонт

Материю песни, её вещество
Не выосет автор из пальца.
Сам Бог не сумел бы создать ничего,
Не будь у Него матерьяльца.

Генрих Гейне

О том, какая судьба ожидает поэзию Некрасова в будущем, существовало в своё время немало предсказаний.

«...Я убеждён, что любители русской словесности будут ещё перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самой имя Некрасова покроется забвением...»

«...Я убеждён: его (Некрасова. — С. М.) слава будет бессмертна... вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов».

Первое из этих двух утверждений принадлежит И. С. Тургеневу (письмо редактору «С.-Петербургских ведомостей». 1870, январь). Второе — Н. Г. Чернышевскому (письмо к А. Н. Пыпину. 1877, август).

Потомкам предстояло решить, кто из них прав.

Почти целое столетие, которое лежит между нами и этими предсказаниями, — вполне достаточный срок для их проверки.

Как же рассудило время?

Время решительно стало на сторону человеческой и народной, умной и сердечной некрасовской поэзии, широко охватывающей жизнь, далеко заглядывающей вперёд.

Отдав должное всем поэтическим заслугам Фета и Полонского, бережно отобрав их лучшие стихи, оно всё же признало победителем Некрасова¹.

В чём же его победа? В том, что для народа поэзия Некрасова стала своей, народной; в том, что она питала и питает не одно поколение поэтов, столь различных меж собой, как, например, Добролюбов и поэты «Искры», Блок, Маяковский и Твардовский.

Может ли сравниться с его значением и влиянием поэзия Фета и Полонского?

Овладевая русским стихом, всеми его богатствами и возможностями, молодые поэты не могут пройти мимо огромного и сложного поэтического хозяйства Некрасова.

Они не могут не оценить в должной мере подвиг поэта, который после Державина, Жуковского и Крылова, после Пушкина и Лермонтова создал свой собственный, вполне современный стих, нашёл свой ритм и строй речи, вобравший всё своеобразие этих трудных переломных десятилетий, зазвучавший всеми их голосами.

В этом строе речи плавная народная песня сочетается с устным пёстрым говором, высокая поэтическая традиция — с газетной злободневностью.

Какая сила и какое искусство нужны поэту, который всегда имеет дело с неподатливым, новым, разнообразным, впервые входящим в поэзию материалом!

Если снобы разных толков не видят этого мастерства, тем хуже для них. Это доказывает только, что они не понимают стихов, не умеют вглядываться и вслушиваться в стихи.

Как у любителей изысканной кухни, так называемых гурманов, гордящихся своим прихотливым вкусом, на самом-то деле вкус притуплен острыми приправами, небо и

¹ Сейчас мы смотрим на это поэтическое соревнование иначе: нам дороги все — и Некрасов, и Полонский, и Фет.

язык обожжены всякими пряностями, так и литературные гурманы, пресыщенные поэзией, слышат только трескучую «музыку персидского шаха» и глухи к оттенкам слова.

А Некрасов требует от своего читателя очень тонкого внимания и слуха; он — один из тех поэтов, которых нельзя читать глазами, про себя. В его стихах звучит голос, человеческий голос, то обличающий, то лирический, то повествовательно-жанровый, характерный...

Есть много людей, противопоставляющих «чистую» поэзию Пушкина «тенденциозной» некрасовской. А между тем Некрасов не так уж далёк от Пушкина. Они граничат между собой не только косвенно — через Лермонтова. У них есть и непосредственная граница.

Не Пушкин противостоит Некрасову, а обоим им противостоят поэты-эпигоны. И Пушкин и Некрасов враждебно и презрительно относились к какому бы то ни было салонному жаргону. И Пушкин и Некрасов писали на подлинном народном языке. <...>

На полях черновой рукописи одного из очень поэтичных и в то же время очень прозаичных стихотворений Некрасова («Уныние») есть запись, сделанная рукой поэта:

«Сравнение — поэзия, картина — поэзия, событие может быть поэтично, природа — поэзия, чувство — поэзия, а мысль — всегда проза, как плод анализа, изучения, холодного размышления, — но следует ли из этого, что поэзия должна обходиться без мысли? Дело в том, что эта мысль — проза и в то же время — сила, жизнь, без которых, собственно, и нет истинной поэзии.

И вот из гармонического сочетания этой мысли-прозы с поэзией и выходит настоящая поэзия, способная удовлетворить взрослого человека, — и в этом задача поэта».

Некрасов написал эти слова на полях черновика, очевидно, только для себя — беглым, торопливым почерком. Но их следует помнить. Без драгоценной прозы-мысли, дающей стихам «силу, жизнь», не может быть истинной поэзии. И только при наличии такой прозы поэзия может занять принадлежащее ей по праву место в жизни и в литературе. Это доказано примером Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока, Маяковского, Твардовского. <...>

Трудно и даже невозможно сравнивать стихи, написанные разными поэтами в различной манере и стиле, но нынешнему читателю некрасовская поэма, вероятно, по-

просту покажется интереснее. Перед его глазами возникнет в мельчайших подробностях целая эпоха с меднолицыми, «присадистыми» подрядчиками и босыми мужиками, строителями первой чугулки.

В этом-то и заключается преимущество жизненной, правдивой поэзии, которую многие из современников обычно упрекают в излишних «вульгаризмах», в нарушении условных поэтических приличий.

Она живёт долго и сохраняет свою питательность для многих и многих поколений.

И каждое поколение находит в ней что-нибудь новое, ускользнувшее от внимания прежних читателей, ибо подлинная правда сказывается и в крупных, заметных с первого взгляда подробностях, и в самых мелких, едва уловимых деталях. Да и крупное открывается со временем в новом свете.

Некрасов, честный и трудолюбивый литератор, получивший звание поэта от самого народа, не слишком заботился на своём веку о чистоте поэтических риз, бывал в самых глухих закоулках жизни, среди самого разнообразного люда. Такой пассажир, не первого, а третьего или даже четвёртого класса, может рассказать современникам и потомкам много любопытного и поучительного.

С. Я. Маршак

• Вопросы и задания

1. Как известно, время устраивает «проверку», «экзамен» всему, что было создано в другую историческую эпоху. Книжки тоже «сдают экзамены». Такую проверку проходят все произведения литературы и живописи, музыки. Как вы считаете, выдержали ли проверку временем произведения Н. А. Некрасова? Чем они дороги нам сегодня?
2. Подготовьте небольшое сообщение-рассуждение в ответ на этот вопрос. Подкрепите свои мысли цитатами из прочитанных статей литературоведов, писателей и произведений самого поэта.

Викторина

1. Какая известная картина напоминает нам стихотворение Н. А. Некрасова «На Волге»?
2. В каких произведениях Некрасов рассказывает о декабристах и их жёнах?
3. Какие произведения Некрасов посвящает детям?
4. Какое стихотворение Некрасова близко по тематике картине К. А. Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге»?

5. Из каких произведений Некрасова эти строки?

«Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля».

«Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит...»

«Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути
На диво слаженный возок,
А всё конец пути далёк!»

Ответы на вопросы викторины

1. И. Е. Репин. «Бурлаки на Волге». 2. В поэмах «Дедушка», «Русские женщины». 3. «Дедушка Мазай и зайцы», «Пчёлы», «Генерал Топтыгин» и др. 4. «Железная дорога». 5. Из стихотворений «Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога», из поэмы «Русские женщины».



ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ 1818—1883

На уроках или во внеурочное время вы познакомились с произведениями И. С. Тургенева «Муму», «Бирюк», «Бежин луг». Многие другие рассказы прочитаны вами самостоятельно.

Какие впечатления оставили у вас эти произведения?

Какие чувства вызвали у вас герои, их поступки — симпатию, возмущение, сострадание, гнев? Подготовьте подробное устное сообщение об одном из тургеневских героев.

Познакомьтесь с рассказом И. С. Тургенева «Певцы».

С какими произведениями из учебников литературы для 5—7 классов перекликается этот рассказ?



Спаское-Лутовиново. Усадебный дом И. С. Тургенева
в Орловской губернии.
Худ. Я. Полонский. 1881 г.



«Певцы». В Притынном кабачке.
Иллюстрация худ. Б. Кустодиева.
1900-е гг.



«Певцы». Яков-Турок поёт.
Иллюстрация худ. В. Пукирева.
1880 г.



«Певцы». «Яковом, видимо, овладело
упоение...». Иллюстрация
худ. Д. Кардовского. 1912 г.

● *Поразмышляем над прочитанным*

1. Расскажите о действующих лицах рассказа «Певцы».
2. Передайте близко к тексту или прочитайте выразительно описание пения рядчика и Якова. В чём своеобразие пения каждого?
3. Как вы объясните победу Якова? В чём его пение оказалось таким неотразимым, прекрасным? Найдите в сборниках народных песен песню, которую пел Яков-Турок. О чём она? Каких струн в душах слушателей смог коснуться певец? Как вы думаете, почему плакала, слушая Якова, жена Николая Ивановича? Почему она быстро ушла после окончания песенного состязания?
4. Как вы восприняли этот рассказ? Понравился ли он вам? Что он открыл вам в душе русских крестьян?
5. Помните ли вы рассказы «Бежин луг», «Бирюк»? Какой из них кажется вам особенно интересным? доступным? современным? Как начинается и завершается каждый из них?
6. Какие две стороны русского национального характера выражены в народных песнях, в рассказе И. С. Тургенева «Певцы»? Подготовьте рассуждение на эту тему.

Викторина

1. Кто из персонажей «Записок охотника» И. С. Тургенева: рассказывает о том, что около плотины леший водится и что однажды барашек, подобранный на могиле утопленника, вдруг заговорил человеческим голосом; без хворостинки в руке, ночью, нимало не колеблясь, поскакал один на волка; пожалел бедного крестьянина, рубившего барский лес, и отпустил его?
2. Чей это портрет?
«Мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырём и глухонемой от рождения...»
«Женщина лет двадцати осьми, маленькая, худая, белокурая с родинками на левой щеке».

Ответы на вопросы викторины

1. Мальчики *Ильюша, Павлуша*; он же (из рассказа «Бежин луг»); *Фома* (из рассказа «Бирюк»). 2. *Герасим, Татьяна* (из рассказа «Муму»).

• Вопросы и задания

1. В каком рассказе Тургенева говорится о мальчиках и их суевериях? Как зовут мальчиков? Вспомните их рассказы, перескажите их. У кого из них была трагическая судьба?
 2. Какие описания природы есть в рассказе «Бежин луг»? Вспомните и воспроизведите эти описания.
-

МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН 1826—1889

...Нельзя иначе устремить общество или даже всё поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости.

Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями

Нам бы Щедрина теперь!..

М. А. Булгаков. Из разговора 1930-х гг.

УРОКИ ЩЕДРИНА

Писатель-обличитель, писатель-судья, Щедрин воспринимал социальную действительность, в какой протекала его жизнь, «с одного боку» (Гоголь).

Природа наделила его суровым и нелёгким даром видеть жизнь преимущественно со стороны её тёмных явлений, подлежащих критике и отрицанию. Это вносило и в творчество, и в мировоззрение, и в самое существование писателя много мрачного. «Как хотите, а есть в моей судьбе что-то трагическое», — писал Щедрин своему другу Н. А. Белоголовому. Ему казалось иногда, что он находится в каком-то бесконечно длинном тёмном коридоре, и его терзала мысль, что он обречён бродить



тут весь остаток своей жизни. Такие настроения посещали его особенно часто в сумеречное время реакции 1880-х годов, оно же и время обострения мучительных болезней писателя. Нельзя, однако, сказать, что у Щедрина не было никакого противовеса его трудным переживаниям, что он не искал им баланса и не находил его.

Таким балансом, таким утешением была его страстная, почти религиозная вера в историческую неизбежность грядущего, хотя очень далёкого ещё, торжества идей высшей социальной справедливости, согласованного, гармоничного человеческого общежития.

Щедрин был одним из тех редких писателей, которые умели «проводить» положительный идеалы в отрицательной форме, умели тревожить мысль и совесть людей своей глубокой убежденностью в их способности к нравственному совершенствованию. Он заявлял:

«Сказать человеку толком, что он человек, — на одном этом предприятии может изойти кровью сердце. Дать человеку возможность различать справедливое от несправедливого — для достижения этого одного можно душу свою погубить. Задачи разъяснения громадны и почти непреступны, но зато какие изумительные горизонты! Какое восторженное, полное непрерывно-го горения существование!»



«История одного города».
Фантастический путешественник.
Рисунок худ. Кукрыниксов.
1939 г.



«История одного города».
Органчик. Рисунок худ.
Кукрыниксов. 1939 г.



«История одного города».
Голодный город.
Рисунок худ. Кукрыниксов. 1939 г.

Этим «непрерывным горением» ради социальной справедливости, хотя более трагическим, чем восторженным, были исполнены и творчество, и жизнь Щедрина — великого писателя, моралиста и гражданина России.

С. Макашин

• Вопросы и задания

1. Какими примерами из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина можно подтвердить слова Н. В. Гоголя из эпиграфа к этой главе?
2. Подумайте над статьёй С. Макашина «Уроки Щедрина». В чём видит литературовед «уроки» писателя?
3. Найдите в Интернете и рассмотрите различные портреты Щедрина. Что бы вы могли сказать о внешнем облике писателя? Как отразилась на внешнем облике писателя особая направленность его творчества?
4. Какие произведения Щедрина прочитаны вами в 5 и 7 классах? Вспомните, как они начинаются и чем завершаются.
5. Какое произведение вы читали в 8 классе? О чём оно? Какие порядки высмеивает писатель? Какие черты характера героев осмеиваются Салтыковым-Щедриным? Какие художественные приёмы, образительно-выразительные средства (*тропы*) наиболее часто использует М. Е. Салтыков-Щедрин? Подтвердите свой ответ примерами из произведений писателя.

Викторина

1. Как объясняют появление псевдонима «Н. Щедрин» у М. Е. Салтыкова-Щедрина?
2. Назовите героев сказок Щедрина. Чем они похожи на героев народных сказок и чем отличаются от них?
3. Вспомните, как начинаются и как завершаются народные сказки, и сравните с началом и концовкой сатирических сказок Щедрина.
4. Герой какого произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина:
 - думал, что «булки в том самом виде рождаются, как их утром к кофею подают»;
 - накормив тунеядцев, свил верёвку, которой привязали его к дереву, чтобы он не убежал;
 - «откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил»;
 - «имели привычку „тяпать“ головами обо всё, что бы ни встретилось на пути»?
5. Что такое *эзопов язык*? Объясните это выражение и приведите примеры *эзоповой речи* (на материале произведений Салтыкова-Щедрина).
6. Кто из персонажей «Истории одного города» «въехал в Глухов на белом коне, сжёг гимназию и упразднил науки»?

Ответы на вопросы викторины

В случае затруднения с ответом на вопросы викторины вы можете самостоятельно найти их в Интернете.



Лев Николаевич Толстой

1828—1910

В 5 классе вы прочитали рассказ Л. Н. Толстого «Кавказский пленник», в 7 классе — повесть «Детство», в 8-м познакомились с рассказом «После бала», а может быть, уже прочитали его повесть «Отрочество».

О чём эти произведения? Кто их герои? Чем они заинтересовали вас? Что в рассказе «После бала» вас удивило, возмутило? Кто из героев показался вам особенно жестоким? Почему?

Познакомьтесь ещё с одним произведением Л. Н. Толстого — рассказом «Севастополь в декабре месяце». Подумайте, что хотел сказать писатель этим рассказом. От чего предостеречь? Прочитайте рассказ внимательно, не торопясь, постарайтесь представить себе героев, происходившие события.

СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ

Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою; тёмно-синяя поверхность моря сбросила с себя уже сумрак ночи и ждёт первого луча, чтобы заиграть весёлым блеском; с бухты несёт холодом и туманом; снега нет — всё черно, но утренний резкий мороз хватает за лицо и трещит под ногами, и далёкий неумолкаемый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра. На кораблях глухо бьёт восьмая склянка.

На Северной¹ дневная деятельность понемногу начинает заменять спокойствие ночи: где прошла смена часовых, побрякивая ружьями; где доктор уже спешит к госпиталю; где солдатик вылез из землянки, моет оледенелой водой загорелое лицо и, оборотясь на зардевшийся восток, быстро крестясь, молится Богу; где высокая тяжёлая *маджара* на верблюдах со скрипом протащила на кладбище хоронить окровавленных покойников, которыми она чуть не доверху наложена... Вы подходите к пристани — особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас; тысячи разнородных предметов — дрова, мясо, туры, мука, железо и т. п. — кучей лежат около пристани; солдаты разных полков, с мешками и ружьями, без мешков и без ружей, толпятся тут, курят, бранятся, перетаскивают тяжести на пароход, который, дымясь, стоит около помоста; вольные ялики, наполненные всякого рода народом — солдатами, моряками, купцами, женщинами, — причаливают и отчаливают от пристани.

— На Графскую, ваше благородие? Пожалуйте, — предлагают вам свои услуги два или три отставных матроса, вставая из яликов.

Вы выбираете тот, который к вам поближе, шагаете через полусгнивший труп какой-то гнедой лошади, которая тут в грязи лежит около лодки, и проходите к рулю. Вы

¹ На Северной... — Большая Севастопольская бухта делила Севастополь на Северную и Южную стороны. На Северной стороне были расположены военные укрепления.

отчалили от берега. Кругом вас блестящее уже на утреннем солнце море, впереди — старый матрос в верблюжьем пальто и молодой белоголовый мальчик, которые молча усердно работают вёслами. Вы смотрите и на полосатые громады кораблей, близко и далеко рассыпанных по бухте, и на чёрные небольшие точки шлюпок, движущихся по блестящей лазури, и на красивые светлые строения города, окрашенные розовыми лучами утреннего солнца, виднеющиеся на той стороне, и на пенящуюся белую линию бона¹ и затопленных кораблей, от которых кой-где грустно торчат чёрные концы мачт, и на далёкий неприятельский флот, маячащий на хрустальном горизонте моря, и на пенящиеся струи, в которых прыгают соляные пузырики, поднимаемые вёслами; вы слушаете равномерные звуки ударов вёсел, звуки голосов, по воде долетающих до вас, и величественные звуки стрельбы, которая, как вам кажется, усиливается в Севастополе.

Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...

— Ваше благородие! прямо под Кистентина² держите, — скажет вам старик матрос, оборотясь назад, чтобы поверить направление, которое вы даёте лодке, — вправо руля.

— А на нём пушки-то ещё все, — заметит беловолосый парень, проходя мимо корабля и разглядывая его.

— А то как же: он новый, на нём Корнилов жил, — заметит старик, тоже взглядывая на корабль.

— Вишь ты, где разорвало! — скажет мальчик после долгого молчания, взглядывая на белое облачко расходящегося дыма, вдруг появившегося высоко над Южной бухтой и сопровождаемого резким звуком разрыва бомбы.

— Это он с новой батареи нынче палит, — прибавит старик, равнодушно поплёвывая на руку. — Ну, навались, Мишка, баркас перегоним. — И ваш ялик быстрее подвигается вперёд по широкой зыби бухты, действительно перегоняет тяжёлый баркас, на котором навалены какие-то кули и неровно гребут неловкие солдаты, и пристаёт между множеством причаленных всякого рода лодок к Графской пристани.

На набережной шумно шевелятся толпы серых солдат, чёрных матросов и пёстрых женщин. Бабы продают бул-

¹ Бон — заграждение из плавучих брёвен или плотов, защищающих вход в гавань от неприятельских судов.

² Корабль «Константин». (Прим. Л. Н. Толстого.)

ки, русские мужики с самоварами кричат: *сбитень горячий*, и тут же на первых ступенях валяются заржавевшие ядры, бомбы, картечи и чугунные пушки разных калибров. Немного далее большая площадь, на которой валяются какие-то огромные брусья, пушечные станки, спящие солдаты; стоят лошади, повозки, зелёные орудия и ящики, пехотные козлы; двигаются солдаты, матросы, офицеры, женщины, дети, купцы; ездят телеги с сеном, с кулями и с бочками; кой-где проедут казак и офицер верхом, генерал на дрожках. Направо улица загорожена баррикадой, на которой в амбразурах стоят какие-то маленькие пушки, и около них сидит матрос, покуривая трубочку. Налево красивый дом с римскими цифрами на фронтоне, под которым стоят солдаты и окровавленные носилки, — везде вы видите неприятные следы военного лагеря. Первое впечатление ваше непременно самое неприятное: странное смешение лагерной и городской жизни, красивого города и грязного бивуака не только не красиво, но кажется отвратительным беспорядком; вам даже покажется, что все перепуганы, суетятся, не знают, что делать. Но взгляните ближе в лица этих людей, движущихся вокруг вас, и вы поймёте совсем другое. Посмотрите хоть на этого фуриштадского солдатика¹, который ведёт поить какую-то гнедую тройку и так спокойно мурлыкает себе что-то под нос, что, очевидно, он не заблудится в этой разнородной толпе, которой для него и не существует, но что он исполняет своё дело, какое бы оно ни было — поить лошадей или таскать орудия, — так же спокойно, и самоуверенно, и равнодушно, как бы всё это происходило где-нибудь в Туле или в Саранске. То же выражение читаете вы и на лице этого офицера, который в безукоризненно белых перчатках проходит мимо, и в лице матроса, который курит, сидя на баррикаде, и в лице рабочих солдат, с носилками дожидającychся на крыльце бывшего Соборания, и в лице этой девицы, которая, боясь замочить своё розовое платье, по камешкам перепрыгивает чрез улицу.

Да! вам непременно предстоит разочарование, ежели вы в первый раз въезжаете в Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одном лице следов суетливости, растерянности или даже энтузиазма, готовности к смерти, решимости, — ничего этого нет: вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом, так что, может быть, вы упрекнёте себя в излишней восторженности, усомнитесь немного в справедливости понятия о геройстве

¹ *Фуриштáдский солдатик* — солдат из обозной части.

защитников Севастополя, которое составилось в вас по рассказам, описаниям и вида и звуков с Северной стороны. Но прежде чем сомневаться, сходите на бастионы, посмотрите защитников Севастополя на самом месте защиты или, лучше, зайдите прямо напротив в этот дом, бывший прежде Севастопольским собранием и на крыльце которого стоят солдаты с носилками, — вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища.

Вы входите в большую залу Собрания. Только что вы отворили дверь, вид и запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас. Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы, — это дурное чувство, — идите вперёд, не стыдитесь того, что вы как будто пришли *смотреть* на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия. Вы проходите посредине постелей и ищете лицо менее строгое и страдающее, к которому вы решитесь подойти, чтобы побеседовать.

— Ты куда ранен? — спрашиваете вы нерешительно и робко у одного старого исхудалого солдата, который, сидя на койке, следит за вами добродушным взглядом и как будто приглашает подойти к себе. Я говорю: «робко спрашиваете», потому что страдания, кроме глубокого сочувствия, внушают почему-то страх оскорбить и высокое уважение к тому, кто перенесёт их.

— В ногу, — отвечает солдат; но в это самое время вы сами замечаете по складкам одеяла, что у него ноги нет выше колена. — Слава Богу теперь, — прибавляет он, — на выписку хочу.

— А давно ты уже ранен?

— Да вот шестая неделя пошла, ваше благородие!

— Что же, болит у тебя теперь?

— Нет, теперь не болит, ничего; только как будто в икре ноет, когда непогода, а то ничего.

— Как же ты это был ранен?

— На пятом баксионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навёл пушку, стал отходить, таким манером, к другой амбразуре, как он ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет.

— Неужели больно не было в эту первую минуту?

— Ничего; только как горячим чем меня пхнули в ногу.

— Ну, а потом?

— И потом ничего; только как кожу натягивать стали, так саднило как будто. Оно первое дело, ваше благородие, *не думать много*: как не думаешь, оно тебе и ничего. Всё больше оттого, что думает человек.

В это время к вам подходит женщина в сереньком полотом платье и повязанная чёрным платком; она вмешивается в ваш разговор с матросом и начинает рассказывать про него, про его страдания, про отчаянное положение, в котором он был четыре недели, про то, как, бывши ранен, остановил носилки, с тем чтобы посмотреть на залп нашей батареи, как великие князья говорили с ним и пожаловали ему двадцать пять рублей, и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем чтобы учить молодых, ежели уже сам работать не может. Говоря всё это одним духом, женщина эта смотрит то на вас, то на матроса, который, отвернувшись и как будто не слушая её, щиплет у себя на подушке корпию¹; и глаза её блестят каким-то особенным восторгом.

— Это хозяйка моя, ваше благородие! — замечает вам матрос с таким выражением, как будто говорит: «Уж вы её извините. Известно, бабье дело — глупые слова говорит».

Вы начинаете понимать защитников Севастополя; вам становится почему-то совестно за самого себя перед этим человеком. Вам хотелось бы сказать ему слишком много, чтобы выразить ему своё сочувствие и удивление; но вы не находите слов или недовольны теми, которые приходят вам в голову, — и вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твёрдостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством.

— Ну, дай Бог тебе поскорее поправиться, — говорите вы ему и останавливаетесь перед другим больным, который лежит на полу и, как кажется, в нестерпимых страданиях ожидает смерти.

Это белокурый, с пухлым и бледным лицом человек. Он лежит навзничь, закинув назад левую руку, в положении, выражающем жестокое страдание. Сухой открытый рот с трудом выпускает хрипящее дыхание; голубые оловянные глаза закачены кверху, и из-под сбившегося одеяла высунут остаток правой руки, обвёрнутый бинтами. Тяжёлый запах мёртвого тела сильнее поражает вас, и пожирающий внутренний жар, проникающий все члены страдальца, проникает как будто и вас.

¹ *Корпия* — выделанная пушистая ткань для перевязки ран и язв.

— Что, он без памяти? — спрашиваете вы у женщины, которая идёт за вами и ласково, как на родного, смотрит на вас.

— Нет, ещё слышит, да уж очень плох, — прибавляет она шёпотом. — Я его нынче чаем поила — что ж, хоть и чужой, всё надо жалость иметь, — так уж не пил почти.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваете вы его.

Раненый поворачивает зрачки на ваш голос, но не видит и не понимает вас.

— У сердце гхорить.

Немного далее вы видите старого солдата, который переменяет бельё. Лицо и тело его какого-то коричневого цвета и худы, как скелет. Руки у него совсем нет: она вылущена в плече. Он сидит бодро, он поправился; но по мёртвому, тусклому взгляду, по ужасной худобе и морщинам лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни.

С другой стороны вы увидите на койке страдальческое, бледное и нежное лицо женщины, на котором играет во всю щеку горячечный румянец.

— Это нашу матроску пятого числа в ногу задело бомбой, — скажет вам ваша путеводительница, — она мужу на бастион обедать носила.

— Что ж, отрезали?

— Выше колена отрезали.

Теперь, ежели нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции. Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными угрюмыми физиономиями, занятых около койки, на которой, с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый под влиянием хлороформа. Доктора заняты отвратительным, но благодетельным делом ампутаций. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело; увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, — увидите ужасные, потрясающие душу зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знамёнами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем её выражении — в крови, в страданиях, в смерти...

Выходя из этого дома страданий, вы непременно испытаете отрадное чувство, полнее вдохнёте в себя свежий воздух, почувствуете удовольствие в сознании своего здоровья, но вместе с тем в созерцании этих страданий почерпнёте сознание своего ничтожества и спокойно, без нерешимости пойдёте на бастионы...

«Что значат смерть и страдания такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?» Но вид чистого неба, блестящего солнца, красивого города, отворённой церкви и движущегося по разным направлениям военного люда скоро приведёт ваш дух в нормальное состояние легкомыслия, маленьких забот и увлечения одним настоящим.

Навстречу попадутся вам, может быть, из церкви похороны какого-нибудь офицера, с розовым гробом и музыкой и развевающимися хоругвями; до слуха вашего долетят, может быть, звуки стрельбы с бастионов, но это не наведёт вас на прежние мысли; похороны покажутся вам весьма красивым воинственным зрелищем, звуки — весьма красивыми воинственными звуками, и вы не соедините ни с этим зрелищем, ни с этими звуками мысли ясной, перенесённой на себя, о страданиях и смерти, как вы это сделали на перевязочном пункте.

Пройдя церковь и баррикаду, вы войдёте в самую оживлённую внутреннюю жизнь часть города. С обеих сторон вывески лавок, трактиров. Купцы, женщины в шляпках и платочках, щеголеватые офицеры — всё говорит вам о твёрдости духа, самоуверенности, безопасности жителей.

Зайдите в трактир направо, ежели вы хотите послушать толки моряков и офицеров: там уж, верно, идут рассказы про нынешнюю ночь, про Феньку, про дело двадцать четвёртого¹, про то, как дорого и нехорошо подают котлетки, и про то, как убит тот-то и тот-то товарищ.

— Чёрт возьми, как нынче у нас плохо! — говорит басом белобрысенький безусый морской офицерик в зелёном вязаном шарфе.

— Где у нас? — спрашивает его другой.

— На четвёртом бастионе, — отвечает молоденький офицер, и вы непременно с большим вниманием и даже некоторым уважением посмотрите на белобрысенького офицера при словах: «на четвёртом бастионе». Его слишком большая развязность, размахивание руками, громкий

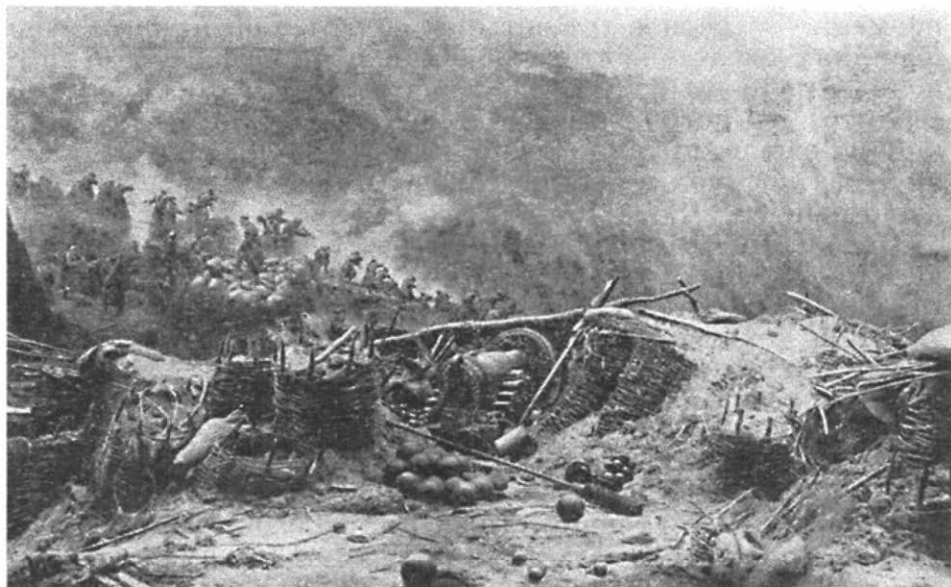
¹ ...про дело двадцать четвёртого... — 24 октября 1854 г. произошло Инкерманское сражение. В результате преступной нераспорядительности генерала Данненберга русские войска потерпели тяжёлое поражение.

смех и голос, казавшиеся вам нахальством, покажутся вам тем особенным бретёрским¹ настроением духа, которое приобретают иные очень молодые люди после опасности; но всё-таки вы подумаете, что он станет вам рассказывать, как плохо на четвёртом бастионе от бомб и пуль: ничуть не бывало! плохо оттого, что грязно. «Пройти на батарею нельзя», — скажет он, показывая на сапоги, выше икор покрытые грязью. «А у меня нынче лучшего комендора убили, прямо в лоб влепило», — скажет другой. «Кого это? Митюхина?» — «Нет... Да что, дадут ли мне телятины? Вот каналы! — прибавит он к трактирному слуге. — Не Митюхина, а Абросимова. Молодец такой — в шести вылазках был».

На другом углу стола, за тарелками котлет с горошком и бутылкой кислого крымского вина, называемого «бордо», сидят два пехотных офицера: один, молодой, с красным воротником и с двумя звёздочками на шинели, рассказывает другому, старому, с чёрным воротником и без звёздочек, про альминское дело². Первый уже немного выпил, и по остановкам, которые бывают в его рассказе, по нерешительному взгляду, выражающему сомнение в том, что ему верят, и главное, что слишком велика роль, которую он играл во всём этом, и слишком всё страшно, заметно, что он сильно отклоняется от строгого повествования истины. Но вам не до этих рассказов, которые вы долго ещё будете слушать во всех углах России: вы хотите скорее идти на бастионы, именно на четвёртый, про который вам так много и так различно рассказывали. Когда кто-нибудь говорит, что он был на четвёртом бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью; когда кто говорит: «Я иду на четвёртый бастион», — непременно заметны в нём маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: «Тебя бы поставить на четвёртый бастион»; когда встречают носилки и спрашивают: «Откуда?» — большей частью отвечают: «С четвёртого бастиона». Вообще же существуют два совершенно различных мнения про этот страшный бастион: тех, которые никогда на нём не были и которые убеждены, что четвёртый бастион есть верная могила для каждого, кто пойдёт на него, и тех, которые живут на нём, как белобрысенький мичман, и которые, говоря про четвёртый бастион, скажут вам, сухо или грязно там, тепло или холодно в землянке и т. д.

¹ *Бретёрский* — от слова *бретёр* — задира, забияка, дуэлист.

² *...про альминское дело.* — Кровавопролитное сражение на реке Альме 8 сентября 1854 г. — первое столкновение русских войск с союзниками.



Панорама Севастополя

В полчаса, которые вы провели в трактире, погода успела перемениться: туман, расстилавшийся по морю, собрался в серые, скучные, сырые тучи и закрыл солнце; какая-то печальная изморось сыплется сверху и мочит крыши, тротуары и солдатские шинели...

Пройдя ещё одну баррикаду, вы выходите из дверей направо и поднимаетесь вверх по большой улице. За этой баррикадой дома по обеим сторонам улицы необитаемы, вывесок нет, двери закрыты досками, окна выбиты, где отбит угол стены, где пробита крыша. Строения кажутся старыми, испытывшими всякое горе и нужду ветеранами и как будто гордо и несколько презрительно смотрят на вас. По дороге спотыкаетесь вы на валяющиеся ядра и в ямы с водой, вырытые в каменном грунте бомбами. По улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, пластунов, офицеров; изредка встречаются женщина или ребёнок, но женщина уже не в шляпке, а матроска в старой шубейке и в солдатских сапогах. Проходя дальше по улице и спустясь под маленький изволок, вы замечаете вокруг себя уже не дома, а какие-то странные груды развалин-каменей, досок, глины, брёвен; впереди себя на крутой горе видите какое-то чёрное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть четвёртый бастион... Здесь народу встречается ещё меньше, женщин совсем не видно, солдаты идут скоро, по дороге попадают капли крови, и не-

пременно встретите тут четырёх солдат с носилками и на носилках бледно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: «Куда ранен?» — носильщики сердито, не поворачиваясь к вам, скажут: в ногу или в руку, ежели он ранен легко; или сурово промолчат, ежели из-за носилок не видно головы и он уже умер или тяжело ранен.

Недалёкий свист ядра или бомбы, в то самое время как вы станете подниматься на гору, неприятно поразит вас. Вы вдруг поймёте, и совсем иначе, чем понимали прежде, значение тех звуков выстрелов, которые вы слушали в городе. Какое-нибудь тихо-отрадное воспоминание вдруг блеснёт в вашем воображении; собственная ваша личность начнет занимать вас больше, чем наблюдения; у вас станет меньше внимания ко всему окружающему, и какое-то неприятное чувство нерешимости вдруг овладеет вами. Несмотря на этот подленький голос при виде опасности, вдруг заговоривший внутри вас, вы, особенно взглянув на солдата, который, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, рысью, со смехом бежит мимо вас, — вы заставляете молчать этот голос, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверх на скользкую глинистую гору. Только что вы немного взобрались в гору, справа и слева вас начинают жужжать штуцерные¹ пули, и вы, может быть, призадумаетесь, не идти ли вам по траншее, которая ведёт параллельно с дорогой; но траншея эта наполнена такой жидкой, жёлтой, вонючей грязью выше колена, что вы непременно выберете дорогу по горе, тем более что вы видите, *все идут по дороге*. Пройдя шагов двести, вы входите в изрытое грязное пространство, окружённое со всех сторон турами, насыпями, погребками, платформами, землянками, на которых стоят большие чугунные орудия и правильными кучами лежат ядра. Всё это кажется вам нагромождённым без всякой цели, связи и порядка. Где на батарее сидит кучка матросов, где посередине площадки, до половины потонув в грязи, лежит разбитая пушка, где пехотный солдатик, с ружьём переходящий через батареи и с трудом вытаскивающий ноги из липкой грязи. Но везде, со всех сторон и во всех местах, видите черепки, неразорванные бомбы, ядра, следы лагеря, и всё это затопленное в жидкой, вязкой грязи. Как вам кажется, недалеко от себя слышите вы удар ядра, со всех сторон, кажется, слышите различные звуки пуль — жужжащие, как пчела, свистящие, быстрые или визжащие, как

¹ *Штүцерные* — от слова *штүцер* — нарезное ружьё. В России в 1-й половине XIX века ими были вооружены лучшие стрелки.

струна, — слышите ужасный гул выстрела, потрясающий всех вас, и который вам кажется чем-то ужасно страшным.

«Так вот он, четвёртый бастион, вот оно, это страшное, действительно ужасное место!» — думаете вы себе, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленного страха. Но разочаруйтесь: это ещё не четвёртый бастион. Это Язоновский редут — место сравнительно очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы идти на четвёртый бастион, возьмите направо, по этой узкой траншее, по которой, нагнувшись, побрёл пехотный солдатик. По траншее этой встретите вы, может быть, опять носилки, матроса, солдат с лопатами, увидите проводники мин, землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать только два человека, и там увидите пластунов черноморских батальонов, которые там переобучаются, едят, курят трубки, живут, и увидите опять везде ту же вонючую грязь, следы лагеря и брошенный чугунок во всевозможных видах. Пройдя ещё шагов триста, вы снова выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землёй, орудиями на платформах и земляными валами. Здесь увидите вы, может быть, человек пять матросов, играющих в карты под бруствером¹, и морского офицера, который, заметив в вас нового человека, любопытно, с удовольствием покажет вам своё хозяйство и все, что для вас может быть интересного. Офицер этот так спокойно свёртывает папиросу из жёлтой бумаги, сидя на орудии, так спокойно прохаживается от одной амбразуры к другой, так спокойно, без малейшей аффектации говорит с вами, что, несмотря на пули, которые чаще, чем прежде, жужжат над вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно расспрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицер этот расскажет вам, — но только, ежели вы его расспросите, — про бомбардированье пятого числа², расскажет, как на его батарее только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось восемь человек, и как всё-таки на другое утро, шестого, он *палил*³ из всех орудий; расскажет вам, как пятого попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек; покажет вам из амбразуры батареи и траншеи неприятельские, которые не дальше здесь как в тридцати — сорока саженях. Одною я боюсь, что под

¹ *Бруствер* — небольшая насыпь наверху окопа для удобства при стрельбе и защиты от пуль и осколков снарядов.

² *...про бомбардированье пятого числа...* — первая бомбардировка Севастополя союзными войсками 5 октября 1854 г.

³ Моряки все говорят палить, а не стрелять. (*Прим. Л. Н. Толстого.*)

влиянием жужжания пуль, высовываясь из амбразуры, чтобы посмотреть неприятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этот белый каменный вал, который так близко от вас и на котором вспыхивают белые дымки, этот-то белый вал и есть неприятель — он, как говорят солдаты и матросы.

Даже очень может быть, что морской офицер, из тщеславия или просто так, чтобы доставить себе удовольствие, захочет при вас пострелять немного. «Послать комендора и прислугу к пушке», — и человек четырнадцать матросов живо, весело, кто засовывая в карман трубку, кто дожёвывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформе, подойдут к пушке и зарядят её. Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твёрдом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства; но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили ещё следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства.

Вдруг ужаснейший, потрясающий не одни ушные органы, но всё существо ваше, гул поражает вас так, что вы вздрагиваете всем телом. Вслед за тем вы слышите удаляющийся свист снаряда, и густой пороховой дым застилает вас, платформу и чёрные фигуры движущихся по ней матросов. По случаю этого нашего выстрела вы услышите различные толки матросов и увидите их одушевление и проявление чувства, которого вы не ожидали видеть, может быть, — это чувство злобы, мщения врагу, которое таится в душе каждого. «В самую *абразуру* попало; кажись, убило двух... вон понесли», — услышите вы радостные восклицания. «А вот он рассерчает: сейчас пустит сюда», — скажет кто-нибудь; и действительно, скоро вслед за этим вы увидите впереди себя молнию, дым; часовой, стоящий на бруствере, крикнет: «Пу-у-шка!» И вслед за этим мимо вас взвизгнет ядро, шлёпнется в землю и воронкой взбросит вокруг себя брызги грязи и камни. Батарейный командир рассердится за это ядро, прикажет зарядить другое и третье орудия, неприятель тоже станет отвечать нам, и вы испытаете интересные чувства, услышите и увидите интересные вещи. Часовой опять закричит: «Пушка!» — и вы услышите тот же звук и удар, те же брызги, или закричит: «Маркела¹!» — и вы услышите равномерное, довольно при-

¹ Мортира. (Прим. Л. Н. Толстого.)

ятное и такое, с которым с трудом соединяется мысль об ужасном, посвистывание бомбы, услышите приближающееся к вам и ускоряющееся это посвистывание, потом увидите чёрный шар, удар о землю, ощутительный, звенящий разрыв бомбы. Со свистом и визгом разлетается потом осколок, зашуршат в воздухе камни, и забрызгает вас грязью. При этих звуках вы испытаете странное чувство наслаждения и вместе страха. В ту минуту, как снаряд, вы знаете, летит на вас, вам непременно придёт в голову, что снаряд этот убьёт вас; но чувство самолюбия поддерживает вас, и никто не замечает ножа, который режет вам сердце. Но зато, когда снаряд пролетел, не задев вас, вы оживаете, и какое-то отрадное, невыразимо приятное чувство, но только на мгновение, овладевает вами, так что вы находите какую-то особенную прелесть в опасности, в этой игре жизнью и смертью; вам хочется, чтобы ещё и ещё поближе упали около вас ядро или бомба. Но вот ещё часовой прокричал своим громким, густым голосом: «Маркела!», ещё посвистыванье, удар и разрыв бомбы; но вместе с этим звуком вас поражает стон человека. Вы подходите к раненому, который, в крови и грязи, имеет какой-то странный нечеловеческий вид, в одно время с носилками. У матроса вырвана часть груди. В первые минуты на забрызганном грязью лице его видны один испуг и какое-то притворное преждевременное выражение страдания, свойственное человеку в таком положении; но в то время как ему приносят носилки и он сам на здоровый бок ложится на них, вы замечаете, что выражение это сменяется выражением какой-то восторженности и высокой, невысказанной мысли: глаза горят ярче, зубы сжимаются, голова с усилием поднимается выше; и в то время как его поднимают, он оставивает носилки и с трудом, дрожащим голосом говорит товарищам: «Простите, братцы!» — ещё хочет сказать что-то, и видно, что хочет сказать что-то трогательное, но повторяет только ещё раз: «Простите, братцы!» В это время товарищ-матрос подходит к нему, надевает фуражку на голову, которую подставляет ему раненый, и спокойно, равнодушно, размахивая руками, возвращается к своему оружию. «Это вот каждый день этак человек семь или восемь», — говорит вам морской офицер, отвечая на выражение ужаса, выражающегося на вашем лице, зевая и свёртывая папиросу из жёлтой бумаги...

.....

Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идёте назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей доро-

ге до разрушенного театра, — идёте с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов¹, брустверов, хитросплетённых траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели её в глазах, речах, приёмах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так малонапряжённо и усиленно, что, вы убеждены, они ещё могут сделать во сто раз больше... они всё могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди непрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине. Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нём не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его и всё-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, — о временах, когда этот герой, достойный Древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: «Умрём, ребята, а не отдадим Севастополя», — и наши русские, неспособные к фразёрству, отвечали: «Умрём! ура!» — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймёте, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжёлые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...

Уже вечереет. Солнце перед самым закатом вышло из-за серых туч, покрывающих небо, и вдруг багряным светом осветило лиловые тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью, и белые строения города, и народ, движущийся по улицам. По

¹ *Травверсы* — земляные валы, воздвигаемые перед окопами для защиты их от бомб и пуль.

воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов и бастионов, которые странно вторят им.

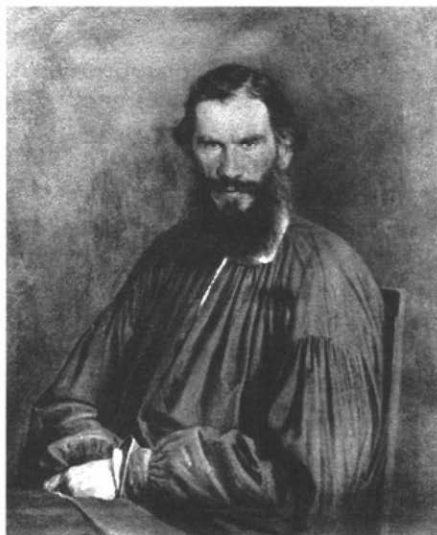
Севастополь. 1855 года, 25 апреля

● *Вопрос и задание*

Рассмотрите портреты Л. Н. Толстого, выполненные разными художниками. Какие черты характера писателя угадываются в них?



Л. Н. Толстой за работой.
Худ. Н. Ге. 1884 г.



Портрет Л. Н. Толстого.
Худ. И. Крамской

● *Поразмышляем над прочитанным*

1. Вы прочитали и обсудили в классе рассказ Л. Н. Толстого «После бала». Какие впечатления остались у вас от этого рассказа?
2. Что нового о жизни солдата, война сообщил вам рассказ Толстого «Севастополь в декабре месяце»? Что подчёркивает писатель в характере раненного в ногу солдата?
3. Что в рассказе «Севастополь в декабре месяце» поразило, удивило, огорчило вас? Какими предстают герои повествова-

ния, солдаты, командиры? Каковы особенности их жизни? Какую роль играет пейзаж?

Приведите примеры.

4. Прочитайте повесть Л. Н. Толстого «Отрочество» и подготовьте отзыв о прочитанном. Что связывает повести «Детство» и «Отрочество»?
5. К какому жанру — *рассказу* или *очерку* — вы бы отнесли произведение Л. Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце»? Мотивируйте свою точку зрения.
6. Что объединяет сева­стопольский рассказ Л. Н. Толстого с его же рассказом «После бала», написанным много лет спустя? Обратите особое внимание на характер взаимоотношений офицеров и солдат в этом рассказе.
7. В рассказе «После бала» основной композиционный приём — *антитеза*, противопоставление. Можем ли мы говорить о противопоставлении героев в сева­стопольском рассказе? Как вы думаете, почему?



Л. Н. Толстой в своём кабинете за работой

Викторина

1. Какой рассказ Л. Н. Толстого так начинается?

- «Служил на Кавказе офицером один барин...»
- «Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон...»
- «Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно...»

2. Чей это портрет?

- «Высокая, стройная, грациозная и величественная...»
- «Красивый, статный, высокий и свежий старик».
- «Он был человек прошлого века и имел общий молодёжи того века неуловимый характер рыцарства, предприимчивости, самоуверенности, любезности и разгула».
- «...девочка, тоненькая, худенькая, лет тринадцати».

3. Кто так сказал?

- «Вот и домой съездил, женился! Нет, уж видно не судьба моя...»
- «Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — будешь мазать? Будешь?»

4. Какой рассказ Л. Н. Толстого так заканчивается?

- «А любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела...»
- «И остался служить на Кавказе...»

5. Кто сказал так о Толстом?

- «Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком...»

6. Какие художники были авторами портретов Л. Н. Толстого?

7. Вспомните названия произведений Толстого, которые входят в трилогию. Кто главный герой трилогии?

Ответы на вопросы викторины

5. М. Горький.

Остальные ответы вы самостоятельно найдёте в Интернете.



АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

1860—1904

Почти век тому назад об А. П. Чехове узнали читатели Англии. Исследователь Чехова, поэт и журналист Ф. Томлинсон, объяснял любовь английских читателей к Чехову и Толстому так:

«Они люди того же масштаба, что и представители нашей шекспировской эпохи».

Джон Голсуорси написал в 1928 году:

«В течение последних двадцати лет самым могучим магнитом для молодых писателей многих стран был Чехов».

«Искусство Чехова» — так назвала свою книгу, вышедшую во Франции, Роза Салли. В ней мы читаем:

«Именно потому, что Чехов говорил тихим голосом о важном, сегодня он разговаривает со всё большим кругом читателей».

Литература о Чехове очень велика, пишут не только критики, писатели, театральные деятели, но и видный дипломат, бывший посол Америки в Москве.

Известно, как Чехов добивался краткости, считая главным в работе не самый процесс сочинения рассказа, а сокращение написанного. Но зато сколько содержания он умел вложить в пять-шесть страниц, даже в одну страницу.

Английский писатель Моэм писал:

«Чехов учился писать просто, ясно, убедительно и достиг стиля великой красоты».

Сам Чехов утверждал:

«Никаких сюжетов не нужно. В жизни нет сюжетов, в ней всё перемешано — глубокое с мелким, великое с ничтожным, трагическое со смешным».



А. П. Чехов. Портрет с автографом писателя

По книге Л. Никулина «Чехов, Бунин, Куприн»

• Вопросы и задание

1. Как относились писатели зарубежных стран к творчеству А. П. Чехова?
2. Что было важно для А. П. Чехова при изображении жизни?
3. Как вы воспринимаете прочитанные вами чеховские рассказы? На какие раздумья настраивает вас каждый из них? Приведите пример, остановившись подробнее на одном из чеховских рассказов.

• Поразмышляем над прочитанным

1. Вы читали уже много рассказов А. П. Чехова: «Хирургия» и «Лошадиная фамилия», «Хамелеон» и «Злоумышленник», «О любви», «Размазня» и др. Какие из этих рассказов кажутся вам прошедшими проверку временем? Герои каких рассказов современны и сегодня?

ТОСКА

Кому повем печаль мою?..

Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажжённых фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнётся. Упади на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашёл нужным стряхивать с себя снег... Его лошадёнка тоже бела и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью форм и палкообразной прямизною ног она даже вблизи похожа на копеечную пряничную лошадку. Она, по всей вероятности, погружена в мысль. Кого оторвали от плуга, от привычных серых картин и бросили сюда, в этот омут, полный чудовищных огней, неугомонного треска и бегущих людей, тому нельзя не думать...

Иона и его лошадёнка не двигаются с места уже давно. Выехали они со двора ещё до обеда, а почина всё нет и нет. Но вот на город спускается вечерняя мгла. Бледность фонарных огней уступает своё место живой краске, и уличная суматоха становится шумнее.

— Извозчик, на Выборгскую! — слышит Иона. — Извозчик!

Иона вздрагивает и сквозь ресницы, облепленные снегом, видит военного в шинели с капюшоном.

— На Выборгскую! — повторяет военный. — Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

В знак согласия Иона дёргает вожжи, отчего со спины лошади и с его плеч сыплются пласты снега... Военный садится в сани. Извозчик чмокает губами, вытягивает по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычке, чем по нужде, машет кнутом. Лошадёнка тоже вытягивает шею, кривит свои палкообразные ноги и нерешительно двигается с места...

— Куда прёшь, леший! — на первых же порах слышит Иона возгласы из тёмной, движущейся взад и вперёд массы. — Куда черти несут? Пррава держи!

— Ты ездить не умеешь! Права держи! — сердится военный.

Бранится кучер с кареты, злобно глядит и стряхивает с рукава снег прохожий, перебегавший дорогу и налетевший плечом на морду лошадёнки. Иона ёрзает на козлах, как на иголках, тыкает в стороны локтями и водит глазами, как угорелый, словно не понимает, где он и зачем он здесь.

— Какие все подлецы! — острит военный. — Так и норовят столкнуться с тобой или под лошадь попасть. Это они сговорились.

Иона оглядывается на седока и шевелит губами... Хочет он, по-видимому, что-то сказать, но из горла не выходит ничего, кроме сипенья.

— Что? — спрашивает военный.

Иона кривит улыбкой рот, напрягает своё горло и сипит:

— А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер.

— Гм!.. Отчего же он умер?

Иона оборачивается всем туловищем к седоку и говорит:

— А кто ж его знает! Должно, от горячки... Три дня полежал в больнице и помер... Божья воля.

— Сворачивай, дьявол! — раздаётся в потёмках. — По-вылазило, что ли, старый пёс? Гляди глазами!

— Поезжай, поезжай... — говорит седок. — Этак мы и до завтра не доедем. Подгони-ка!

Извозчик опять вытягивает шею, приподнимается и с тяжёлой грацией взмахивает кнутом. Несколько раз потом оглядывается он на седока, но тот закрыл глаза и, по-видимому, не расположен слушать. Высадив его на Выборгской, он останавливается у трактира, сгибается на козлах и опять не шевельнётся... Мокрый снег опять красит набело его и лошадёнку. Проходит час, другой...

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходят трое молодых людей: двое из них высоки и тонки, третий мал и горбат.

— Извозчик, к Полицейскому мосту! — кричит дребезжащим голосом горбач. — Троиш... двугривенный!

Иона дёргает вожжами и чмокает. Двугривенный цена не сходная, но ему не до цены... Что рубль, что пятак — для него теперь всё равно, были бы только седоки... Молодые люди, толкаясь и сквернословя, подходят к санным и все трое сразу лезут на сиденье. Начинается решение вопроса: кому двум сидеть, а кому третьему стоять? После долгой перебранки, капризничанья и попреков приходят к решению, что стоять должен горбач, как самый маленький.

— Ну, погоняй! — дребезжит горбач, устанавливаясь и дыша в затылок Ионы. — Лупи! Да и шапка же у тебя, братец! Хуже во всём Петербурге не найти...

— Гы-ы... гы-ы... — хохочет Иона. — Какая есть...

— Ну, ты, какая есть, погоняй! Этак ты всю дорогу будешь ехать? Да? А по шее?..

— Голова трещит... — говорит один из длинных. — Вчера у Дукмасовых мы вдвоём с Васькой четыре бутылки коньяку выпили.

— Не понимаю, зачем врать! — сердится другой длинный. — Врёт, как скотина.

— Накажи меня Бог, правда...

— Это такая же правда, как то, что вошь кашляет.

— Гы-ы! — ухмыляется Иона. — Ве-есёлые господа!

— Тьфу, чтоб тебя черти!.. — возмущается горбач. — Поедешь ты, старая холера, или нет! Разве так ездят? Хлобысни-ка её кнутом! Но, чёрт! Но! Хорошенько её!

Иона чувствует за своей спиной вертящееся тело и головную дрожь горбача. Он слышит обращённую к нему ругань, видит людей, и чувство одиночества начинает мало-помалу отлегать от груди. Горбач бранится до тех пор, пока не давится вычурным, шестизэтажным ругательством и не раздражается кашлем. Длинные начинают говорить о какой-то Надежде Петровне. Иона оглядывается на них. Дождавшись короткой паузы, он оглядывается ещё раз и бормочет:

— А у меня на этой неделе... тово... сын помер!

— Все помрём... — вздыхает горбач, вытирая после кашля губы. — Ну, погоняй, погоняй! Господа, я решительно не могу дальше так ехать! Когда он нас довезёт?

— А ты его легонечко подбодри... в шею!

— Старая холера, слышишь? Ведь шею наkostenю!.. С вашим братом церемониться, так пешком ходить!.. Ты

слышишь, Змей Горыныч? Или тебе плевать на наши слова?

И Иона больше слышит, чем чувствует, звуки подзатыльника.

— Гы-ы... — смеётся он. — Весёлые господа... дай Бог здоровья!

— Извозчик, ты женат? — спрашивает длинный.

— Я-то? Гы-ы... ве-есёлые господа! Таперь у меня одна жена — сырая земля... Хи-хо-хо... Могила то есть!.. Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...

И Иона оборачивается, чтобы рассказать, как умер его сын, но тут горбач легко вздыхает и заявляет, что, слава Богу, они, наконец, приехали. Получив двугривенный, Иона долго глядит вслед гулякам, исчезающим в тёмном подъезде. Опять он одинок, и опять наступает для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь ещё с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдётся ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из неё тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но тем не менее её не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что её не увидишь днем с огнём...

Иона видит дворника с кульком и решает заговорить с ним.

— Милый, который теперь час будет? — спрашивает он.

— Десятый... Чего же стал здесь? Проезжай!

Иона отъезжает на несколько шагов, изгибается и отдаётся тоске... Обращаться к людям он считает уже бесполезным. Но не проходит и пяти минут, как он выпрямляется, встряхивает головой, словно почувствовал острую боль, и дёргает вожжи... Ему немоготу.

«Ко двору, — думает он. — Ко двору!»

И лошадёнка, точно поняв его мысль, начинает бежать рысцей. Спустя часа полтора Иона сидит уже около большой, грязной печи. На печи, на полу, на скамьях храпит народ. В воздухе «спираль» и духота... Иона глядит на спящих, почёсывается и жалеет, что так рано вернулся домой...

«И на овёс не выездил, — думает он. — Оттого-то вот и тоска. Человек, который знающий своё дело... который и сам сыт и лошадь сыта, завсегда покоен...»

В одном из углов поднимается молодой извозчик, сонно крикает и тянется к ведру с водой.

— Пить захотел? — спрашивает Иона.

— Стало быть, пить!

— Так... На здоровье... А у меня, брат, сын помер... Слыхал? На этой неделе в больнице... История!

Иона смотрит, какой эффект произвели его слова, но не видит ничего. Молодой укрылся с головой и уже спит. Старик вздыхает и чешется... Как молодому хотелось пить, так ему хочется говорить. Скоро будет неделя, как умер сын, а он ещё путём не говорил ни с кем... Нужно поговорить с толком, с расстановкой... Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер... Нужно описать похороны и поездку в больницу за одеждой покойника. В деревне осталась дочка Анисья... И про неё нужно поговорить... Да мало ли о чём он может теперь поговорить? Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать... А с бабами говорить ещё лучше. Те хоть и дуры, но ревут от двух слов.

«Пойти лошадь поглядеть, — думает Иона. — Спать всегда успеешь... Небось выспишься...»

Он одевается и идёт в конюшню, где стоит его лошадь. Думает он об овсе, сене, о погоде... Про сына, когда один, думать он не может... Поговорить с кем-нибудь о нём можно, но самому думать и рисовать себе его образ невыносимо жутко...

— Жуёшь? — спрашивает Иона свою лошадь, видя её блестящие глаза. — Ну, жуй, жуй... Коли на овёс не выездили, сено есть будем... Да... Стар уж стал я ездить... Сыну бы ездить, а не мне... То настоящий извозчик был... Жить бы только...

Иона молчит некоторое время и продолжает:

— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребёночек, и ты этому жеребёночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребёночек приказал долго жить... Ведь жалко?

Лошадёнка жуёт, слушает и дышит на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказывает ей всё...

● *Поразмыслиаем над прочитанным*

1. Как вы думаете, почему писатель сначала подробно описывает один вечер мучительного одиночества Ионы в многолюд-

ном, шумном городе, лишь потом как бы невзначай замечает: «Скоро будет неделя, как умер сын, а он ещё путём не говорил ни с кем...»?

2. Перечитайте рассказ и попробуйте найти ответ на вопрос: почему Иона «про сына, когда один, думать он не может...»?

Викторина

1. Кто из персонажей и в каком произведении:

— говорил судебному следователю, что ему некогда идти в тюрьму, потому что надо быть при ярмарке;

— рассказал о своём горе (смерти сына) лошади, потому что люди не хотели выслушать его?

2. Кто так сказал о Чехове?

«У Вас настоящий талант, — талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения».

«Чехов — это Пушкин в прозе».

«Чехов... несравненный художник... И достоинство его творчества в том, что оно понятно и сродно не только всякому русскому человеку, но и всякому человеку вообще. А это главное».

«Россия... долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещённым грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пронизанным глубоким сознанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям...».

Ответы на вопросы викторины

1. *Денис Григорьев («Злоумышленник»), извозчик Иона Потапов («Тоска»).* 2. *Д. Григорович; Л. Толстой; М. Горький; Л. Толстой.*



ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА



ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

1870—1953

И. А. Бунин — русский писатель, автор многих повестей, рассказов, стихотворений («На край света», «Листопад», «Антоновские яблоки», «Сосны» и др.), почетный член Петербургской академии наук.

М. Горький писал ему:

«И проза ваша и стихи с одинаковой красотой и силой раздвигали перед человеком границы однообразного бытия, щедро одаряя его сокровищами мировой литературы, прекрасными картинами иных стран, связывая воедино русскую литературу с общечеловеческим на земле».

Из книги А. Бабореко «И. А. Бунин: Материалы для биографии»

* * *

Твой труд переживёт тебя, поэт,
Переживут творца его творенья,
Живого не утратит выраженья
С тебя когда-то писанный портрет —
И станешь ты, незримый, бестелесный,
Мечтою, мыслью, сказкою чудесной.

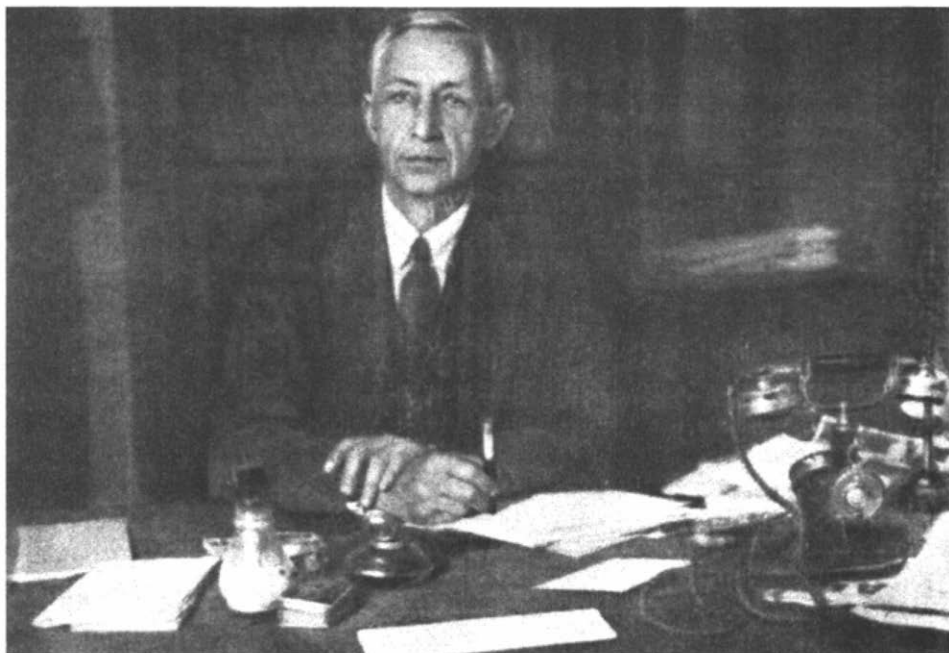
И. Бунин

«Решением Шведской академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия по литературе за этот год присуждена Ивану Бунину за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типичный русский характер».

*(Из официального решения
о присуждении Ивану Бунину премии)*

«Мастерство Бунина для нашей литературы чрезвычайно важный пример, как нужно обращаться с русским языком, как нужно видеть предмет и пластически изображать его. Мы учимся у него мастерству слова, образности и реализму».

А. Н. Толстой



И. А. Бунин за столом редактора газеты «Последние новости»
(Париж). 1933 г.

• *Вопрос и задание*

Вы прочитали несколько рассказов И. А. Бунина: «Косцы» и «Цифры», «Лапти» и «Кавказ». Эти произведения рассказали вам о взаимоотношениях детей и взрослых, о любви и сострадании, о великодушии и жестокости.

Какие из этих рассказов показались вам особенно интересными, важными?

Познакомьтесь ещё с одним рассказом И. А. Бунина, подумайте над его содержанием, особенностями словесного искусства писателя.

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

После обеда вышли из ярко и горячо освещённой столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку к щеке, засмеялась простым прелестным смехом, — всё было прелестно в этой маленькой женщине, — и сказала:

— Я, кажется, пьяна... Откуда вы взялись? Три часа тому назад я даже не подозревала о вашем существовании. Я даже не знаю, где вы сели. В Самаре? Но всё равно... Это у меня голова кружится или мы куда-то поворачиваем?

Впереди была темнота и огни. Из темноты бил в лицо сильный, мягкий ветер, а огни неслись куда-то в сторону: пароход с волжским щегольством круто описывал широкую дугу, подбегая к небольшой пристани.

Поручик взял её руку, поднёс к губам. Рука, маленькая и сильная, пахла загаром. И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она вся под этим лёгким холстинковым платьем после целого месяца лежанья под южным солнцем, на горячем морском песке (она сказала, что едет из Анапы). Поручик пробормотал:

— Сойдём...

— Куда? — спросила она удивленно.

— На этой пристани.

— Зачем?

Он промолчал. Она опять приложила тыл руки к горячей щеке.

— Сумасшествие...

— Сойдём, — повторил он тупо. — Умоляю вас...

— Ах, да делайте как хотите, — сказала она, отворачиваясь.

Разбежавшийся пароход с мягким стуком ударился в тускло освещённую пристань, и они чуть не упали друг на друга. Над головами пролетел конец каната, потом понесло назад, и с шумом закипела вода, загревели сходни... Поручик кинулся за вещами.

Через минуту они прошли сонную конторку, вышли на глубокий, по ступицу, песок и молча сели в запылённую извозчичью пролётку. Отлогий подъём в гору, среди редких кривых фонарей, по мягкой от пыли дороге, показался бесконечным. Но вот поднялись, выехали и затрещали по мостовой, вот какая-то площадь, присутственные места, каланча, тепло и запахи ночного летнего уездного города... Извозчик остановился возле освещённого подъезда, за раскрытыми дверями которого круто поднималась старая деревянная лестница, старый, небритый лакей в розовой ко-

соворотке и в сюртуке недовольно взял вещи и пошёл на своих растоптанных ногах вперёд. Вошли в большой, но страшно душный, горячо накалённый за день солнцем номер с белыми опущенными занавесками на окнах и двумя необожжёнными свечами на подзеркальнике, — и как только вошли и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так исступлённо задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот ни другой.

В десять часов утра, солнечного, жаркого, счастливого, со звоном церковей, с базаром на площади перед гостиницей, с запахом сена, дёгтя и опять всего того сложного и пахучего, чем пахнет русский уездный город, она, эта маленькая безымянная женщина, так и не сказавшая своего имени, шутя называвшая себя прекрасной незнакомкой, уехала. Спали мало, но утром, выйдя из-за ширмы возле кровати, в пять минут умывшись и одевшись, она была свежа, как в семнадцать лет. Смущена ли была она? Нет, очень немного. По-прежнему была проста, весела и — уже рассудительна.

— Нет, нет, милый, — сказала она в ответ на его просьбу ехать дальше вместе, — нет, вы должны остаться до следующего парохода. Если поедем вместе, всё будет испорчено. Мне это будет очень неприятно. Даю вам честное слово, что я совсем не то, что вы могли обо мне подумать. Никогда ничего даже похожего на то, что случилось, со мной не было, да и не будет больше. На меня точно затмение нашло... Или, вернее, мы оба получили что-то вроде солнечного удара...

И поручик как-то легко согласился с нею. В лёгком и счастливом духе он довёз её до пристани, — как раз к отходу розового Самолёта, — при всех поцеловал на палубе и едва успел вскочить на сходни, которые уже двинули назад.

Так же легко, беззаботно и возвратился он в гостиницу. Однако что-то уж изменилось. Номер без неё показался каким-то совсем другим, чем был при ней. Он был ещё полон ею — и пуст. Это было странно! Ещё пахло её хорошим английским одеколоном, ещё стояла на подносе её недопитая чашка, а её уже не было... И сердце поручика вдруг сжалось такой нежностью, что поручик поспешил закурить и несколько раз прошёлся взад и вперёд по комнате.

— Странное приключение! — сказал он вслух, смеясь и чувствуя, что на глаза его навёртываются слёзы. — «Даю вам честное слово, что я совсем не то, что вы могли подумать...» И уже уехала...

Ширма была отодвинута, постель ещё не убрана. И он почувствовал, что просто нет сил смотреть теперь на эту постель. Он закрыл её ширмой, затворил окна, чтобы не слышать базарного говора и скрипа колёс, опустил белые пузырившиеся занавески, сел на диван... Да, вот и конец этому «дорожному приключению»! Уехала — и теперь уже далеко, сидит, вероятно, в стеклянном белом салоне или на палубе и смотрит на огромную, блестящую под солнцем реку, на встречные плоты, на жёлтые отмели, на сияющую даль воды и неба, на весь этот безмерный волжский простор... И прости, и уже навсегда, навеки... Потому что где же они теперь могут встретиться? — «Не могу же я, — подумал он, — не могу же я ни с того ни с сего приехать в этот город, где её муж, где её трёхлетняя девочка, вообще вся её семья и вся её обычная жизнь!» — И город этот показался ему каким-то особенным, заповедным городом, и мысль о том, что она так и будет жить в нём своей одинокой жизнью, часто, может быть, вспоминая его, вспоминая их случайную, такую мимолётную встречу, а он уже никогда не увидит её, мысль эта изумила и поразила его. Нет, этого не может быть! Это было бы слишком дико, неестественно, неправдоподобно! — И он почувствовал такую боль и такую ненужность всей своей дальнейшей жизни без неё, что его охватил ужас, отчаяние.

«Что за чёрт! — подумал он, вставая, опять принимаясь ходить по комнате и стараясь не смотреть на постель за ширмой. — Да что же это такое со мной? И что в ней особенного и что, собственно, случилось? В самом деле, точно какой-то солнечный удар! И главное, как же я проведу теперь, без неё, целый день в этом захолустье?»

Он ещё помнил её всю, со всеми малейшими её особенностями, помнил запах её загара и холстинкового платья, её крепкое тело, живой, простой и весёлый звук её голоса... Чувство только что испытанных наслаждений всей её женской прелестью было ещё живо в нём необыкновенно, но теперь главным было всё-таки это второе, совсем новое чувство — то странное, непонятное чувство, которого совсем не было, пока они были вместе, которого он даже предположить в себе не мог, затеявая вчера это, как он думал, только забавное знакомство, и о котором уже нельзя было сказать ей теперь! — «А главное, — подумал он, — ведь и никогда уже не скажешь! И что делать, как прожить этот бесконечный день, с этими воспоминаниями, с этой неразрешимой мукой, в этом Богом забытом городишке над той самой сияющей Волгой, по которой унёс её этот розовый пароход!»

Нужно было спастись, чем-нибудь занять, отвлечь себя, куда-нибудь идти. Он решительно надел картуз, взял стек, быстро прошёл, звеня шпорами, по пустому коридору, сбежал по крутой лестнице на подъезд... Да, но куда идти? У подъезда стоял извозчик, молодой, в ловкой поддёвке, и спокойно курил сигарку. Поручик взглянул на него растерянно и с изумлением: как это можно так спокойно сидеть на козлах, курить и вообще быть простым, беспечным, равнодушным? — «Вероятно, только я один так страшно несчастен во всём этом городе», — подумал он, направляясь к базару.

Базар уже разъезжался. Он зачем-то походил по свежему навозу среди телег, среди возов с огурцами, среди новых мисок и горшков, и бабы, сидевшие на земле, наперебой зывали его, брали горшки в руки и стучали, звенели в них пальцами, показывая их добротность, мужики оглушали его, кричали ему: «Вот первый сорт огурчики, ваше благородие!» Всё это было так глупо, нелепо, что он бежал с базара. Он пошёл в собор, где пели уже громко, весело и решительно, с сознанием исполненного долга, потом долго шагал, кружил по маленькому, жаркому и запущенному садику на обрыве горы, над неоглядной светло-стальной ширью реки... Погоны и пуговицы его кителя так нажгло, что к ним нельзя было прикоснуться. Околыш картуза был внутри мокрый от пота, лицо пылало... Возвратясь в гостиницу, он с наслаждением вошёл в большую и пустую прохладную столовую в нижнем этаже, с наслаждением снял картуз и сел за столик возле открытого окна, в которое несло жаром, но всё-таки веяло воздухом, заказал ботвинью со льдом... Всё было хорошо, во всём было безмерное счастье, великая радость; даже в этом зное и во всех базарных запахах, во всём этом незнакомом городишке и в этой старой уездной гостинице была она, эта радость, а вместе с тем сердце просто разрывалось на части. Он выпил несколько рюмок водки, закусывая малосольными огурцами с укропом и чувствуя, что он, не задумываясь, умер бы завтра, если бы можно было каким-нибудь чудом вернуть её, провести с ней ещё один, нынешний день, — провести только затем, только затем, чтобы высказать ей и чем-нибудь доказать, убедить, как он мучительно и восторженно любит её... Зачем доказать? Зачем убедить? Он не знал зачем, но это было необходимее жизни.

— Совсем разгулялись нервы! — сказал он, наливая пятую рюмку водки.

Он отодвинул от себя ботвинью, спросил чёрного кофе и стал курить и напряжённо думать: что же теперь делать ему, как избавиться от этой внезапной, неожиданной люб-

ви? Но избавиться — он это чувствовал слишком живо — было невозможно. И он вдруг опять быстро встал, взял картуз и стек и, спросив, где почта, торопливо пошёл туда с уже готовой в голове фразой телеграммы: «Отныне вся моя жизнь навеки, до гроба, ваша, в вашей власти». Но, дойдя до старого толстостенного дома, где была почта и телеграф, в ужасе остановился: он знал город, где она живёт, знал, что у неё есть муж и трёхлетняя дочка, но не знал ни фамилии, ни имени её! Он несколько раз спрашивал её об этом вчера за обедом и в гостинице, и каждый раз она смеялась и говорила:

— А зачем вам нужно знать, кто я, как меня зовут?

На углу, возле почты, была фотографическая витрина. Он долго смотрел на большой портрет какого-то военного в густых эполетах, с выпуклыми глазами, с низким лбом, с поразительно великолепными бакенбардами и широчайшей грудью, сплошь украшенной орденами... Как дико, страшно всё будничное, обычное, когда сердце поражено, — да, поражено, он теперь понимал это, — этим страшным «солнечным ударом», слишком большой любовью, слишком большим счастьем! Он взглянул на чету новобрачных — молодой человек в длинном сюртуке и белом галстуке, стриженный ёжиком, вытянувшийся во фронт под руку с девицей в подвенечном газе, — перевёл глаза на портрет какой-то хорошенькой и задорной барышни в студенческом картузе набекрень... Потом, томясь мучительной завистью ко всем этим неизвестным ему, не страдающим людям, стал напряжённо смотреть вдоль улицы.

— Куда идти? Что делать?

Улица была совершенно пуста. Дома были все одинаковые, белые, двухэтажные, купеческие, с большими садами, и казалось, что в них нет ни души; белая густая пыль лежала на мостовой; и всё это слепило, всё было залито жарким, пламенным и радостным, но здесь как будто бесцельным солнцем. Вдали улица поднималась, горбилась и упиралась в безоблачный, сероватый, с отблеском небосклон. В этом было что-то южное, напоминающее Севастополь, Керчь... Анапу. Это было особенно нестерпимо. И поручик, с опущенной головой, щурясь от света, сосредоточенно глядя себе под ноги, шатаясь, спотыкаясь, цепляясь шпорой за шпору, зашагал назад.

Он вернулся в гостиницу настолько разбитый усталостью, точно совершил огромный переход где-нибудь в Туркестане, в Сахаре. Он, собирая последние силы, вошёл в свой большой и пустой номер. Номер был уже прибран, лишён последних следов её, — только одна шпилька, забытая ею, лежала на ночном столике! Он снял китель и взгля-

нул на себя в зеркало: лицо его, — обычное офицерское лицо, серое от загара, с белёсыми, выгоревшими от солнца усами и голубоватой белизной глаз, от загара казавшихся ещё белее, — имело теперь возбуждённое, сумасшедшее выражение, а в белой тонкой рубашке со стоячим крахмальным воротничком было что-то юное и глубоко несчастное. Он лёг на кровать на спину, положил запылённые сапоги на отвал. Окна были открыты, занавески опущены, и лёгкий ветерок от времени до времени надувал их, веял в комнату зноем нагретых железных крыш и всего этого светоносного и совершенно теперь опустевшего, безмолвного волжского мира. Он лежал, подложив руки под затылок, и пристально глядел перед собой. Потом стиснул зубы, закрыл веки, чувствуя, как по щекам катятся из-под них слёзы, — и наконец заснул, а когда снова открыл глаза, за занавесками уже красновато желтело вечернее солнце. Ветер стих, в номере было душно и сухо, как в духовой печи... И вчерашний день и нынешнее утро вспомнились так, точно они были десять лет тому назад.

Он не спеша встал, не спеша умылся, поднял занавески, позвонил и спросил самовар и счёт, долго пил чай с лимоном. Потом приказал привести извозчика, вынести вещи и, садясь в пролётку, на её рыжее, выгоревшее сиденье, дал лакею целых пять рублей.

— А похоже, ваше благородие, что это я и привёз вас ночью! — весело сказал извозчик, берясь за вожжи.

Когда спустились к пристани, уже синела над Волгой синяя летняя ночь, и уже много разноцветных огоньков было рассеяно по реке, и огни висели на мачтах подбегающего парохода.

— В аккурат доставил! — сказал извозчик заискивающе.

Поручик и ему дал пять рублей, взял билет, прошёл на пристань... Так же, как вчера, был мягкий стук в её причал и лёгкое головокружение от зыбкости под ногами, потом летящий конец, шум закипевшей и побежавшей вперёд воды под колёсами несколько назад подавшегося парохода... И необыкновенно приветливо, хорошо показалось от многолюдства этого парохода, уже везде освещённого и пахнущего кухней.

Через минуту побежали дальше, вверх, туда же, куда унесло и её давеча утром.

Тёмная летняя заря потухала далеко впереди, сумрачно, сонно и разноцветно отражаясь в реке, ещё кое-где светившейся дрожащей рябью вдали под ней, под этой зарей, иплыли иплыли назад они, рассеянные в темноте вокруг.

Поручик сидел под навесом на палубе, чувствуя себя постаревшим на десять лет.

● *Поразмыслим над рассказами о любви*

1. Вы прочитали два рассказа И. А. Бунина о любви — «Кавказ» и «Солнечный удар». Какой из них кажется вам наиболее реальным?
2. Кто герои рассказов? Расскажите о них. Вспомните начало и конец рассказов. Чем интересно их построение (*композиция*)?
3. Как вы объясните названия рассказов? Кого из героев вы одобряете, кого осуждаете?
4. Какой смысл обретает каждый рассказ для вас? На какие размышления наталкивает?
5. Почему герой рассказа «Солнечный удар» чувствовал себя постаревшим на десять лет? Как вы это объясните?

Памяти И. А. Бунина¹

(Из статьи Георгия Иванова)

«...Для беспристрастной, окончательной оценки время ещё не только не пришло, но ещё и не скоро придёт. Это наши дети, а может быть, только наши внуки смогут определить настоящее место Бунина.

Если они будут читать „Деревню“, „Господина из Сан-Франциско“, „Митину любовь“, „Солнечный удар“ с тем же наслаждением и волнением, с каким их читали мы, — значит, мы были правы, считая Бунина одним из крупнейших писателей нашего времени.

Пожелаем же, чтобы приговор потомства был таков, как он сейчас рисуется мне.

Пожелаем и для Бунина, и для нас».

● *Вопросы и задания*

1. Считаете ли вы, что такое время, о котором писал замечательный русский поэт Георгий Иванов, пришло? Какие из произведений Бунина, названных Ивановым, вам известны? Что вы могли бы о них сказать?
2. Расскажите о впечатлениях, которые произвели на вас произведения Бунина.
3. Считаете ли вы Бунина «одним из крупнейших писателей нашего времени»? В чём, по вашему мнению, сила художественных произведений писателя?
4. В чём смысл размышлений поручика в рассказе «Солнечный удар»? Какое настроение вызвали у вас его размышления и весь рассказ «Солнечный удар»? Объясните его название.

¹ Иванов Г. Собр. соч. В 3 т. — М.: Согласие, 1994. — Т. 3. — С. 611—612.

Викторина

1. Были ли в роду у Буниных ещё писатели, кроме Ивана Алексеевича?
2. Перед каким писателем с детских лет благоговел Бунин?
3. Какой премии был он удостоен в начале и в конце жизни?
4. Как определил писатель основную особенность своей творческой манеры («Для меня главное — это...»)?

Ответы на вопросы викторины

1. Жуковский. 2. Перед Л. Н. Толстым. 3. Пушкинской и Нобелевской. 4. Найти звук.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН

1870—1938



А. И. Куприн известен взрослым и детям. Вы читали его произведения в 5 классе («Тапёр»), в 8-м («Куст сирени»). Сейчас мы предлагаем вам ещё один рассказ о любви — «На разъезде».

Рассказ не простой, не простые и взаимоотношения людей, о которых идёт речь. Читая этот рассказ, вы непременно вспомните и «Куст сирени» А. И. Куприна, и «Кавказ» И. А. Бунина, и «О любви» А. П. Чехова. В коротких рассказах писатели показывают сложность человеческих судеб, трагичность и счастье, горе и радость.

Будем внимательны к тому, как начинаются и завершаются эти рассказы, как раскрываются характеры героев в их поступках и диалогах.

НА РАЗЪЕЗДЕ

В вагон вошёл кондуктор, зажёл в фонарях свечи и задрнул их полотняными занавесками. Сетки с наваленными на них чемоданами, узлами и шляпами, фигуры пассажиров, которые или спали, или равномерно и безучастно вздрагивали, сидя на своих местах, печь, стенки диванов,

складки висящих одежд — всё это потонуло в длинных тяжёлых тенях и как-то странно и громоздко перепуталось.

Шахов нагнулся вперед, чтобы увидеть лицо своей соседки, и тихо спросил:

— Что? Очень устали, Любовь Ивановна?

Она поняла его желание. Повинуясь бессознательному и тонкому инстинкту кокетства, она отделила тело от спинки дивана и улыбнулась.

— Нет, нет, мне хорошо.

Лежащая против разговаривающих и покрытая серым шотландским пледом фигура грузно перевернулась с боку на спину.

— Не понимаю, Люба, что здесь хорошего? — пробурчал из-под пледа осипший от дороги мужской голос.

Ни Любовь Ивановна, ни Шахов не отвечали, но нежная улыбка, беспричинная и волнующая улыбка первых намёков сближения, мгновенно сбежала с их лиц.

Шахов ехал из Петербурга в Константинополь и затем в Египет. Эта поездка была его давнишней, заветной мечтой, но до сих пор её исполнению мешали то недостаток времени, то недостаток средств. Теперь, продав небольшое имение, он собрался в дорогу, счастливый и беспечный, с одним лёгким чемоданом в руках.

И вот уже двое суток, начиная от самого Петербурга, странная прихоть судьбы сделала его неразлучным спутником и собеседником очаровательной женщины, которая с каждым часом нравилась ему всё больше и больше. Что-то непонятное, привлекательное и совсем не похожее на прозу обыденной жизни казалось Шахову в этом быстром и доверчивом знакомстве. Ему нравилось подолгу глядеть на её тоненькую, изящную фигурку, на её разбившиеся пепельные волосы, на нежные глаза, окружённые тенью усталости. Ему нравилось сквозь ритмический грохот вагонов слушать её мягкий голос, когда им обоим благодаря шуму приходилось близко наклоняться друг к другу.

Когда наступали сумерки, непонятное и привлекательное становилось совсем сказочным... Милое лицо начинало то уходить вдаль, то приближаться; каждую минуту оно принимало всё новые и новые, но знакомые и прекрасные черты... И под размеренные звуки летящего поезда Шахову всё напевались звучные стихи: «Свет ночной, ночные тени... тени без конца... ряд волшебных изменений милого лица»¹.

¹ Строка из стихотворения А. А. Фета «Шёпот, лёгкое дыхание...».

Иногда он нарочно ронял платок или спичечницу на пол, чтобы украдкой заглянуть ближе в её лицо, и каждый раз глаза его встречали её ласково остановившуюся на нём улыбку...

Потом наступала ночь... Не было слышно ничего, кроме грохотания поезда и дыхания спящих. Он уступал ей тогда своё место, но она отказывалась. И они садились рядом друг с другом, совсем близко, и разговаривали до тех пор, пока у неё не падал от усталости голос. Тогда он с дружески шутливой настойчивостью уговаривал её ложиться. О чём они разговаривали — пожалуй, оба на другой день не дали бы себе отчёта. Так разговаривают два близких друга после долгой разлуки или брат с сестрою... Один только скажет два слова, чтобы выразить длинную и сложную мысль, а другой уже понял. И первый даже и не трудится продолжать и разжёвывать дальше — он уже по одной улыбке видит, что его поняли, — а впереди есть ещё столько важного и интересного, что, кажется, и времени не хватит всё передать. Оживлённый и радостный разговор скользит, извивается, капризно перебрасывается с предмета на предмет и всё-таки не утомляет собеседников.

Шахову приходилось не раз в жизни сталкиваться с женщинами умными и красивыми, красивыми и глупыми, умными и некрасивыми и, наконец, с женщинами и глупыми и некрасивыми. Но никогда ещё он не встречал женщины, которая так бы с полуслова понимала его и так бы живо и умно интересовалась всем тем, чем и он интересовался, как Любовь Ивановна, которую он знал всего вторые сутки. Только всё, что у него было заносчиво, резко и горячо, — у неё облекалось в какую-то неуловимо милую и нежную доверчивость, соединённую с изящной простотой. И лицом её, немного бледным и утомлённым, он не уставал любоваться во всё время дороги.

Шахов с непривычки не умел спать в вагоне. Несколько раз ночью проходил он мимо того дивана, на котором спала Любовь Ивановна. И каждый раз — впрочем, может быть, он и ошибался — ему казалось, что она следит за ним своими ласкающими глазами.

Утром они встречались. Следы сна, которые так неприятно изменяют самые хорошенькие лица, совсем не испортили её лица. К ней всё шло — и разившиеся волосы, и расстегнувшаяся пуговица воротника лифа, позволявшая видеть прекрасные очертания шеи, и томный, ослабевший взгляд. В продолжение дня ему нравилось оказывать ей разные мелкие услуги при пересадках и во время обедов и ужинов на станциях. Ещё больше ему нравилось то, что

она принимала его услуги без ломанья и без приторного избытка благодарностей. Она видела, что такая внимательность с его стороны к ней доставляет ему удовольствие, — и это было ей приятно.

Зато всю прелесть этого быстрого сближения портил господин Яворский — муж Любви Ивановны. Трудно было придумать более типичную бюрократическую физиономию: выбритый жирный подбородок, окаймлённый круглыми баками, жёлтый цвет лица, снабжённого всякими опухольями, складками и обвислостями, стеклянноподвижные глаза... Господин Яворский не умел и не мог ни о чём говорить, кроме своей персоны. И тем у него было только две: петербургские сплетни в сфере чиновничьего мира и собственные ревматизмы и геморрой, которые он ехал теперь купать в одесских лиманах. Болезни служили особенно излюбленным предметом разговора. О них он говорил с видимой любовью, громко, подробно и невыносимо скучно, говорил со всяким желающим и нежелающим слушать, говорил так, как умеют говорить только самые чёрствые себялюбцы.

С женой он обращался то язвительно-нежно, на «вы», то умышленно деспотично. Она, по летам, годилась ему в дочери, и Шахову казалось, что муж на неё смотрит, как на благоприобретённую собственность. Он заставлял её покрывать ему ноги пледом, брюзжал на неё с утра до вечера, карикатурно и отвратительно-злобно передразнивал почти каждую из её робких, обращённых к нему фраз. Встречая в этих случаях взгляд молодого художника, Яворский глядел на него так, как будто бы хотел сказать: «Да, да, вот и погляди, как у меня жена выдрессирована; и всегда будет так, потому что она *моя собственная жена*».

— Я вас вторично спрашиваю, Любовь Ивановна: угодно ли вам будет почтить меня своим милостивым ответом? — спросил язвительно Яворский и приподнялся на локте. — Что вы, именно, находите хорошим?

Она отвернулась к окну и молчала.

— Ну-с? — продолжал Яворский, выдержав паузу. — Или вы находите, что другим ваши замечания могут быть интереснее, чем вашему мужу? Что-с?

— Любовь Ивановна сказала мне, что ей удобно сидеть, — вмешался Шахов.

— Хе-хе-хе... очень вам благодарен за разъяснение-с, — обратился Яворский к художнику. — Но мне всё-таки желательнее было бы лично выслушать ответ из уст супруги-с.

Любовь Ивановна нетерпеливо и нервно хрустнула сложенными вместе пальцами.

— Я не знаю, Александр Андреевич, почему это вас так заняло, — сказала она сдержанным тоном. — Monsieur Шахов спросил меня, удобно ли мне, и я отвечала, что мне хорошо. Вот и всё.

Яворский приподнялся совсем и сел на диван.

— Нет, не всё-с. Во-первых, Люба, я просил тебя не называть меня никогда Александром Андреевичем. Это — вульгарно. Так зовут только купчихи своих мужей. Я думаю, тебе не трудно называть меня Сашей или просто Александром. Я думаю, что господину художнику отнюдь не покажется странным то обстоятельство, что жена называет своего мужа уменьшительным именем. Не правда ли, господин художник? А во-вторых, супружество, налагая известные обязанности на мужа и жену, требует с обеих сторон взаимной внимательности. И потому...

И он долго и растянуто говорил о обязанностях хорошей жены. Любовь Ивановна сидела, низко опустив голову. Шахов молчал. Наконец Яворский утомился, прилёг и продолжал лёжа свои разглагольствования. Потом он совсем замолчал, и вскоре послышалось из-под пледа его всхрапывание.

После долгого молчания Шахов первый начал разговор.

— Любовь Ивановна, — сказал он, соразмеряя свой голос так, чтобы он не был за стуком колёс слышен, — мы с вами так о многом говорили... Почему же... Я боюсь, впрочем, показаться нескромным и, может быть, даже назойливым...

Она сразу схватила то, что он хотел сказать.

— О нет, нет, — живо возразила она. — Это ничего, что наше знакомство слишком коротко... Знаете... знаете... — Она запнулась и искала слова. — Хоть это и странно, может быть, да ведь и всё у нас с вами как-то странно складывается... Но мне кажется, что я вам всё бы, всё могла рассказать, что у меня на душе и что со мной было. Так бы прямо, без утайки, как своему... — она остановилась и, сконфузившись своего мгновенного порыва, не договорила слова «брату».

Шахова эта вспышка доверчивости и тронула, и ужасно обрадовала.

— Вот, вот, я об этом и хотел сказать, — торопливым шёпотом заговорил он. — Ах, как хорошо, что вы так сразу меня поняли. Расскажите мне о себе побольше... только, чтобы вам самой это не было больно... Ведь как много мы с вами переговорили, а я до сих пор ничего о вашей жизни не знаю... Только не стыдитесь... И завтра не стыдитесь... Может быть, мы и разъедемся через четверть часа, и не встретимся никогда больше, но всё-таки это будет хорошо.

— Да, да... Это — хорошо... И — правда? — как-то смело... ново... одним словом, хорошо! Да?

— Оригинально?

— Ах, нет. Не то, не то! Оригинально — это в романах, это придуманное... А здесь что-то свежее... Ничего такого больше не повторится, я знаю... И всегда будешь вспоминать. Правда?

— Да. А вам никогда не приходила в голову мысль, что самые щекотливые вещи легче всего поверять...

— Тому, с кем только что встретишься?

— Да, да... Потому что с близким знакомым уже есть свои прежние отношения. Так по ним всё и будет мериться... Но мы с вами отклоняемся. Пожалуй, и не дойдём до того, о чём стали говорить. Рассказывайте же о себе.

— Хорошо... Но я затрудняюсь только начать... И кроме того, я боюсь, чтобы не вышло по-книжному.

— Ничего, ничего. Рассказывайте, как знаете. Ну, начинайте хоть с детства. Где учились? Как учились? Какие были подруги? Какие планы строили? Как шалили?

В это время поезд с оглушительным грохотом промчался по мосту. Мимо окон быстро замелькали белые железные полосы мостового переплёта. Когда грохот сменился прежним однообразным шумом, Яворский вдруг сразу перестал храпеть, перевернулся, поправил под головой подушку и что-то произнёс. Шахову послышалось не то «чёрт побери», не то «спать только мешают!». Любовь Ивановна и Шахов замолчали и с возбуждённо-нетерпеливым ожиданием глядели на спину Яворского. В этом молчании оба чувствовали что-то неловкое и в то же время сближающее.

— Ну, говорите, говорите, — шепнул наконец Шахов, убедившись, что Яворский опять заснул.

Она рассказывала сначала неуверенно, запинаясь и прибегая к искусственным оборотам. Шахов должен был ей помогать наводящими вопросами. Но постепенно она увлеклась своими воспоминаниями. Она сама не замечала, как её душа, до сих пор лишённая ласки и внимания, точно комнатный цветок — солнца, радостно распускалась теперь навстречу тёплым лучам его участия к ней. Язык у неё был своеобразно-меткий, порой с наивными институтскими оборотами.

Любовь Ивановна не помнила ни отца, ни матери. Троюродной тётке как-то удалось поместить её в институт. Время учения было для неё единственным светлым временем в жизни. Несчастье ждало её в последнем классе. Та же тётка, совсем забывшая Любу в институте, однажды взяла её в отпуск и познакомила с надворным советником

Александром Андреевичем Яворским. С тех пор надворный советник аккуратно каждое воскресенье под именем дяди появлялся в приёмной зале института с пирожками от Филиппова и конфетами от Транже. Любовь Ивановна, беспечно смеясь вместе с подругами над дядей, так же беспечно поедала дядины конфеты, не придавая им особенно глубокого смысла.

Бедная институтка, конечно, не могла и подозревать, что Александр Андреевич давно уже взвесил и рассчитал свои на неё виды. В минуту откровенности, сладострастно подмигивая глазком, он уже не раз говорил друзьям о невесте.

«Дураки только, — говорил он, — женятся рано и чёрт знает на ком. Вот я, например. Женюсь, слава Богу, в чинах и при капитальце-с. Да и невеста-то у меня будет прямо из гнёздышка... ещё тёпленькая-с... Из такой что хочешь, то и лепишь. Всё равно как воск».

— Да и наивная я уж очень была в то время, — рассказывала Любовь Ивановна. — Когда он был женихом, мне, пожалуй, и нравилось. Букеты... брошки... брильянты... приданое... тонкое бельё... Только когда к венцу повезли, я тут всё и поняла. Плакала я, упрашивала тётку расстроить брак, руки у неё целовала... не помогло... А Александр Андреевич нашёл даже, что слёзы ко мне идут. С тех пор я так и живу, как видите, четыре года...

— Детей у вас, конечно, нет? — спросил Шахов.

— Нет. Ах, если бы были! Всё-таки я знала бы, для чего вся эта бессмыслица творится. К ним бы привязалась. А теперь у меня, кроме книг, и утешения никакого нет...

Она среди разговора не заметила, как поезд замедлял ход. Сквозь запотевшие стёкла показалась ярко освещённая станция. Поезд стал.

Разбуженный тишиною Яворский проснулся и быстро сел на диване. Он долго протирал глаза и скрёб затылок и, наконец, недовольно уставился на жену.

— Ложись спать, Люба, — сказал он отрывисто и хрипло. — Чёрт знает что такое! И о чём это, я не понимаю, целую ночь разговаривать? Всё равно путного ничего нет. — Яворский опять почесался и покосился на Шахова. — Ложись вот на моё место, а я сидеть буду.

Он приподнялся.

— Нет, нет, Саша, я всё равно не могу заснуть. Лежи, пожалуйста, — возразила Любовь Ивановна. Яворский вдруг грубо схватил её за руку.

— А я тебе говорю — ложись, и, стало быть, ты должна лечь! — закричал он озлобленно и выкатывая глаза. — Я не позволю, чёрт возьми, чтобы моя жена третью ночь по каким-то уголкам шепталась... Здесь не номера, чёрт возьми!

Ложись же... Этого себе порядочный человек не позволит, чтобы развращать замужнюю женщину. Ложись!

Он с силой дёрнул кверху руку Любви Ивановны и толкнул при этом локтем Шахова. Художник вспыхнул и вскочил с места.

— Послушайте! — воскликнул он гневно, — я не знаю, что вы называете порядочностью, но, по-моему, насилие над...

Но ему не дала договорить Любовь Ивановна. Испуганная, дрожащая, она бессознательно положила ему руку на плечо и умоляюще шептала:

— Ради Бога! Ради Бога...

Шахов стиснул зубы и молча вышел на платформу.

Ночь была тёплая и мягко-влажная. Ветер дул прямо в лицо. Пахло сажей. Видно было, как из трубы паровоза, точно гигантские клубы ваты, валил дым и неподвижно застывал в воздухе. Ближе к паровозу эти клубы, вспыхивая, окрашивались ярким пурпуром, и чем дальше, тем мерцали всё более и более слабыми тонами.

Шахов задумался. Его попеременно волновали: то жалость и нежность к Любви Ивановне, то гнев против её мужа. Ему было невыразимо грустно при мысли, что через два-три часа он должен ехать в сторону и уже никогда больше не возобновится встреча с этой очаровательной женщиной... Что с ней будет? Чем она удовлетворится? Найдётся ли у неё какой-нибудь исход? Покорится ли она своей участи полурабы, полуналожницы, или, — об этом Шахов боялся думать, — или она дойдёт наконец до унижения адюльтера под самым носом ревнивого мужа?

Шахов и не заметил, как простоял около получаса на платформе. Опять замелькали огни большой станции. Поезд застучал на стыках поворотов и остановился. «Станция Бирзула. Поезд стоит час и десять минут!» — прокричал кондуктор, проходя вдоль вагонов. Шахов машинально засмотрелся на вокзальную суету и вздрогнул, когда услышал сзади себя произнесённым своё имя.

— Леонид Павлович!

Он обернулся. Это была Любовь Ивановна.

Инстинктивно он протянул ей руки. Она отдала ему свои и отвечала на его пожатие долгим пожатием, глядя молча ему в глаза.

— Леонид Павлович, — быстро и взволнованно заговорила она. — Только десять минут свободных. Мне бы хотелось... Только, ради Бога, не откажите... Мне давно... никогда не было так хорошо, как с вами... Может быть, мы больше не увидимся. Так я хотела вас просить взять на память... Это моё самое любимое кольцо... и главное — собственное... Пожалуйста!..

И она, торопясь и конфузясь, сняла с пальца маленькое колечко с чёрным жемчугом, осыпанным бриллиантиками.

— Дорогая моя Любовь Ивановна, как всё в вас хорошо! — воскликнул Шахов. Он был растроган и чувствовал, что слёзы шиплют ему глаза. — Дорогая моя, зачем мы с вами так случайно встретились? Боже мой! Как судьба иногда зло распоряжается! Я не клянусь: ведь вы знаете, что мы никогда друг другу не солгали бы. Но я ни разу, ни разу ещё в моей жизни не встречал такого чудного существа, как вы. И главное, мы с вами как будто нарочно друг для друга созданы... Простите, я, может быть, говорю глупости, но я так взволнован, — так счастлив и... так несчастлив в то же время. Бывает, что два человека, как две половинки одной вазы... Ведь сколько половинок этих на свете, а только две сойдутся. Благодарю вас за кольцо. Я, конечно, его беру, хотя и так я всегда бы вас помнил... Только, Боже мой, зачем не раньше мы с вами встретились!

И он держал в своих руках и нежно сжимал её руки.

— Да, — сказала она, улыбаясь глазами, полными слёз, — судьба иногда нарочно смеётся. Смотрите: стоят два поезда. Встретились они и разойдутся, а из окон два человека друг на друга смотрят и глазами провожают, пока не скроются из виду. А может быть... эти два человека... такое бы счастье дали друг другу... такое счастье...

Она замолчала, потому что боялась разрыдаться.

— Второй звонок! Бирзула — Жмеринка! Поезд стоит на втором пути-и! — закричал в зале первого класса протяжный голос.

Внезапно дерзкая мысль осенила Шахова.

— Любовь Ивановна! Люба! — сказал он, задыхаясь. — Садимся сейчас на этот поезд и обратно. Ради Бога, милая. Ведь целая жизнь счастья. Люба!

Несколько секунд она молчала, низко опустив голову. Но вдруг подняла на него глаза и ответила:

— Я согласна.

В одно мгновение Шахов уже был на полотне и на руках бережно переносил Любовь Ивановну на платформу другого поезда.

Раздался третий звонок.

— Кондуктор! — торопливо крикнул Шахов, сбегая по ступенькам с платформы. — Вот в этом вагоне с той стороны сидит господин... Полный, в бакенбардах, в фуражке с бархатным чёрным околышем. Скажите ему, что барыня села и уехала благополучно с художником. Возьмите себе на чай.

Свисток на станции. Свисток на паровозе. Поезд тронулся.

На платформе никого не было, кроме Шахова и Любови Ивановны.

— Люба, навсегда? На всю жизнь? — спросил Шахов, обвивая рукой её талию.

Она не сказала ни слова и спрятала своё лицо у него на груди.

● *Поразмыслиаем над прочитанным*

1. Какой из знакомых вам рассказов о любви кажется особенно значительным, или поучительным, или трагическим? Назовите автора и героев.
2. Почему так стремительно решили изменить свою судьбу Шахов и Любовь Ивановна?
3. Каким настроением пронизан рассказ — юмористическим или лирическим? Обоснуйте своё суждение.

Викторина

1. Были ли среди известных писателей земляки А. И. Куприна?
2. В каком рассказе Куприна герой встречается с Рубинштейном?
3. Какие короткие рассказы о любви А. И. Куприна вам известны?
4. Как начинаются рассказы о любви?
5. Назовите героев коротких рассказов Куприна.

Ответы на вопросы викторины

1. М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, И. А. Бунин. 2. В рассказе «Талёр». 3. «Куст сирени», «На разъезде» и др. На вопросы 4 и 5, в случае затруднения с ответом, ищите информацию в Интернете.

Максим Горький

1868—1936



Произведения Максима Горького знакомы вам с начальной школы. В 7 классе вы читали повесть М. Горького «Детство», в 8 классе познакомились с рассказом «Челкаш».

Какое время и каких героев описывает писатель? Чем они интересны? Что в них удивляет, раздражает или вызывает симпатии, сочувствие? Каким представляется благодаря этим произведениям сам автор?

Вслушаемся в воспоминания Корнея Ивановича Чуковского, который не только был знаком с Горьким, но и создавал с ним литературу для детей и юношества в первые десятилетия XX века.

«...Когда я познакомился с ним, я заметил, что у него на лице чаще всего бывают... два выражения.

Одно — хмурое, тоскливо-враждебное. В такие минуты казалось, что на этом лице невозможна улыбка, что там и нет такого материала, из которого делаются улыбки.



М. Горький у Л. Н. Толстого.
1900 г.
Худ. Д. Налбандян.
1978 г.

И другое выражение, всегда внезапное, всегда неожиданное: празднично-застенчиво-умилённо-влюблённое. То есть та самая улыбка, которая за секунду до этого казалась невымыслимой».

«...Впоследствии я заметил, что внезапные приливы влюблённости бывают у Горького чаще всего, когда он говорит о детях, о замечательных людях и книгах...

У него была весёлая манера — дарить писателям книги...

В сентябре 1918 года Горький основал в Петрограде издательство „Всемирная литература“...

Иногда, чтобы выбрать для маленького томика семь или восемь наиболее подходящих рассказов какого-нибудь иностранного автора, он прочитывал вдесятеро больше, чуть не всё собрание его сочинений.

...Книг он читал сотни по всем специальностям — по электричеству, коннозаводству. <...> Меня всегда поражало не только качество усваиваемых им элементов культуры, но и самое количество их. В день он писал такое множество писем, сколько иной из нас не напишет в месяц. А сколько он редактировал журналов и книг! И как самоотверженно он их редактировал!

...В заключение мне следовало бы сказать о той незабываемой роли, которую сыграл Горький в истории детской литературы...

В детской литературе должны существовать одновременно два „Гулливера“: маленький „Гулливер“ для семилетних детей, в виде коротенькой сказки, и полный „Гулливер“ для детей старшего возраста...

В основе же детской литературы должно быть вдохновение и творчество. Ей нужны не ремесленники, а большие художники. Поэзия, а не суррогаты поэзии. Она не должна быть придатком к литературе для взрослых. Это великая держава, с суверенными правами и законами...

Так в далёкие годы утверждал Алексей Максимович то беспримерное уважение к ребёнку».

Корней Чуковский. «Из воспоминаний»



М. Горький и А. П. Чехов.
Ялта. 1900 г. Фотография

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море огромное, лениво вздыхающее у берега, — уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звёзд. Кажется, что небо всё ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чём шепчут неутомные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые тёплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали чёрные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены, — все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, ещё скрытой за горными вершинами.

— А-ала-ах-а-акбар!.. — тихо вздыхает Надыр-Рагим-оглы, старый крымский чабан¹, высокий, седой, сожжённый южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, — у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращен к морю, волны набросали тины, водорослей, и обещанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращённой к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному частой сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда всё кажется прозрачным, одухотворённым, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и поло-

¹ Чабан — пастух.

жив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный Богу человек идёт в рай. А который не служит Богу и Пророку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Тёмное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нём появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво льёт свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе все уж рассказал... Больше не знаю... — Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом¹, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

I

«Высоко в горы вполз Уж и лёг там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твёрдый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел он ей прямо в очи:

— Что, умираешь?

— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга!

¹ Речитатив — напевная речь.

— Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: „Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...“

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повёл очами.

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье тёмном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О, счастье битвы!..

А Уж подумал: „Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..“

И предложил он свободной птице: „А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и проживёшь ещё немного в твоей стихии“.

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошёл к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошёл он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь омывши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным рёвом о камень бились... И тупа птицы не видно было в морском пространстве...

II

В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полётам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать всё это, взлетевши в небо хоть ненадолго.

Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул¹ в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рождённый ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убится, а рассмеялся...

— Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она — в паденье!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя,

¹ *Прянуть* — метнуться, прыгнуть.

они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам всё знаю! Я — видел небо... Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землёй живу я.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

Блестело море, всё в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином рёве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

„Безумству храбрых поём мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячее, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пуškai ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поём мы песню!..“»

...Молчит опаловая¹ даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде всё больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызывающе шумя, ползёт к голове Рагима.

— Куда идёшь?.. Пшла! — машет на неё Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющего волны. Всё кругом смотрит странно живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, ещё не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По тёмно-синему небу золотым узором звёзд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

¹ *Опáловый* — цвета *опала*, прозрачного минерала молочно-голубоватого или жёлто-белого цвета с радужным отливом.

Всё дремлет, но дремлет напряжённо чутко, и кажется, что вот в следующую секунду всё встрепенётся и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонёк, и увлекут с собой душу высоко в тёмно-синюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звёзд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

● *Поразмыслиаем над прочитанным*

1. Почему М. Горький обозначил жанр этого произведения словом *песня*? Что вы знаете об этом жанре по произведениям других авторов (Пушкина, Лермонтова) и какие есть различия между «Песней о Соколе» М. Горького и «песнями» Пушкина и Лермонтова?
2. М. Горький вводит вас в мир особых песен. «Песня о Соколе» — одна из них. О чём она рассказывает? Почему в заглавии упоминается только Сокол, хотя рассказывается о двух героях?
3. Какую роль играет вступление для основного содержания «Песни о Соколе»?
4. В чём смысл спора Сокола и Ужа? Как вы понимаете слова Сокола и Ужа?
«Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо...» (Сокол)
«„Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...“»
«Земли творенье — землёй живу я». (Уж)
5. Как вы понимаете выражения?
«Рождённый ползать — летать не может!..»
*«„Безумству храбрых поём мы славу!
Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О смелый Сокол!
В бою с врагами истёк ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!“»*
6. Какую роль играет описание моря для понимания содержания песни, рассказанной Рагимом?
7. Вспомните: чтобы подняться ещё раз в небо, Сокол, «...гордо крикнув, пошёл к обрыву...», а Уж «...свернулся в клубок на камне, гордясь собою». Как бы вы объяснили слова *гордо* и *гордясь собою*?

8. Какие чувства, мысли возникают у вас при первоначальном и повторном чтении «Песни о Соколе»? Можно ли эту «песню» назвать гимном храбрости? Что такое *гимн*?

Викторина

1. Какие произведения М. Горького вы читали?
2. Какие из них вам понравились? Кто их герои?
3. Горький — псевдоним писателя. Назовите его настоящую фамилию.
4. Как назывался и называется город, в котором родился писатель?
5. В каком произведении он рассказал о своём детстве?
6. Как звали деда и бабушку писателя?
7. Вспомните финал повести М. Горького «Детство». Какими словами дед напутствовал Алёшу, отправляя его «в люди»?
8. У каких двух русских писателей есть автобиографическая трилогия?
9. Кто из героев Горького:
разорвал руками себе грудь и вырвал из неё сердце, пылавшее «факелом великой любви к людям»;
перекрасил праздничную скатерть в синий цвет и был за это высечен «до потери сознания»;
учил маленького Алёшу Пешкова, как легче перенести розги?
10. Какой герой повести М. Горького «Детство» вызвал у вас:
сочувствие —
сострадание —
радость —
неприятие —
11. В каком городе прошло детство М. Горького и где есть музеи, посвящённые ему?

Самостоятельно найдите ответы на вопросы викторины, воспользовавшись справочной литературой и Интернетом.



**АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ
БЛОК**
1880—1921

«Никогда ни раньше, ни потом я не видел, чтобы от какого-нибудь человека так явственно, ощутимо и зримо исходил магнетизм».

«В ту пору далёкой юности поэзия Блока действовала на нас, как луна на лунатиков. Сладкозвучие его лирики часто бывало чрезмерно, и нам в ту пору казалось, что он не властен в своём даровании и слишком безвольно предаётся инерции звуков, которая сильнее его самого. В безвольном непротивлении звукам, в женственной покорности им и заключалось тогда очарование».

К. Чуковский

* * *

Анна Андреевна Ахматова, великий русский поэт, назвала Блока «трагическим тенором эпохи». Блок выразил в своей лирике чувства и думы русских людей на переломе эпох, когда весь мир на рубеже XIX—XX веков стал другим, когда великие научные открытия изменили представление о нашей земле и о людях, населяющих её, когда в хаосе ещё не познанных человеком стремлений рождались гуманные и античеловеческие идеи, которые вскоре столкнулись в двух самых жестоких и кровопролитных войнах. Разлом эпох прошёл через сердце Блока, и поэт осмыслил его в лирико-трагическом ключе. При этом Блок всегда жаждал света, любви и мучительно искал выход к высоким и одновременно простым ценностям жизни и бытия.

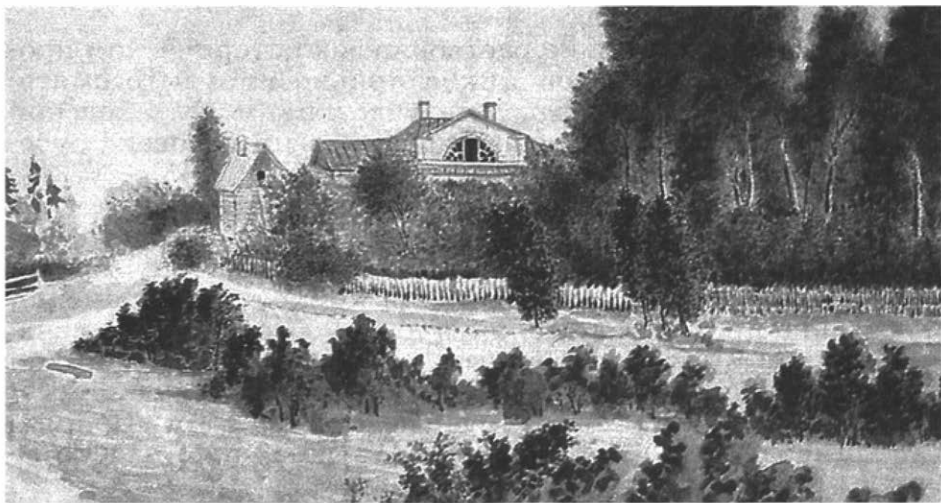
Первые стихи Блока заворожили читателей и слушателей. Он пел в них об очарованных далях, когда наступят такие времена, когда он, рыцарь Прекрасной Дамы, встретит свою земную и неземную возлюбленную и когда на всей огромной, но несчастливой Земле всем будет даровано нескончаемое счастье. Чувство неподдельной радости от грядущих перемен переполняло его:

Встану я в утро туманное,
Солнце ударит в лицо.
Ты ли, подруга желанная,
Всходишь ко мне на крыльцо?

Он легко брал в звуковой плен своих читателей, которые потом не могли вырваться из его словесных объятий:

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звёзд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Однако постепенно Блока охватило глубокое разочарование: на Земле ничего не менялось, а становилось всё тревожнее и страшнее. Где искать выход, откуда ждать спасения и обновления? Поэта увлекают соблазны, он кружится в снеговой вьюге, в снежной метели, которая слепит глаза и разум, скрывая истинную дорогу и открывая обманные пути. Так в лирику Блока входит большая сквозная тема истинной дороги, идея верного пути к свету и к чистоте. Это одновременно и его путь, и путь его Родины, с которой он хочет слиться, в которой хочет раствориться — в её природе, в её истории, в её народе. Путь к истине мыслится как путь к Родине. И личная человеческая задача состоит для Блока в том, чтобы освободиться от всего наносного, ложного, условного, чтобы во всей суровой трезвости предстала перед ним и Россией правда реальности, правда действительности. Это значит, что дорога трудна, что путнику встретятся и бездорожье, и распутья, как в народных сказ-



Шахматово. Дом А. А. Блока

ках, как в истории России. Но никакое просветление невозможно, если не окунёшься с головой в нищету, в обнажённую пустоту, если не будешь вместе с народом. В этом — выход, в этом — свет. И потому, как прежде с врагами на поле Куликовом, так и теперь идёт вечный бой — не только с внешними препятствиями, но и внутренними — с ложью, с пороками, унижающими и искажающими русскую душу. И тут оказывается, что «трагический тенор эпохи» больше всего устремлялся к свету, изнутри озаряющему его лик:

Простим угрюмство, — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

Прочитайте отрывок из статьи И. Подольской, выскажите свои впечатления. Согласны ли вы с автором статьи?

РОССИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Лирический герой цикла «Родина» соединяет три временных пласта, каждый из которых проходит через его сознание и тем самым обретает новое бытие. Л. Я. Гинзбург пишет о цикле «На поле Куликовом»:

«Исторические события, совершающиеся в стране поэта, совершаются и в душе поэта. Они становятся лирическими событиями»¹.

Однако, эмоционально растворяясь в историческом прошлом, лирический герой цикла привносит в него смятение и тревогу, ещё неведомые участникам Куликовской битвы, но уже неотделимые от психологии человека рубежа XIX—XX веков.

В этом цикле нет чувства победы, есть только вера в неё. Потому что Куликово поле для Блока и место, где произошло величайшее событие прошлого, и исторический символ, поднимающийся над конкретным временем и объёмлющий настоящее и будущее России. Отсюда сочетание точных, прикреплённых к определённому времени реалий («стрелой татарской древней воли», «ханской сабли сталь», «рокоты сечи и трубные крики татар», Непрядва, Мамай и т. д.) с обобщённым, выходящим далеко за

¹ Гинзбург Л. О лирике. — Л., 1974. — С. 292.

пределы исторического прошлого смыслом стихов цикла. Отсюда же безграничная протяжённость цикла, его временная незавершённость. Это реквием тем, кто погиб и ещё погибнет, отстаивая свободу и независимость России.

Соответствует этому смыслу и поэтика цикла. В первом же стихотворении незыблемое спокойствие природы и смятение человеческой души, предчувствующей грядущие битвы, образуют подчёркнуто резкий контраст. Спокойный, неторопливый ритм первой строфы с редкими ударными слогами сменяется напряжённым, словно пульсирующим ритмом последующих строф. Настойчивые повторения одинаковых глаголов («Летит, летит степная кобылица...», «Идут, идут испуганные тучи...») придают стихотворению необычайную динамичность. Чувство движения ещё более обострено тем, что «степная кобылица» не только «летит», но и «мнёт ковыль» на своём пути. А путь этот кажется бесконечным потому, что «мелькают вёрсты, кручи...». И становится как-то особенно ясно, что за ними несутся годы и столетия, погибают одни и рождаются другие («Я — не первый воин, не последний...»). Остаётся же вечное и неизменное — Россия, тот образ её, который создан в первом стихотворении цикла:

Река раскинулась. Течёт, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной жёлтого обрыва
В степи грустят стога.

Стихотворение «Россия» Блок поместил сразу же вслед за циклом «На поле Куликовом».

В цикле «На поле Куликовом» слово «опять» возвращает нас к гнетущим предчувствиям — «вековой тоске», «расточившейся мгле», крикам лебедей, предвещающим беду. Во всём этом нет и тени ощущения близкой победы, потому что для самого Блока эта битва длится в веках и злое, тёмное ещё не побеждено, не изжито Россией. Отсюда строки, где скрещивается прошлое и настоящее, а отчасти и будущее:

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.

*(«Мы, сам-друг, над степью
в полночь стали...»)*

Между этим циклом и следующим за ним стихотворением — контраст тени и света. Словно очистительная сила испытаний, невзгод, страданий преображает созданный в нём образ России, который наделён «вечными» чертами,

искони ей присущими, — их не могут уничтожить ни мертвящее иго, ни иные беды, уже минувшие и ещё ждущие её впереди:

А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

(«Россия»)

Отсюда и иной смысл слова «опять» (см. первую строку стихотворения), отсылающего читателя к патриархальным «золотым годам» с их неизменными многовековыми признаками: «стёртыми шлеями», «рописными спицами», «расхлябанными колеями» дорог, «серыми избами» и т. д. Во всём этом — раз и навсегда установленный и неизменный порядок вещей. А вместе с тем в этой незыблемой надёжности — предчувствие возможного обновления: «И невозможное возможно...»

В письмах, дневниках, записных книжках Блок постоянно высказывает мысль о будущем, сокрушаясь о том, что она вытесняется из сознания настоящим с его мелочными заботами — суетой жизни: «Во всех нас очень много настоящего и лишь *одна* капля будущего»¹. Блок чувствует огромную ответственность за будущее, угадывая в событиях современности их отдалённые, порой роковые последствия.

Характер чувства к России, её восприятие менялись, но любовь к ней Блок пронёс через всю жизнь. Она спасала его в страшные («глухие») годы, когда иссякали надежда и вера в будущее, спасала от внутреннего мрака и отчаяния, была «путеводительным маяком», освещающая дорогу и побуждая выполнять долг поэта. Поэтому в стихотворении «Последнее напутствие» (1914), одном из самых трагических у Блока, — стихотворении о смерти и безысходности существования — поэт говорит о том единственном, что выводит из «постылого» «круга бытия», проливает в душу мир и покой. Это «единственное» — Россия:

...ещё леса, поляны,
И просёлки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

¹ Блок А. Записные книжки. — М., 1965. — С. 131.



Петербург. Кабинет А. А. Блока

● *Поразмыслиаем над прочитанным*

1. Согласны ли вы с тем, что лирический герой привносит в цикл тревогу и смятение, неведомые участникам Куликовской битвы?
2. Чувствуете ли вы контраст тени и света в цикле и стихотворении «Россия»?
3. С чем, по мнению автора статьи, связана мысль Блока о будущем?



СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

1895—1925

Прочитайте выдержки из статьи исследователя творчества С. А. Есенина Ю. Прокушева «Поэзия Есенина в наши дни», опубликованной в 1963 году. Подумайте, какие стороны есенинской поэзии привели поэта к изображению пугачёвского бунта и характера бунтаря из народа.

ПОЭЗИЯ ЕСЕНИНА В НАШИ ДНИ

От чудесных стихов о стране берёзового ситца, шири степных раздолий, сини озёр, шуме зелёных дубров до тревожных, трагедийных раздумий поэта о судьбах России в суровые, грозные годы каждый есенинский образ, каждая есенинская строка согреты чувством безграничной любви к Родине. Поистине давно стали крылатыми есенинские строки:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в Раю!»
Я скажу: «Не надо Рая,
Дайте родину мою».

* * *

К вершинам поэзии Сергей Есенин поднялся из глубин народной жизни. Рязанская земля, «где мужики косили, где сеяли свой хлеб», стала его страной детства. Здесь впервые увидел Есенин, как ломаются берёзы, отражаясь в пруду, как играет солнечный зайчик в бороде старого деда, убирающего ток, как тоскуют тощие поля...

Ему было пятнадцать лет, когда он написал стихи:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленёночек маленький матки
Зелёное вымя сосёт.

Однажды на деревенской улице он показал стихи товарищу. «Совершенно неожиданно для меня, — вспоминает последний, — стихов у него оказалось довольно много».

Кто мог тогда представить, глядя на деревенского паренька в нахлобученной на лоб кепке, что пройдёт несколько лет и он станет поэтическим сердцем России...

В сердце это с юных лет запали ветровые слёзы России, её грустные и раздольные песни, светлая печаль и молодецкая удаля, бунтарский разинский дух и кандалный сибирский звон, церковный благовест и умиротворённая сельская тишина, весёлый девичий смех и горе седых матерей.

Вспомним стихи: «Край любимый! Сердцу снятся...», «Гой ты, Русь, моя родная...», «В том краю, где жёлтая крапива...», «Пасхальный благовест» и др.

Вспомним написанную девятнадцатилетним поэтом «Русь». Вот фрагменты из этого стихотворения:

1

Потонула деревня в ухабинах.
Заслонили избёнки леса,
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса...

3

Понакаркали чёрные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озёр...

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину...

Изредка, неожиданно-негаданно, приходили в деревню солдатские весточки:

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом.
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождём.

Всей душой, всем сердцем поэт с народом: и в короткие радостные мгновения, и в долгие годы горя и печали:

Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей...

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу...

Поджиданье седых матерей... О многом заставляет нас и сегодня задуматься, многое пережить как бы заново рассказ поэта о прошлых военных бедах на Русской земле.

Стихотворение «Русь» — знаменательная веха во всём дооктябрьском творчестве Есенина. В нём зазвучали, слились в единую поэтическую симфонию о Родине и нежные мелодии таких чудесных лирических этюдов, как «С добрым утром!», «Еду. Тихо. Слышны звоны...», и звонкие, задорные ритмы таких стихов, как «Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...», и грустные раздумья о крестьянской доле в таких стихотворениях, как «Чёрная, потом пропахшая выть...» и «Заглушила засуха засевок...».

Образ Родины в «Руси», как это порой случалось в ранних стихах поэта, не застит ни библейская символика, ни церковная лексика; далёк он здесь и от безоблачной идиллии некоторых своих юношеских стихов. Нет здесь и тени ученического подражания.

В «Руси» отчётливо слышен свой поэтический голос, своя песнь о Родине. И вместе с тем песнь эта как бы продолжает проникновенную кольцовскую песнь о Русской земле; по настроению «Русь» чем-то созвучна пушкинской «Деревне» и перекликается с блоковскими скорбными раздумьями о Родине:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви!



Константиново Рязанской области. Дом С. А. Есенина

И едва ли не более всего она заставляет нас вспомнить строки знаменитой некрасовской песни «Русь».

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная —
Матушка-Русь!..

И хотя в «Руси» Есенина слышится больше скорбный голос некрасовской «музы печали», чем «музы мести», народного гнева, нельзя не увидеть, не почувствовать главного — в основе своей это произведение, написанное кровью сердца, близко по духу поэзии Некрасова.

Ю. Прокушев

• *Поразмыслиаем над прочитанным*

Обратим внимание на мысль литературоведа Ю. Прокушева о том, как поэт вновь и вновь возвращается к разговору о старой Руси, как настойчиво звучат скорбные ноты в раздумьях о Родине. Может быть, это привело его к созданию пронзительного произведения о Пугачёве?

ПУШКИН И ЕСЕНИН О ПУГАЧЁВЕ

«Однажды Есенин сказал мне:

— Сейчас я заканчиваю трагедию в стихах. Будет называться „Пугачёв“.

— А как вы относитесь к пушкинской „Капитанской дочке“ и к его „Истории“?

— У Пушкина сочинена любовная интрига и не всегда хорошо прилажена к исторической части. У меня же совсем не будет любовной интриги. Разве она так необходима? Умел же без неё обходиться Гоголь.

И потом, немного помолчав, прибавил:

— В моей трагедии вообще нет ни одной бабы. Они тут совсем не нужны: пугачёвщина — не бабий бунт. Ни одной женской роли. Около пятнадцати мужских (не считая толпы) и ни одной женской. Не знаю, бывали ли когда такие трагедии.

Я ответил, что тоже таких не припоминаю.

— Я несколько лет, — продолжал Есенин, — изучал материалы и убедился, что Пушкин во многом был не прав. Я не говорю уже о том, что у него была своя, дворян-

ская, точка зрения. И в повести, и в истории. Например, у него найдём очень мало имён бунтовщиков, но очень много имён усмирителей или тех, кто погиб от рук пугачёвцев. Я очень, очень много прочёл для своей трагедии и нахожу, что многое Пушкин изобразил просто неверно. Прежде всего сам Пугачёв. Ведь он был почти гениальным человеком, да и многие из его сподвижников были людьми крупными, яркими фигурами, а у Пушкина это как-то пропало. Ещё есть одна особенность в моей трагедии. Кроме Пугачёва, никто почти в трагедии не повторяется: в каждой сцене новые лица. Это придаёт больше движения и выдвигает основную роль Пугачёва».

*Из воспоминаний
о С. Есенине профессора И. Розанова*

Обратимся к художественным текстам «Капитанской дочки» А. С. Пушкина и «Пугачёва» С. А. Есенина, чтобы выяснить, в чём же разница между «дворянской» точкой зрения на героя-бунтаря и «крестьянской».

У Пушкина Пугачёв перед нами предстаёт как бродяга, вызывающий сочувствие у главного героя повести, молодого дворянина, который жалуется ему заячий тулуп со своего плеча. Затем герои меняются ролями. Жаловать и благословлять, казнить и миловать — эта роль отводится тому, кто недавно бедствовал.

В такой перемене — диалектическое восприятие жизни. Отношение Пушкина к Пугачёву так же неоднозначно. Это хорошо проявляется уже в первой сцене встречи с вожатым. Пугачёв возникает из «мутного кружения метели» (как и у Есенина, образ бунтаря связан с непогодой) как нечто, что «чернеется... или волк или человек». На протяжении всей повести Пушкин и раскрывает нам две сущности этой исторической личности. Пугачёв жестокий и великодушный, плутоватый и благородный, многих губит, но помогает воссоединиться двум любящим людям.

Как реалист поэт не мог не показать жестокость бунта и представляет кровавые сцены расправы в Белогорской крепости. Мановение белого платка в руках владыки — и человек лишён жизни, вздёрнут на перекладине. Так ярко жестокость Пугачёва, пожалуй, и представлена только этими тремя смертями.

Бунтарь Пушкина не лишён обаяния. Расположение Пугачёва к Гринёву и милость к нему показаны как искра человеческого в бунтаре. «Долг платежом красен», — говорит Емельян. Но милость показана и как осознание своей власти, величия: «Казнить так казнить, миловать так миловать». Пушкин не случайно делает акцент на тщесла-

вии Пугачёва, на его стремлении властвовать. Потому такое значение у Пушкина имеют кафтан красного цвета на герое-бунтаре, стены, оклеенные золотой бумагой, где восседает не просто предводитель восстания, а император, государь, которому кланяются в ноги и целуют руку.

Очень скупо Пушкин пишет о социальных причинах восстания. Возмущения «полудиких народов» объясняет «непривычкой к законам и гражданской жизни, легкомыслием и жестокостью», мятеж яицких казаков — «строгими мерами, предпринятыми генерал-майором Траубенбергом». Пушкину приходилось писать с оглядкой на цензурно-политические требования. Может быть, из тактических соображений Пугачёв у него далеко не борец за справедливость и рачитель за народ русский. Как бы то ни было, есенинский упрёк в определённой степени справедлив.

При всём своём сочувствии к предводителю-бунтовщику отношение к бунту Пушкин выразил единой фразой: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Поэт не героизирует своего Пугачёва, почему повесть и называется «Капитанская дочка», истинный героизм и величие души проявляет Марья Ивановна. Она оказывается втянутой в кровавые события и между тем как бы находится над этими событиями. Если Гринёв обременён присягой и долгом, Пугачёв — мстью и властью, и потому оба вынуждены переступить через христианское «не убий», то капитанская дочка отягощена лишь любовью. В названии Пушкиным ясно выражена его позиция: он не разделяет правоту ни одной из двух противоборствующих сторон.

«Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» — к такому выводу вслед за Гринёвым приходит Пушкин.

Как же мог на Пугачёва смотреть русский поэт крестьянского происхождения? Как несогласие Есенина с Пушкиным воплотилось в художественном тексте его трагедии? Какую корректуру (поправку) в образ бунтаря вносит XX век, с его революционным взрывом и взлётом на высоту героического идеала таких фигур, как Пугачёв? Есенин, так же как Пушкин, показывает звериное в Пугачёве. «Я учил в себе разуму зверя», — говорит Емельян накануне мятежа Караваеву. «Вы бесстрашны, как хищные звери», — обращается он к повстанцам. Зверство человеческое, подчёркивает Есенин, имеет преимущество перед звериным. Оно — в мести, т. е. в зверстве, чётко целенаправленном, продуманном.

Только весь я до самого пупа —
Местью вскормленный бунтовщик.

(*Хлопуша, II, 177*)

Звериное в натуре Пугачёва не умаляет масштаба этой фигуры. В Емельяне Есенин представляет такие черты русского человека, как мятежность, неукротимость духа, ту сторону национального характера, с которой нельзя не считаться. Образ Пугачёва у Есенина не теряет своего величия и человечности, несмотря на такую перегрузку трагической образности.

Какие выводы можно сделать? Пушкин в своём прозаическом произведении пытается быть как можно объективнее. У Есенина в поэтическом тексте объективность — в эмоциональной насыщенности. Есенин так же, как Пушкин, даёт многогранный образ Пугачёва, подчёркивая в нём звериное и человеческое. Но Пушкин делает больший акцент на человеческом, а Есенин — на зверином.

Для Пушкина государственный суд выступает как общечеловеческий. Смерть Пугачёва прозаична в своей закономерности и героична в своей закономерности. Есенин подвергает своего Пугачёва суду более страшному — суду товарищей. Потому так пронзительно трагичны последние слова Емельяна. Это тоже суд общечеловеческий. У Есенина расплачиваются и те, кто плохо правил, и те, кто мстил. У Пушкина расплачиваются ни в чём не повинные люди, простые, трогательные, обаятельные, вынужденные выполнять свой долг. В этом бессмысленность восстания.

Есенин живёт в другое время. Для Пушкина — это история, хотя и недавняя. Для Есенина — реальность, только что свершившаяся, лучше сказать — сбывшаяся, только ещё более кровавая и масштабная. Трагическое мироощущение — это и есть то новое, что вносит XX век.

Нужно отметить, что Пушкин писал повесть во времена обострения социально-политической обстановки в стране. Известны его письма П. А. Осиповой-Пушкиной о холерной эпидемии и всплеске крестьянской ненависти, Вяземскому, где перечисляются ужасы, сопровождающие народные возмущения.

К теме бунта русские поэты обращаются в непростые для России времена. Наверное, в этом есть своя закономерность. Однако Пушкин-художник показал только четыре смерти. Какой контраст по сравнению с письмами, по сравнению с «Историей пугачёвского бунта»! «Как Пугачёвым „Капитанской дочки“ нельзя не зачароваться — так Пугачёвым пугачёвского бунта нельзя не отвратить»

ся», — замечает Марина Цветаева о неоднозначном отношении поэта к бунтарю.

Ни в коем случае не берёмся сопоставлять произведения двух поэтов по художественным достоинствам. Они являют собой вершины русской литературы. При всей разности восприятия восстания и бунтаря поэтами двух разных веков они схожи в одном. И Пушкин, и Есенин поднимаются выше воззрений своей сферы, своего времени.

Надо быть Пушкининым, чтобы открыть в простом народе, в том же бунтаре великодушие и благородство. Хотя Есенин это и называет дворянской точкой зрения. Притом что Пугачёв в восприятии большинства дворянской среды мог быть не больше, чем нравственное чудовище.

Надо быть Есениным, чтобы, при всей своей любви ко всему русскому, не пройти мимо теневой стороны русской души.

*Из статьи Н. М. Кузьмищевой
«Восстание Пугачёва в восприятии Пушкина и Есенина»*

● Вопросы и задания

1. Прочитайте драматическую поэму С. Есенина «Пугачёв» полностью.
2. Вы, вероятно, почувствовали, что и звучание стиха, и цветовая гамма «Пугачёва» напряжённее, трагичнее уже знакомых вам лирических стихотворений поэта. Как вы думаете, почему?
3. Обратите внимание на сквозные образы луны и осени в драматической поэме. Как вы думаете, каково художественное содержание этих образов? Постоянно оно или меняется на протяжении поэмы?
4. Как сам Есенин определял необычность замысла своего произведения? Удалось ли ему воплотить этот замысел?
5. В «Капитанской дочке» в большей степени показан лагерь усмирителей, а в «Пугачёве» — лагерь бунтовщиков. Как вы считаете, почему?
6. Согласны ли вы с выводами литературоведа Н. М. Кузьмищевой, сопоставившей произведения А. С. Пушкина и С. А. Есенина? Если нет, подготовьте письменно свои возражения, подтверждая цитатами из текста «Капитанской дочки» А. С. Пушкина и «Пугачёва» С. А. Есенина.

Викторина

1. На берегу какой реки родился Сергей Есенин?
2. Как говорил поэт о себе — «У меня отец крестьянин, Ну а я...»?
3. «Моя лирика жива одной любовью...». Какой?
4. Знаете ли вы есенинские афоризмы?
5. Вспомните «назывные» есенинские зачины.
6. Побывал ли Есенин в Персии? Какие стихотворения поэта говорят об этом?
7. «Отговорила роща золотая... языком». Каким языком?

Ответы на вопросы викторины

1. На берегу Оки, в селе Константинове.
2. «...крестьянский сын».
3. «...к родине».
4. «Большое видится на расстоянии», «Так много сделано ошибок», «Значит, удача мчалась мимо...» и др.
5. «Синий май...», «Мелколесье...», «Снежная равнина», «Свет вечерний», «Мир таинственный» и др.
6. В Персии Есенин не был; стихотворения цикла «Персидские мотивы» (одно из них — «Шаганэ ты моя, Шаганэ...») были написаны на Кавказе.
7. «...берёзовым весёлым языком».

ПИСАТЕЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ТЕМА ОСТАВЛЕННОЙ РОДИНЫ

ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА

ГИППИУС

1869—1945



З. Н. Гиппиус — русская писательница. С 1920 года — в эмиграции, автор сборников стихотворений («Собранные стихов», «Последние стихи»), сборников рассказов («Новые люди», «Алый меч», «Чёрное по белому», «Лунные муравьи»), романов («Победители», «Чёртова кукла»), пьес и пр.

«Что касается меня — то не говорю уже о том, что в России я фактически последние годы была лишена всякой возможности какой-нибудь работы — здесь, в Париже, делать совершенно нечего... Эмигранты — одичалые единицы или замкнутые старые кружки... Остаётся одно: уйти каждому в себя, в собственную личную работу. Так люди по возможности и делают. Так ушёл и Дмитрий Сергеевич¹, так пытаюсь делать и я, хотя с непривычки очень трудно писать с сознанием, что это для себя и только».

*Из письма З. Н. Гиппиус Н. А. Бердяеву²
20 февраля 1923 года*

НАД ЗАБВЕНИЕМ

Я весь, и сердцем и телом,
Тебя позабыл давно.
Как будто в доме опустелом
Закрылось твоё окно.

И вот этот звук случайный,
Который я тоже забыл,
По связи с какой-то тайной
Меня во мне изменил.

¹ *Дмитрий Сергеевич* — Д. С. Мережковский (1865—1941), русский писатель, муж З. Н. Гиппиус.

² *Н. А. Бердяев* — русский философ.

Душу оставил всё тою,
Уму не сказал ничего,
Лишь острою теплотою
Наполнил меня всего.

Не память, — но воскресенье,
Мгновений обратный лёт...
Так бывшее — над забвеньем
Своею жизнью живёт...

• Вопросы и задание

1. Как выражает З. Н. Гиппиус категоричное суждение по отношению к своей жизни и к жизни России? В чём смысл её позиции?
2. Каким чувством пронизано стихотворение «Над забвением»? Как пробивается «звук случайный» и что он приносит лирическому герою?
3. Перечитайте последнюю строфу стихотворения. Как вы думаете, почему оба предложения, из которых состоит строфа, заканчиваются отточиями (...)?



ТЭФФИ

1872—1952

Тэффи — псевдоним Лóхвицкой Надежды Александровны, русской писательницы, принадлежавшей к родовой дворянской семье. Её прадед писал стихи, отец — адвокат, автор многих научных трудов, мать любила поэзию, сестра — поэтесса.

Надежда Александровна любила читать произведения Л. Н. Толстого, впоследствии в рассказе «Мой первый Толстой» поведала, что ездила к нему в Хамовники с просьбой не убивать Болконского (одного из героев романа «Война и мир»), но не решилась сказать об этом и попросила автограф.

Её злободневные рассказы, фельетоны сразу понравились публике. Однако слава пришла к ней, когда был опубликован сборник «Юмористические рассказы».

Тэффи сотрудничала в популярной газете «Русское слово», в журнале «Новый Сатирик», о котором вы уже читали в учебнике для 8 класса. Одобрив Февральскую, она не приняла Октябрьскую революцию, кровопролитие, вражду между людьми. И с 1919 года Тэффи оказалась в эмиграции.

Исследователи её творчества говорят, что в отличие от юмора Аверченко и Саши Чёрного «юмор Тэффи добродушен в высоком смысле этого слова».

По словам писательницы, некоторые читатели обращались к ней с вопросом: «Как вы можете смеяться в тот момент, когда наша родина страдает?» Другие говорили: «Зачем вы берёте такие печальные темы, когда и без того так грустно, так тяжело живётся!» Сама писательница говорила: «Анекдоты смешны, когда их рассказывают. А когда их переживают, это трагедия. И моя жизнь на чужбине — это сплошная беда».

В годы Второй мировой войны она не сотрудничала с оккупационными властями, жила в голоде и холоде. Умирала Тэффи от неизлечимой болезни, не имея никаких средств к существованию, похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

НОСТАЛЬГИЯ

Пыль Москвы на ленте старой шляпы
Я как символ свято берегу...

Лоло¹

Вчера друг мой был какой-то тихий, всё думал о чём-то, а потом усмехнулся и сказал:

— Боюсь, что к довершению всего у меня ещё начнётся ностальгия.

Я знаю, что значит, когда люди, смеясь, говорят о большом горе. Это значит, что они плачут.

Не надо бояться. То, чего вы боитесь, уже пришло.

Я видела признаки этой болезни и вижу их всё чаще и чаще.

Приезжают наши беженцы, измождённые, почерневшие от голода и страха, отъедаются, успокаиваются, осматриваются, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснут.

Тускнеют глаза, опускаются вялые руки, и вянет душа — душа, обращённая на восток.

¹ *Лоло Л. Г.* — поэт, сатирик, критик, журналист, театральный деятель.

Ни во что не верим, ничего не ждём, ничего не хотим.
Умерли.

Боялись смерти большевистской — и умерли смертью
здесь.

Вот мы — смертью смерть поправшие.

Думаем только о том, что теперь *там*. Интересуемся
только тем, что приходит *оттуда*.

А ведь здесь столько дела. Спасаться нужно и спасать
других. Но так мало осталось и воли и силы...

* * *

— Скажите, ведь леса-то всё-таки остались? Ведь не
могли же они леса вырубить: и некому, и нечем.

Остались леса. И трава, зелёная-зелёная, русская.

Конечно, и здесь есть трава. И очень даже хорошая. Но
ведь это ихняя l'herbe¹, а не наша травка-муравка.

И деревья у них, может быть, очень даже хороши, да
чужие, по-русски не понимают.

У нас каждая баба знает — если горе большое и надо
попричитать — иди в лес, обними берёзоньку, крепко,
двумя руками, грудью прижмись, и качайся вместе с нею,
и голоси голосом, словами, слезами изойди вся вместе
с нею, с белою, со своею, с русской берёзонькой!

А попробуйте здесь:

— Allons au Bois de Boulogne embrasser le bouleau!²

Переведите русскую душу на французский язык... Что?
Веселее стало?

Помню, в начале революции, когда стали приезжать
наши эмигранты, один из будущих большевиков, давно не
бывший в России, долго смотрел на маленькую пригород-
ную речонку, как бежит она, перепрыгивая с камушка на
камушек, струйками играет, простая, бедная и весёлая.
Смотрел он, и вдруг лицо у него стало глупое и счастливое:

— Наша речка, русская.

Ффью! Вот тебе и Третий интернационал!

Как тепло!

Ведь, пожалуй, скоро и *там* сирень зацветёт.

* * *

У знакомых старая нянька. Из Москвы вывезена. Плав-
на, самая настоящая — толстая, сердитая, новых поряд-
ков не любит, старые блюдет, умеет ватрушку печь и весь
дом в страхе держит.

¹ Трава (франц.).

² Пойдёмте в Булонский лес обнять берёзу! (франц.).

Вечером, когда дети улягутся и уснут, идёт нянька на кухню.

Там француженка кухарка готовит поздний французский обед.

— *Asseuez-vous*¹, — подставляет она табуретку.

Нянька не садится.

— Не к чему, ноги ещё, слава Богу, держат.

Стоит у двери, смотрит строго.

— А вот скажи ты мне, отчего у вас благовесту не слышно? Церкви есть, а благовесту не слышно. Небось молчишь! Молчать всякий может, молчать очень даже легко. А за свою веру, милая моя, каждый обязан вину нести и ответ держать. Вот что!

— Я в суп кладу селлери² и зелёный горошек, — любезно отвечает кухарка.

— Вот то-то и оно... Как же ты к заутрене попадёшь без благовесту? То-то, я смотрю, у вас и не ходят. Грех осуждать, а не осудить нельзя... А почему у вас собак нет? Этаким город большой, а собак — раз-два, да и обчёлся. И то самые морёные, хвосты дрожат.

— Четыре франка кило, — возражает кухарка.

— Теперь, вон у вас землянику продают. Разве можно это в апреле месяце? У нас-то теперь благодать — клюкву бабы на базар вынесли, первую, подснежную. Её и в чай хорошо. А ты что? Ты, пожалуй, и киселя-то никогда не пробовала!

— *Le président de la republique*?³ — удивляется кухарка.

Нянька долго стоит у дверей у притолоки. Долго рассказывает о лесах, полях, о монашенках, о солёных грузах, о чёрных тараканах, о крестном ходе с водосвятием, чтобы дождик был, зерно напоил.

Наговорится, напечалится, съёжится, будто меньше станет, и пойдёт в детскую, к ночным думкам, к старушьям снам — всё о том же.

* * *

Приехал с юга России аптекарь. Говорит, что ровно через два месяца большевизму конец.

Слушают аптекаря. И бледные, обращённые на восток души чуть розовеют.

— Ну, конечно, через два месяца. Неужели же дольше? Ведь этого же не может быть!

¹ Садитесь (*франц.*).

² *Селлері* — сельдерей.

³ Президент республики? (*франц.*).

Привыкла к «пределам» человеческая душа и верит, что у страдания есть предел.

Раненый умирал в страшных мучениях, всё возраставших. И никогда не забуду, как повторял он всё одно и то же, словно изумляясь:

— Что же это? Ведь этого же *не может быть!*
Может.

• Вопросы

1. Каким настроением пронизан рассказ Тэффи «Ностальгия»? Что означает слово *ностальгия*? Знакомо ли вам чувство ностальгии?
2. Что происходило с жизнью первой волны эмигрантов из России¹?
3. Как вы понимаете рассуждение автора о берёзке и фразу «Переведите русскую душу на французский язык...»? Что хотела сказать Тэффи своему читателю?
4. Почему не понимали друг друга нянька и кухарка француженка? О чём печалилась нянька?
5. В чём смысл «утверждения» аптекаря и раненого и в чём смысл историй, рассказанных Тэффи?



ДОН-АМИНАДО

1888—1957

Дон-Аминадо — псевдоним Аминада Петровича Шполянского — поэта-фельетониста. Его стихи регулярно появлялись в «Последних новостях»² и пользовались большим успехом. Он автор нескольких поэтических сборников и мемуарной книги «Поезд на третьем пути».

М. Горький, И. А. Бунин считали Дон-Аминадо одним из самых выдающихся русских юмористов.

¹ В начале двадцатых годов по решению советского правительства и самостоятельно за границу выехала большая группа русской интеллигенции — писатели, философы, деятели искусства.

² Влиятельная газета русских эмигрантов, выходившая в Париже.

Дон-Аминадо родился в Херсонской губернии. После окончания гимназии поступил в Новороссийский университет, затем перевёлся в Киевский университет. Получив диплом, отправился в Москву, где целиком посвятил себя литературе, вскоре стал постоянным сотрудником московской газеты «Раннее утро». Война 1914 года. Мобилизация. Фронт. Вскоре после Октябрьской революции эмигрировал во Францию и поселился в Париже, там стал постоянным сотрудником газеты «Последние новости».

Судьба эмиграции первой волны (после революции 1917 года) представлялась ему несчастной и безысходной:

Жили. Были. Ели. Пили.
Воду в ступе толкли.
Вкруг да около ходили,
Мимо главного прошли.

Марина Цветаева писала Дон-Аминадо:

«*Вся ваша поэзия — самосуд эмиграции над собой*» (Новый мир. — 1969. — № 4).

Эмиграция столкнулась с тем неоспоримым фактом, что она обречена жить в изгнании и что её судьба оторвалась от судьбы России. Постепенно зреющая эмигрантская мысль начинает выходить из тупика. В Париже русская колония устраивала литературные, философские, исторические диспуты, литературные вечера, лекции, издавались сочинения классиков. Дон-Аминадо устраивал собственные вечера, на которые собирался цвет русской юмористики, французские авторы, известные ансамбли, театральные коллективы, его часто приглашали в качестве распорядителя праздников. Дон-Аминадо сразу принял новую судьбу, хотя его герой не мог и не желал с ней смириться. Поэт призывает его признать суровую реальность.

В «Стихах о бедности» он обращается к возлюбленной:

Не упорствуй, мой маленький друг,
И не гневайся гневом султанши.
Мы с тобой не поедим на юг.
Мы не будем купаться в Ла-Манше.

Я тебя так же нежно люблю,
Все капризы готов исполнять я,
Но, увы, я тебе не куплю
Кружевного брюссельского платья.

Дон-Аминадо убеждает своих читателей, что жизнь сама по себе прекрасна и самоценна. Постепенно в его лирике усиливаются оптимистические интонации, а сатира

уступает место незлобивому юмору. У Дон-Аминадо нашлись новые слова, полные бодрости и мужества:

Значит, нечего тужить.
Будем ждать и будем жить.

И пусть конечный удел «двух песчинок бытия» грустен и безрадостен, он не отменяет чувство жизни, а обостряет его... Дон-Аминадо был современником Блока, Бунина, Ахматовой, Цветаевой. По его сердцу прошла линия разрыва, разделившая русскую культуру. Следствием его стала почти полная неизвестность на родине произведений даровитого поэта, в которых трагедия русских людей в эмиграции предстала в зорком и своеобразном освещении. Сейчас возвращается часть его литературного наследия. Этим подтверждаются слова И. А. Бунина:

«Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах), и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту, — художественному, а не только газетному, злободневному».

В. Коровин

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой мальчик,
спи, мой чиж.

Саша Чёрный

Спи, Данилка. Спи, мой чиж.
Вот и мы с тобой в Париж,
Чтоб не думали о нас,
Прикатили в добрый час.

Тут мы можем жить и ждать,
Не бояться, не дрожать.
Здесь — и добрая Sainte Vierge¹,
И консьержка и консьерж,
И жандарм с большим хвостом,
И республика притом.

Это, братец, не Москва,
Где на улицах трава.
Здесь асфальт, а в нём газон,
И на всё есть свой резон.

¹ Sainte Vierge — Святая Дева (франц.).

Вишь, как в самое нутро
Ловко всажено метро,
Мчится, лязгает, грызёт,
И бастует — и везёт.

Значит, нечего тужить.
Будем ждать и будем жить.
Только чем?! Ну что ж, мой ч.
Ведь на то он и Париж,
Город-светоч, город-свет.
Есть тут русский комитет.
А при нём бюро труда.
Мы пойдём с тобой туда
И заявим: «Я и чиж
Переехали в Париж.
Он и я желаем есть.
Что у вас в Париже есть?!»

Ну, запишут, как и что.
Я продам своё пальто
И куплю тебе банан,
Саблю, хлыст и барабан.
День пройдёт. И два. И пять.
Будем жить и будем ждать.

Будем жаловаться вслух,
Что сильнее плоть, чем дух,
Что до Бога высоко,
Что Россия далеко,
Что Данилка и что я —
Две песчинки бытия
И что скоро где-нибудь
Нас положат отдохнуть
Не на час, а навсегда,
И за счёт бюро труда.
«Здесь лежат отец и чиж»,
И напишут: «Знай, Париж!
Неразлучные друзья,
Две песчинки бытия,
Две пылинки, две слезы,
Две дождевики злой грозы,
Прошумевшей над землёй,
Тоже бедной, тоже злой».

УЕЗДНАЯ СИРЕНЬ

Как рассказать минувшую весну,
Забытую, далёкую, иную,
Твоё лицо, прильнувшее к окну,
И жизнь свою, и молодость былую?

Была весна, которой не вернуть...
Коричневые, голые деревья.
И полых вод особенная муть,
И радость птиц, меняющих кочевья.

Апрельский холод. Серость. Облака.
И ком земли, из-под копыт летящий.
И этот тёмный глаз коренника,
Испуганный, и влажный, и косящий.

О, помню, помню!.. Рявкнул паровоз.
Запахло мятой, копотью и дымом.
Тем запахом, волнующим до слёз,
Единственным, родным, неповторимым,

Той свежестью набухшего зерна
И пыльною уездною сиренью,
Которой пахнет русская весна,
Приученная к позднему цветенью.

• Вопросы и задания

1. Вы прочитали ещё два произведения Дон-Аминадо. «Колыбельная» — это песенка поэта-эмигранта, обращение к своему сыну. Вы читали народные песни, частушки. Вспомните о них. В «Колыбельной» Дон-Аминадо мы видим повторы, характерные для любых песен, и для народных в том числе, и очень простые, теперь сравнительно редко употребляемые слова (*прикатали, тужить*). Как вы думаете, почему именно форму колыбельной песни выбирает поэт для выражения своих переживаний?
2. Как вы понимаете повторяющиеся выражения:
Будем ждать и будем жить... / Две песчинки бытия, / Две пылинки, две слезы, / Две дождевики злой грозы...?
3. Каким настроением овеяна песня и передалось ли это настроение вам? В чём смысл этой песни?
4. Перечитайте стихотворение «Уездная сирень». Подумайте, с каким произведением Тэффи перекликается оно. Как описание весны помогает создать картины знакомых примет, всколыхнуть воспоминания, «возвратить» память?

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971



А. Т. Твардовский — поэт, автор стихотворений и поэм, редактор журнала «Новый мир».

Произведения Твардовского рассказывали читателям о крупнейших событиях XX столетия — о коллективизации, Великой Отечественной войне и о послевоенном времени.

«Нельзя понять и оценить поэзию Твардовского, не почувствовав, в какой мере вся она, до самых своих глубин, лирична. И вместе с тем она широко, настежь открыта окружающему миру и всему, чем этот мир богат, — чувствам, мыслям, природе, быту, политике.

Такое сочетание большого охвата жизни с лирической глубиной идёт, быть может, ещё от народной поэзии, от тех старинных песен и дум, которые как бы размышляли вслух на дорогах, базарах и ярмарках о временах давно минувших и недавних, о жизни, о любви, о человеческих судьбах...

Твардовский всегда был поэтом современности. Он писал о событиях в те дни, когда они совершались, не пользуясь преимуществами, какие бывают у людей, которые смотрят событиям вслед. Но зато у него есть своё преимущество — возможность передать современникам и сохранить для будущего весь жар и энергию своего времени».

С. Я. Маршак. Воспитание словом

* * *

Прочитайте выдержки из статьи А. Абрамова «Ради жизни на земле». Продолжите его размышления на материале поэмы А. Т. Твардовского «Василий Тёркин».

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

«Василий Тёркин» — поэма, с которой советские солдаты дрались и побеждали фашизм в Великой Отечественной войне...

Хочется спросить: а разве не метафора весь образ Тёркина, весь его путь, все его встречи? Разве это не сама жизнь, не её сила, не её красота, не её нестигаемость перед любыми невзгодами? Разве это не свет, вставший на пути мрака? И разве с самого начала книги не лежит на всём тёркинском ответе завтрашней Победы? И следовательно, разве не пророчество — вся книга в целом? В годы войны пророчеством были её главы, а сейчас вся она, книга о человеке-народе, пророчествует победу жизни над смертью.

Разве не сжимается вся поэма, все картины книги в единый большой символ?

Перечитываем главу «Смерть и воин». В ней, удивительно живой, совершенно реалистической, увидим, присутствуют далёкие от традиционного реализма, не только по обобщённости, по самим автором подчёркнутой «всеобщности», элементы. Причём не только в этой главе — во всей поэме. Да и не могут не присутствовать — в силу особенностей самого образа героя, подлинно реального человека и вместе с тем выражающего собой народ и потому никак не могущего быть изображённым с точностью описательного, «обстановочного реализма» (термин Маяковского). Здесь художник работал, скажем так, специальной кистью — широкой, обобщающей, улавливающей весь размах порывов, всю дерзость людей, поднявшихся на великий подвиг спасения человечества.

Обратимся к главе «Поединок». В ней такая особенность героя и его духа явно подчёркнута. И резкостью почти гротескной речи (Тёркин в гневе «кроет» противника: «Раз ты пёс, так я — собака, раз ты чёрт, так сам я — чёрт!»). <...>

Своеобразная острота письма, смещение норм действительности и совместимость контрастов, реального и фантастического, трагического и комического, определяют важную сторону стиля и главы «Тёркин — Тёркин». Не будь этой остроты, великолепной разговорной гиперболичности, глава, состоящая сплошь из реплик и замечаний, вообще не состоялась бы. В ней не только размашистые шутки («Смех, волнение. / Новый Тёркин! / Хлопцы, двое... / Вот беда... / Как дойдёт их до пятёрки, разбудите нас тогда»), но и, так сказать, азбучные истины, вещи абсолютно правильные выражены в том же не только заострённом, но и как бы странном стиле («Опрокинутый истомой, Тёркин дремлет на спине, от беседы в стороне. Так ли, сяк ли, Тёркин дома, то есть — снова на войне» — вот как говорится о его возвращении в родную часть из госпиталя).

Здесь же, как бы глазами Тёркина, пристально и, может быть, потому также несколько странно подаётся солдатский быт. «Чья-то печка, чья-то хата...» — здесь отды-

хают бойцы, «сборный, смешанный народ». Каждый занят своим делом. «Дела» эти увидены резко. Конечно, перед нами реализм, но реализм, не чуждающийся таких выделений деталей, которые вообще-то могут показаться причудой, некоей необычностью, явно близкой к сфере гротеска:

Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет.
Всю ощупывает строго, —
Узнаёт — его иль нет.

Особенно хочется выделить в художественном методе А. Твардовского естественность и вместе с тем смелость редкого художественного сплава — стиха, идущего от наиболее распространённых в народе произведений (сказок А. С. Пушкина, «Конька-Горбунка» Ершова и т. д.), с богатейшей его ритмико-интонационной обработкой, развивающей едва ли не всё самое ценное из стиховой культуры XX века. Таким же органичным является и сплав замечательного реалистического письма с условностью, фантастикой, выступающими не только на почве сказки (как фольклорной, так и литературной), но и на основе различных форм гротеска.

Конечно, в целом его «Книга про бойца» «нормальна», она никого не ошарашивает никакими несообразностями, она, как уже говорилось, «проста». Но это уже от серовско-нестеровского и одновременно пушкинского особого человеческого такта в обращении с действительностью, ставшего его собственным, и, конечно же, от удивительного искусства поэта, скрывающего и «новации», и многие формальные открытия, и просто сложности письма: в сфере замысла (дать, скажем, образ человека-народа, соединить будничное и героическое, сугубо реалистическое и сказочное), в строфике и структуре поэтической речи, в самых мелких слагаемых «клеточках» языка, из которых складывается мир поэзии Твардовского. <...>

А. Абрамов.

Литература в школе. — 1980. — № 3

• Вопросы и задания

1. На что обращает внимание А. Абрамов? Заметили ли вы, как поэт переходит от частного случая к обобщению?
2. Как и в каких главах совмещаются реальное и фантастическое? Что этим хотел сказать автор?

Подтвердите ваши высказывания чтением фрагментов из поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин».

Познакомьтесь с фрагментами из статьи литературоведа А. Туркова, исследователя творчества поэта.

НАД КНИГОЙ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО

Последнее воспоминание о нём: сидит, страшно похудевший, возле большого окна. Разойдутся гости, и он останется наедине со смотрящей в окно поздней осенью, безлистными деревьями, пожухлой травой... Трудно думать об этом молчаливом прощании. А пока Твардовский слушает общий разговор, улыбается, иногда жестикулирует, и в какой-то миг, когда речь заходит о чём-то важном, вдруг сквозь трагическую немоту болезни прорывается убеждённое, страстное, на разный лад произносимое: «Да! Да! Да!!»

Теперь уста поэта совсем безмолвны, но стоит открыть любую из книг Твардовского, чтобы отчётливо послышалось его «Да!» или его «Нет!».

И столько ещё задуманного и несвершённого, столько отложенного «на потом» за лихорадкой других, более неотложных дел! Хотя бы та книга прозы, о которой порой говорил друзьям и замысел которой смутно возникал ещё в годы войны: «Поездка в Загорье» — повесть не повесть, дневник не дневник, а нечто такое, в чём явятся три-четыре слоя разнообразных впечатлений — от детства до вступления на родные пепелища в 1943 году и до нынешней весны...

Не таким ли давно лелеемым замыслом порождена напряжённая патетика одного из лирических стихотворений поэта:

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мёртвых, — знаю только я.
Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.
А я лишь смертный. За своё в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

Впрочем, как писал сам Твардовский, «редко бывает так, чтобы писатель завершил всё начатое, исчерпал свои

замыслы и планы и, как говорят в народе, убрался с полем, прежде чем перо выпадет из его рук».

Трудно и вряд ли плодотворно гадать о конкретных чертах неосуществлённых замыслов Твардовского. Но вполне закономерно задуматься над последними обнародованными им произведениями, над их местом в его творчестве и вообще над теми «уроками», которые извлекали и ещё будут извлекать из написанного Твардовским не только его собратья по профессии, но и «просто» читатели. Это тем более естественно, что последний сборник стихов поэта «Из лирики этих лет» ещё при жизни автора был отмечен Государственной премией.



А. Сурков, Ю. Гагарин и А. Твардовский. 1961 г.

Сборник открывается стихотворением «Дорога дорог», которое сразу заставляет вспомнить поэму «За далью — даль» и примыкавшие к ней стихи о Сибири:

Дорога дорог меж двумя океанами,
С тайгой за окном иль равнинами голыми,
Как вежами, вся обозначена кранами —
Стальными советского века глаголями.

И здесь всё, увиденное «в местах, что под завтрашний день застолбованы», осмыслено поэтом не только как часть истории нашей страны, но и как символ напряжённой жизнедеятельности народа, которому не впервые

«продвигаться путями неторными». И вновь возникает вечно тревожившая Твардовского тема ответственности художника:

...А где моё слово, что было бы подлинным,
Тем самым, которое временем спросится?

Пускай оно будет не самое громкое,
Но только бы правдой бестрепетной ёмкое.

Пускай не из стали оно, не навечное,
Но только бы слово от сердца, сердечное.

Простое, земное — пускай не надзвёздное,
Весёлое к месту и к месту серьёзное.



Рабочая комната А. Т. Твардовского
в Красной Пахре



А. Т. Твардовский.
Октябрь 1941 г.

Читатель, хорошо знающий поэзию Твардовского, сразу воспринимает эти строки как продолжение мотива, зазвучавшего в его творчестве столь отчётливо со времён памятной «Книги про бойца».

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

Так говорилось во вступлении к «Василию Тёркину», классическому образцу «простого, земного... / Весёлого к месту и к месту серьёзного» слова. И в книге «За далью — даль» не раз звучала эта же горделивая забота, то же «ощущение законности места художника в великой борьбе народа»:

Пускай не мне ещё то слово,
Что ёмче всех, сказать дано.
Моё — от сердца — не на ветер...
Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоём!

И вот во вступлении к книге, ставшей для поэта последней, мы слышим знакомое волнение, когда он говорит о своём слове:

Но только бы даль в нём была богатырская,
Как русское это раздолье сибирское;
Как эта моя, осенённая кранами,
Дорога дорог меж двумя океанами.

Вообще, сам образ дороги, особенно в том понятном настроении, которое невольно заставляет нас нынче озирать всё сделанное поэтом, всю ту «даль», которую он преодолел, приковывает к себе пристальное внимание, ибо он один из самых программных у Твардовского, начиная со «Страны Муравии».

И в лирике последних лет поэта, в цикле «Памяти матери», есть прекрасное стихотворение «Ты откуда эту песню...», где старая песня как бы аккомпанирует всем перипетиям жизни героини, а точнее, наполняет новым, особым смыслом при каждом повороте её судьбы:

Так считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,
Если замуж выходила
Девка на берег другой.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Давней молодости слёзы.
Не до тех девичьих слёз,
Как иные перевозки
В жизни видеть привелось.

И уже не девичьи слёзы звучат в той же песне, а тоска по родному краю, и само слово «перевоз» принимает всё новые значения, покуда в последних строфах стихотворения не достигает мудрого величия народных поверий:

Да уже неподалёку
И последний перевоз.
Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой.

Твардовский писал, что в народной песне «одни и те же слова любят, повторяясь, выступать в новых и новых мелодических оттенках и... это повторение есть способ повествования, развития темы, способ живописания и запечатления того, что нужно». Правда, в его собственных стихах, о которых идёт речь, дело не только в мелодических, но и в смысловых оттенках «центральных» для повествования слов.

Порой причину творческих достижений Твардовского искали в использовании им народного творчества, фольклора. Даже Борис Пастернак, восхищаясь «Василием Теркиным», определял его как «чудо полного *растворения поэта в стихи народного языка*» (курсив мой. — А. Т.).

Тут уже заключено зерно будущей послевоенной темы Твардовского, которая, начавшись с таких шедевров, как «Я убит подо Ржевом» и «В тот день, когда окончилась война...», до последних лет жизни оставалась его сердечной болью, сказавшейся и в книге «Из лирики этих лет»:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

До чего же он похож на своего героя, который тоже сошелся даже своей «дерзкой» просьбы, ибо за что именно ему такой жребий? «Я не худший и не лучший...» <...>

А. Турков

● Поразмыслим вместе с литературоведами

Вам уже известно, как страстно обсуждалась и читалась поэма А. Т. Твардовского простыми солдатами, поэтами, критиками. Вы прочитали несколько фрагментов из статей литературоведов. О чём они пишут? Что их волнует, удивляет, восхищает в поэме Твардовского? Что вас заинтересовало в тексте поэмы и в рассуждениях специалистов?

Викторина

1. Что писал А. Т. Твардовский о своей малой родине?
2. Почему его отца называли *паном*?
3. Кто из русских классиков был наиболее близок поэту с детских лет?

4. Какую страну ищет Моргунок?
5. Как зарождается в творчестве Твардовского образ Василия Тёркина?
6. О какой «нечаянной» вине говорится в стихотворении «Я знаю, никакой моей вины...»?
7. Какой журнал редактировал А. Т. Твардовский, сделав его самым прогрессивным изданием в Советском Союзе 1960-х годов?

Ответы на вопросы викторины

1. Поэт рассказывал о Смоленщине, о деревне Загорье, о своих земляках. 2. Он был владельцем хутора, человеком грамотным, всегда опрятно одетым, читал книги, ходил в шляпе, сама фамилия его звучит по-польски. 3. Н. А. Некрасов. 4. Сказочную страну крестьянского счастья, страну Муравию. 5. Из фельетонного персонажа Васи Тёркина. 6. О том, что другие не пришли с войны. 7. «Новый мир» (1950—1954, 1958—1970).

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВИЧ ПЛАТОНОВ 1899—1951



«Течение времени...» — так хотел назвать Андрей Платонов книгу, в которую вошли бы лучшие его произведения о простых людях, чьи судьбы всегда привлекали внимание писателя.

Андрей Платонов любил людей и верил в их прекрасное будущее. И течение времени, означенное большими переменами в пользу трудового народа... изображается как движение от бесправия к свободе, от нищеты к изобилию, от труда подневольного к творческим взлётам человеческой мысли, направленной на умножение материальных и духовных богатств народа.

М. Платонова

Андрей Платонов — глубоко национальный писатель. Совесть, доброта, одержимость, неистовость, честность, равнодушие — всё это не абстрактные понятия, а составные части, доминирующие черты его творчества, отмеченного пристальнейшим вниманием к тончайшим движениям человеческой души...

У Платонова было богатое впечатлениями детство и юность. Из этого источника он мог черпать много и долго. И он это делал, обогащаясь сам и обогащая других.

Его герой говорит: «А без меня народ неполный!» Это не фраза, а концепция, очень точно и коротко выраженный взгляд на себя, своё дело, свою роль в жизни и причастность к делу общему.

Путь многих героев Платонова был трудным. Нелегка и стезя новатора.

По В. Ерёмину

● Задания

1. Расскажите о судьбе одного из героев рассказов А. Платонова.
2. Познакомьтесь ещё с одним рассказом Платонова, который называется «Житейское дело».

ЖИТЕЙСКОЕ ДЕЛО (Следом за сердцем)

Шла ночь в деревенской избе. Темно и тихо было за окном, лишь голая ветвь вербы изредка еле слышно постукивала в окно, склоняясь от слабого ветра. Вербка зябла в прохладной сырости весенней ночи и словно просилась к людям, в тёплую избу. А изба была нетопленая, в избе на печи лежала без сна хозяйка Евдокия Гавриловна Захарова; она прихварывала уже который день, она грустила по мужу, убитому на войне, и ей сейчас не спалось. Она лежала и не могла согреться под овчинным полушубком, а рядом с ней под отцовской овчиной спали её дети; их было у неё трое, и все девочки: Марья, Ксения и Груша; старшей, Марье, было девять лет от роду, а Ксения и Груша были двоешки, по восьми лет каждой; мать время от времени укрывала их, потому что девочки спали беспокойно, они ногами сбрасывали с себя одежду и скрипели зубами. «Должно, глисты у них, — подумала мать, — надо им тыквенного семени дать».

Евдокия Гавриловна приподнялась и снова укрыла своих детей. Они дышали чистым теплом, знакомый запах молока и плоти исходил от них, и сердце матери тронулось тревожной любовью. Дети рождаются, растут, уходят затем из родительского дома в свою большую жизнь, но неподвижно сердце матери: оно одинаково любит своё дитя, одинаково оно прекрасно для неё во все времена его жизни, и мать всегда встревожена за него.

«Что с ними сбудется, что с ними станется? — думала Евдокия Гавриловна. — Вот будут они жить и расти, а отца своего никогда не узнают. А без отца, как и без матери, душа ребёнка живет полуголодная. Что ж я одна им?»

Ночь продолжалась. Мать стала думать об озимых полях, о том, сколько снегу было в зиму, сколько его сошло талой водой, сколько пропиталось в почву, о весенней погоде, о семенах в колхозе, о том, не потревожит ли какой новый враг нашу страну, — люди разное говорят, и газеты пишут, — обо всём мире думала Евдокия Гавриловна, потому что посреди мира жили её малые, беззащитные дети и для них нужно, чтобы светило солнце, чтобы на земле рождался хлеб, а всё человечество жило в спокойствии.

Она вспомнила о муже: что с ним случилось теперь, где его могила? — хоть бы кости его поглядеть, ведь и кости его дороги ей, как был дорог он весь!

Вербка снова заскреблась в окно, и кто-то другой, одновременно с вербой, постучал в окно, так же негромко и застенчиво, как верба.

Евдокия Гавриловна отворила избу и впустила человека.

— Кто будешь-то? Чего ходишь так поздно, иль беда какая?

Человек снял шапку-ушанку, оправил усы и ответил:

— Беда, хозяйка... Дело у меня неотложное, я и во тьме иду.

Евдокия Гавриловна засветила лампу и подняла её, чтобы поглядеть на гостя. Перед нею был нестарый ещё, моложавый мужик, лет, может быть, тридцати или немногим старше; большие серые глаза его смотрели на хозяйку неподвижно и словно бы равнодушно, а вернее того, своя боль томила этого человека, и ему всё равно было — что он видит перед собой. Одет он был в старую солдатскую шинель, но уже без погон, а за спиной его висел вещевой мешок; должно, из армии демобилизовался человек. Хотела было Евдокия Гавриловна спросить у прохожего, какая случилась беда у него, однако нехорошо праздно касаться чужой души, и она не спросила.

— Небось кушать хочешь! — сказала она. — Садись, я тебе поужинать дам.

— Спасибо, хозяйка. Время позднее, начнешь ты хлопотать, в печке греметь, детишек разбудишь!

— Проснутся, опять заснут. Из того тебе не голодать.

— Твоя воля, — сказал гость.

Он уселся на скамье и огляделся в избе. Перед ним ходила женщина и собирала на стол еду; в её тихом лице, в худощавом теле, привыкшем к работе, было дальнейшее сходство с женой прохожего, умершей накануне войны. Может

быть, жена была помоложе, однако и хозяйке едва ли минуло тридцать лет. А жена прохожего была столь хороша собою — и лицом с кротким, доверчивым выражением, и постоянным своим смущением, даже перед мужем, и напряжённым вниманием больших, словно испуганных глаз, ожидающих увидеть чудо в каждом человеке, — что он, видя её ежедневно, всё же не мог привыкнуть к ней и часто любовался ею, будто не зная её. К прелести человека, должно быть, нельзя привыкнуть. В хозяйке тоже было что-то напомнимшее прохожему об его умершей жене, только здешняя женщина была всё же поглубже и лицом и нравом.

Собрав ужин, Евдокия Гавриловна велела гостю кушать:

— Садись, что ль! Щи-то ещё тёплые...

— И ты со мной, — попросил гость. — Одному есть не годится.

— Да и я похлебаю маленько. Неможется мне чего-то.

— Ничего, кушай, пожалуйста. Во всякой пище лекарство есть. Говорят, есть такая еда, от неё даже грусть утихает.

— А у тебя после еды-то утихала грусть? Иль тебе, может, не по чем и грустить-то?

— Нету, грусть моя никогда не стихала, — сказал гость, — хоть поевши, хоть натошак.

— Бери ложкой полней, со дна доставай! — велела Евдокия Гавриловна. — Чего ты мелко черпаешь, неохотно так? А по ком твоя грусть?

— О сыне болею.

— О сыне?.. Умерший он, что ль, у тебя?

Гость положил на стол деревянную ложку и равнодушно поглядел на хозяйку; ему ничего сейчас не было дорого.

— Беда, что вести нету... Пропал мой сын; живой ли, мёртвый, не знаю. Второй месяц хожу по всей округе, людей спрашиваю, а правды никто не говорит, кому его запомнить!.. Тебе-то не попадался он на взгляд; может, ещё кусок ему давала иль ночевать привечала? Говорят, будто поблизости он ходит...

— А какой он из себя?

— Да мальчик такой заметный, лет теперь ему одиннадцать, двенадцатый пошёл... Из себя он был нерослый, зато на лицо памятный: глаза у него добрые, сам смиренный, на голове волосы русые и в кудри вьются...

Евдокия Гавриловна подумала.

— Не помню такого, не видала я его... А чего при тебе его нету?

Гость с удивлением поглядел на хозяйку: глупая она, что ли, есть такие, всякие есть, не одна пшеница в поле растёт.

— Жена, тебе я говорю, давно скончалась, сын по мне один остался, а на войну я пошёл, тётке его отдал, а тётка негодная, как нормально иногда бывает... А в село Шать, где сын мой с тёткой жил, немцы пришли, тётка прочь, к немцам или в тыл — неизвестно, а сын один остался, и ушёл он незнаемо куда — в Россию ушёл. Он по свету бродит или в земле лежит, не знаю, а я за ним следом второй месяц хожу, да следа не видно... Тебе понятно?

— Мне понятно, — сказала Евдокия Гавриловна. — Мне понятно. А ты-то что же?

— Я-то что же! А я вернулся с фронта, от нашего села Шать половина осталась, половина дворов погорела. Люди тоже разбрелись, скончались, пропали без вести... Две старушки-домоседки видели моего Алёшку, как пошёл он босой в лес. «Алексей, ты куда? — спросила одна-то старуха. — Убьют тебя, ещё немцы ходят в округе». А он им: «Ничего, говорит, я в русскую сторону уйду, отца там буду ждать, здесь люто, я боюсь». Старухи ему: «Возьми хоть хлеба от нас краюшку и народу там от нас поклонись...» И ушёл мой Алексей. А куда ушёл? — доля его горькая... А я за ним теперь иду: в одной деревне скажут, видели будто такого мальчика, в другой старик мне говорил, жил он у него на пчельнике, — да мой ли, нет ли, не знает, у него много сирот кормилось, а лесник говорил — у партизан был такой похожий мальчик. Может, и так, а веры нету. След и от большого человека пропадает скоро, а от ребёнка и вовсе — что от него остаётся!..

— Вон беда твоя какая! — произнесла Евдокия Гавриловна. — А может, найдётся ещё твой Алёшка, народ детей бережёт.

— А может быть, может быть, — грустно сказал ночной гость; с течением времени он чувствовал в своём сердце всё более утихающий голос своего сына, словно тот всё более удалялся от него и был уже недостижимо далеко, далее, чем звезда; гость вздрогнул и проговорил, чтобы одолеть своё горе: — Плохо жить без радости, нельзя жить. Я весь теперь неспособный стал, а прежде я был умелый, я ко всякой работе прилежный был, и в части мне цену знали...

Хозяйка пошла к своим детям, она укрыла, и оглядела их, и тихо порадовалась над ними.

— Твои-то ребятишки ишь целыми живут, — сказал гость.

— Мои-то целы! — ответила Евдокия Гавриловна. — А ты что, хочешь, чтоб и все дети пропали, раз твой пропал?

— Нету, того я не хочу!

— Нету — не хочешь!.. А ты сиди горюй, а сам ложкой из миски черпай! Чего постничаешь? Злой станешь! Добро-то из жизни приходит, а жизнь из пищи...

— Ишь ты какая! — озадачился гость и взял ложку. — У тебя своё разуменье есть!

— А то как же! И с горем надо жить уметь. Я-то неужели, думаешь, с одним счастьем прожила!

От чужой беды недомоганье Евдокии Гавриловны словно бы стало легче, и воспоминанье о муже на время отошло от неё.

Она постелила гостю постель на двух скамьях, составленных рядом, а сама легла на печи, рядом с детьми.

Наутро гость поднялся с рассветом и собрался уходить.

— Ты куда? — спросила его Евдокия Гавриловна.

— А я по своим делам, — может, сына ещё сыщу?.. Спасибо тебе, хозяйка, за хлеб, за приют.

Евдокия Гавриловна опустила ноги с печи.

— Обожди! Я сама пойду проведаю о твоём сыне, об Алёшке; у нас село большое, людей ты не знаешь. А ты посиди, ты почисти пока что картошек на завтрак. Видишь, они вон там, в ведёрке стоят. Сумеешь?

— Справлюсь... Да чего ты о картошке сомневаешься? Сумею, нет ли? — да ты знаешь, кто я? Я Гвоздарев Антон Александрович, я был знаменитый механик!

— Во как! — обрадовалась Евдокия Гавриловна; она обрадовалась тому, что гость её рассерчал. — Я за тебя к людям иду, а ты за меня дома работай. А знаменитых теперь много, весь народ знаменитым стал.

Хозяйка ушла из избы. Гвоздарев взял было одну картофелину, очистил её и бросил прочь, обратно в ведро.

«...А на что мне нужно, будь оно всё неладно!»

Он начал ходить взад-вперёд по избе. Ему всегда было легче, когда он много ходил; сила тогда понемногу убывала в его теле, сердце уставало, и тоска в нём смирялась. Если бы его связать и заставить быть неподвижным, он бы, наверно, стал безумным; он жил здоровым потому, что всё время шёл к сыну, у него была цель и надежда жизни.

Он шагал туда и сюда, от двери до стены, скучным, серым утром в прохладной избе. Время шло, ничто не менялось вокруг, и Гвоздарев не мог устать на малом пространстве и успокоиться.

Услышав шёпот, Гвоздарев поднял голову.

— Всё ходит... А чего ходит? Кто такое это? — сказал тихий голос.

С русской печи на него глядели три детских лица; они тотчас же спрятались под овчину, как только чужой человек взглянул на них.

«Живые!» — подумал Гвоздарев и вздохнул.

Тайно и осторожно он начал поглядывать на печь, и дети оттуда чутко и робко следили за ним.

Гвоздарев в промежутки рассмотрел лица детей и запомнил их.

«Счастливые, — снова вздохнул он про себя. — Жизнь для них чудо, как оно и есть... Ишь ты, глазки как у них сияют, — а ведь серенькие глазки, простого цвета, а за ними ещё что-то добавочно горит, душа и прелесть изнутри светит. Две-то головки совсем одинаковые, двоешки, что ль, а одна побольше, и уже глядит похитрее, тоже, значит, портится помаленьку. А что в детях хитрость, — ничего, одна маскировка прелести...»

Гвоздарев ходил, не переставая и словно не интересуясь детьми, а сам внимательно слушал их рассуждения о самом себе.

— Он старый, страшный! — прошептал маленький голос.

— А большой, как папа! — сказал голос старшей. — Я помню папу.

— Папа лучше был.

— А ты не помнишь!

— Папа в земельке лежит.

— А этот ходит, угомону на него нету.

— Не щипай меня, Грушка!

— А ты ногой меня ударила.

— Всё ходит — лодырь! Мама картошку ему чистить наказала, а он ходит.

— У него медаль!

— У нашей мамы тоже медаль: за доблестный труд.

— Он плохо воевал, он трус, война долго шла, а у него одна только медаль.

«Вот дела-то! — подумал Гвоздарев. — Я орденов не ношу, чтобы пред людьми не гордиться, а дети за это в обиду на меня, что я трус!»

— Наша мама героем будет, председатель Никита Павлович говорил, её трактор сильнее всех, он лучше всех землю пашет, глубоко, а не мелко.

— Аж пыль летит, я летом видала.

— И огонь из трубы!

— Мама говорила, когда огонь летит — это плохо. Она воду в машину, в нутре её пускает, за это ей медаль дали, и кофту на премию, и туфли, и хлеба сто пудов.

— А ещё талон на что-то!

— И два платья малолетним детям!

— Это нам, а не тебе!

«Вон оно как! — слушал Гвоздарев. — Хозяйка, значит, тоже механик. Не угадаешь человека! Смотрим мы друг на друга, как во тьму, — отчего такое?»

Детские голоса опять зашептались на печи:

— Думает... А чего думает?

— А у него есть мама?

— Нету.

— А бабушка?

— Нету. Он один!

— А чего он живёт один? Одни умирают.

— А он добрый! Видишь — ему скучно!

— А отчего ему скучно?

— Ему чужих жалко, добрые и по чужим скучают.

— И нас ему жалко, у нас папы нету...

Будто что-то вошло в грудь Гвоздарева из этих слов ребёнка, чего ему недоставало и без чего он жил в горести; так питается каждый человек чужим духом, а здесь его питал своею душою ребёнок.

Гвоздарев подошёл к печи и встал на лавку, чтобы приблизиться к детям или совсем забраться к ним на печь и полежать рядом с ними, где мать лежала. Но дети укрылись от него с головой и умолкли.

— Вы чего? Иль напугались?

Дети помолчали, затем один младший голосок сказал:

— Мы к тебе не привыкшие...

Гвоздарев погладил их по верх овчины.

— Вы кто же такие будете? — должно быть, одна барышня и два мальчика или как?

Нежный смеющийся голосок ответил из-под овчины:

— Мальчиков нету, мы тут девицы!

— Ну, вставайте, девицы. Вам давно обряжаться пора, на дворе день стоит!

Старшая дочь, Марья, выпростала голову из-под овчины и близко поглядела на Гвоздарева серьёзными и доверчивыми глазами, какие были у её матери.

— Мама вернётся, обижаться будет, — сказала она. — Она тебе велела картошку на завтрак готовить, а ты не управился!..

— Да это я сейчас! Какое тут дело — всего ничего!

— Теперь уж не надо, — сказала старшая дочь. — Теперь я сама, видишь, подымаюсь. А ты ступай на колодезь и две бадейки воды принеси, а то мне тяжко.

«Войди вот в такую семью, враз охомутают, — подумал Антон Гвоздарев, — одно надо, другое, прочее, — детей же целых трое, а к ним забота нужна. У меня вон один малый был, а сколько я в него силы положил, и теперь его забыть не могу! Эх ты, мой Алёшка, Алёшка, — по-

встречайся ты мне, не оставляй отца сиротой! Повстречайся нынче же, чтобы мне далее не ходить. Я на войне сколько исходил и тут вот теперь хожу, сердце меня гонит!»

Гвоздарев сходил за водой и наколол дров на растопку, а Марья тем временем готовила картофель на завтрак; младшим же сёстрам она дала пока что по кусочку солонины, чтоб они не просили есть, покуда всё не сварится, и Гвоздареву Марья тоже дала ломоть солонины, а себе не взяла.

Немного погодя вернулась в избу и сама хозяйка, Евдокия Гавриловна. Она с робостью, словно виноватая, поглядела на гостей.

Гвоздарев понял её.

— Видать, ничего ты про сына не проведала? — спросил он хозяйку. — Ходила ты без толку, зря.

— Покамест не проведала. А тебе сразу нужно, чтоб я его за руку привела!

— Да нет, я и потерплю...

— Ну, потерпи маленько... Слух есть — у нас тут памятливая, честная старушка одна живёт, её дочка библиотекаря, книжки читать ребятам даёт... А у библиотекаряши муж тоже на войне пропал...

— Ну, говори, говори! — рассерчал Гвоздарев. — Говори теперь, кто её сын, а кто тётка, и замужем её тетка либо старая дева, и кто её муж, чем занимается, говори всё подробно, чтоб смысла не было.

— Да ты обожди с попреком-то... Это я тебе для твоей же веры подробно говорю. Мне добрая старуха та сказала, а она врать не будет, что такой же малый, как твой, шёл по осени за стадом через наше село. Скотину обратно в Белоруссию гнали, и малый твой будто шёл следом с пастухами и с уполномоченным. Пригожий такой мальчуган шёл по деревне...

— Он у меня и правда пригожий! — согласился Гвоздарев. — Мать у него была собою хороша...

— Он ещё у этой старушки, что я-то говорю, соли попросил... Старуха дала ему соли и спросила: ты чей же будешь? А он ей, как большой: Бог весть, говорит, сам не знаю чей, отца ищущу, пойду к нему в Германию, — и пошёл... Стало быть, ты его ищешь, а он тебя, и ходите вы оба как непутёвые...

— А что ж, по-твоему, делать нам? Сердце-то у нас болит: у него по отцу, а у меня по сыну. Тебе хорошо тут в своей избе, со своими детишками...

— Остановиться тебе надо, вот что!

— А где мне пристанище?

— Ишь ты, солдат, а без разума!.. Да тебе везде пристанище — хоть у нас в колхозе, хоть в другой ступай. Ты же механик, говоришь!

— А как же!.. Да ведь оно и ты, оказывается, женщина с мастерством!

— И я работаю; я землю трактором пашу. Без пашни не проживёшь.

— Вот и главное-то! — согласно произнёс Антон Гвоздарев и посмотрел на хозяйку с добрым намерением, как смотрит человек на младшую сестру, когда желает её приласкать или подарить ей что-либо, да нет у него под руками подарка, а для братской ласки сестра уже выросла.

После завтрака Гвоздарев попрощался с хозяйкой и с детьми её, поблагодарил семейство за хлеб и приют и ушёл совсем. Он решил ещё зайти к той доброй, памятливой старухе, у которой была Евдокия Гавриловна, и спросить её точнее о том мальчике, какому она подала соли.

Добрая старуха оказалась действительно памятливой. Расспросив сначала у Гвоздарева, каков был из себя его сын, она припомнила, что за год она видела на деревне чужих мальчуганов, похожих лицом на Алёшку, и видела целых семерых, а не одного. А подумав немного, вспомнила и восьмого такого же. «Эка бестолочь! — думал Гвоздарев, слушая старуху. — Да мне один нужен, а она из доброты мне восьмерых обещает. По её-то доброте все мальчишки на моего Алёшку похожи, только из этой доброты сын ко мне не явится».

Он ушёл от старухи, понимая её сочувствие и не видя пользы от него для своего дела.

Выйдя за околицу чужого села, Гвоздарев тотчас услышал работу мощного гусеничного трактора. Он всмотрелся в пустое чёрное поле и увидел машину, вышедшую из-за летнего дощатого балагана. Трактор ровно тянул за собою многокорпусную раму плугов и дышал через патрубок синим пламенем отработанного газа. За рычагами машины сидела в рабочем комбинезоне Евдокия Гавриловна и спокойно следила за работой механизма. Чёрная река обработанной земли потоком текла из-под содрогающихся, звенящих стальных лемехов; из мотора слышалось упругое биение поршней, рождающих сокрушающую силу работы; пламя, напряжённое до синевы, сверкало из патрубка, но вот звук выхлопа из мягкого, пульсирующего перешёл в сухой и резкий. Гвоздарев расслышал даже, как позванивал патрубок в колене от жёстких ударов газа. Евдокия Гавриловна на ходу порегулировала машину — Гвоздарев заметил это издали, — и мотор опять заработал мягче. Но вскоре машина снова перешла на жёсткий, ненормальный

режим, и тогда Гвоздарев не стерпел своего осуждения механику.

— Эх, женщина! — сказал он вслух. — И горячее ты пережигашь зря, а главное дело, машину утомляешь — ведь ты рвёшь её такой работой, мать своего семейства!.. У меня таких, как ты, желудок не переваривает!

И Гвоздарев пошёл через поле к трактору.

— Стоп! — указал он Евдокии Гавриловне.

— Чего ты! — крикнула она со своего места. — У нас план большой. Некогда стоять.

— А мне есть когда о вас заботиться?

Евдокия Гавриловна остановила машину.

Гвоздарев обошёл трактор, подумал и залез на гусеничный ход, чтобы осмотреть мотор.

— Видал такую машину иль первый раз только? — спросила его Евдокия Гавриловна.

— Таковую-то? — отозвался Гвоздарев. — Да сколько ни есть сейчас женщин в вашей деревне, они за всю свою жизнь столько детей не нарожают, сколько через мои руки моторов прошло — всех систем, серий, наименований и назначений!

— А ну, ещё чего скажешь? — улыбнулась Евдокия Гавриловна. — Гляди там скорее, мне стоять некогда...

Антон Гвоздарев углубился в машину. Особенно его заинтересовала система подачи воды в рабочие полости цилиндров, что должно уменьшать расход горючего и смягчать тепловое напряжение двигателя.

— Кто тебе, какой это изобретатель-конструктор питание водой такое устроил? — озадаченно спросил Гвоздарев.

— Это я сама! — сказала Евдокия Гавриловна. — Теперь машина сильнее тянет и ровнее...

— Всегда сильнее тянет?

— Когда как! А то и не заладит!

— Одна работала?

— Одной не справиться было... Два слесаря из МТС работали, и сам старший механик думал — сидел.

Гвоздарев поднял голову от мотора и вздохнул:

— Думал — сидел...

— А что, плохо сделали?

— Оно неплохо, а без расчёта... Всё приблизительно ляпали, наугад. Мысль была золотая, а родилось из неё убудочное дело... Ишь, ну что это такое? — Гвоздарев потрогал пальцами трубки на цилиндрах. — Где тут расчёт был? Как у тебя впрыск в цилиндры идёт? У тебя то горячая вода туда попадает, то похолоднее, а то никакой нету. Вот у тебя и машина так работает — то она у тебя,

как богатырь, бежит и на ходу смеётся, то сохнет, как чохоточный, зубами скрипит и плюётся огнём...

Евдокия Гавриловна загрустила.

— Я и сама вижу, Антон Александрович, что не ладит что-то... Да всё некогда подумать, пахать надо...

Она вынула тёплый платок из рабочего ящика и повязала им голову; нездоровье её ещё не прошло, и она зябла. Антон Гвоздарев нечаянно, между делом, посмотрел ей в глаза; сейчас они ещё более походили на глаза его покойной жены, и смысл взгляда был тот же: тайное сочувствие ему, как бы любованье им, и вместе — осторожная подозрительность, точно он вот-вот может сделать, подобно ребёнку, какую-либо шалость или даже гадость. «Все они, что ли, такие похоже, — подумал Гвоздарев, — тоже ведь задача! А, да мне-то что, какая мне тут задача! Я вот-вот и снимусь отсюда навеки! Мало ли где я был, мало ли кого я видел! Меня каждую ночь сны одолевают от воспоминаний».

Гвоздарев уяснил себе своё положение вполне разумно и убедительно, так что всё теперь должно быть для него нормально и просто. Однако сердце или что-то другое, свободно и безмолвно живущее в его груди, как второй, отдельный человек, словно приостановилось в нём, и оно неподвижно, неразлучно следило за Евдокией Гавриловной, не согласное с Гвоздаревым, не согласное ни с чем, даже с правдой. И, почувствовал, что сердце его как бы отделилось от него и приостановилось в томлении, Гвоздарев узнал вдруг, что ему стало хорошо. Странно было, но даже грустное терпение в глазах Евдокии Гавриловны теперь утешало чем-то внимательное сердце Гвоздарева, — а какой был прок для него в грустном выражении её глаз?..

— Глупость какая! — сказал он, ощупывая водяную систему мотора.

— Где там глупость? — спросила Евдокия Гавриловна.

Гвоздарев сказал ей в ответ:

— Душа машины есть расчёт, — понятно? А глупость, что делается без расчёта. Это вот когда человека лечат или сначала строят, там можно как попало, там всё равно выйдет, потому что живому больно, он запищит и скажет, где у него сделано неладно...

Евдокия Гавриловна обиделась.

— Что вы говорите, Антон Александрович! Опомнитесь!.. Закрывайте мотор, мне пахать пора!

— Я знаю, что я говорю! — вскричал в возбуждении Гвоздарев. — А машина — это вам не человек и не скотина, её надо строить точнее, чем живое существо: она ведь

не скажет, где у неё больно и плохо, она будет терпеть до разрушения! Вот где труд-то, это вам не любовь!

Евдокия Гавриловна засмеялась.

— Человека-то всё же труднее воспитать, чем сделать машину. Да и человек дороже, чего зря говоришь!

— Кто его знает, что дороже, а что дешевле, — недовольно произнёс Гвоздарев. — Я люблю практический угол зрения.

Он сошёл с машины.

— Ну, я пойду, Евдокия Гавриловна. Мне нужно далее идти.

— Ступай, чего же! — сказала Евдокия Гавриловна. — А как с водою быть — не скажешь, чего там нужно сделать?

— А чего тебе сказать? Скажешь, а ты не поймёшь! Самому надо сделать! А мне, видишь, некогда, у меня по сыну тоска!

Гвоздарев попрощался и пошёл с поля на просёлочную дорогу. Евдокия Гавриловна пустила машину в ход и стала пахать. «Ходит человек, — подумала она, — себя обманывает, что ль, иль, правда, ветер в дороге тоску его остужает и ему легче! Пусть ходит тогда, пусть ходит!»

Двигатель перешёл на сухой, жёсткий режим работы. «Должно быть, всасывающие клапана захватывают воздух, надо их переставить, — озаботилась Евдокия Гавриловна. — Переставить! А когда переставлять? Ночью надо детей ещё испупать!»

Евдокия Гавриловна пахала дотемна. Потом она затопила печь в своей избе, нагрела воды и начала купать в корыте детей, сперва Ксюшу и Грушу, а последней купала старшую, Марью. Она любила купать детей: таково было приятно ей нежить их мягкие, слабые тела в тёплой воде, чувствовать их чистый, живой запах детства, близко, при себе, держать их под защитой, — так бы и век их держала, если б можно было.

Когда мать уже кончала купать и окатывала водой Марью, а младшие уже грелись на печи, снаружи к окну подошёл Антон Гвоздарев. На столе горела лампа, корыто стояло на полу, и хозяйка купала дочку. Плечи и руки у Евдокии Гавриловны были обнажены, голова была простоволосая, сама она раздумянилась от тепла и своего счастья с детьми. Гвоздарев хотел было сразу постучать, но из интереса или от стеснения обождал. «А скажи вот, пожалуйста, что такое! — обсудил он положение. — Вот ведь и троих детей она родила, а может, и того больше, а ведь вся целая, полная живёт! Природа, значит, постоянно своим ремонтом обслуживает человека! Конечно, тут

и харчи действуют, и воздух с водой — колодезь у них артезианский, микробов никаких! Интересно как-то!»

Он тихо постучал в оконную раму. Марья увидела и узнала его первая.

— Мама! Это давешний мужик стучится...

Девочка склонила свою голову и прикрыла плоскую грудь руками.

— Чего он ходит, мама, неприкаянный такой...

Евдокия Гавриловна догадалась, кто стучался в окно.

— У него горе, дочка.

— Горе! А у нас иль радость, что ли, отца нету...

Хозяйка обернулась к окну; на неё глядело довольное, радующееся лицо Гвоздарева.

— Обожди пока входить, — приказала она, — а то избу настудишь; ступай во двор, захвати там охапку дровишек, подтопить ещё надо, и ужин заодно согреем...

— Это я сейчас! — ответил с улицы Гвоздарев.

После ужина Гвоздарев сказал хозяйке, что он не в гости к ней пришёл, не зря, а из совести. Отошедши тогда, днём, от машины, он сосчитал в уме, что если правильно наладить впрыск воды в цилиндры, то можно при том же горючем, что отпущено по плану, запахать лишних сто, а то и двести гектаров. А ведь это, худо-бедно, считай, десять тысяч пудов хлеба. Вот тогда он почувствовал, что в нём есть совесть, и, отойдя ещё вёрст десять, он подумал и вернулся.

— За ночь-то я управлюсь, пожалуй, отрегулировать всю водяную систему! — сказал он. — Ты только посвети мне. Где твоя машина стоит?

— Ну что ж, — согласилась Евдокия Гавриловна. — У нас депо сельхозмашин и орудий, там есть весь инструмент для текущего ремонта, и там моя машина ночует.

Марья грелась на печке; она глядела оттуда и всё хотела что-то сказать.

— А вас где-нибудь сын Алёшка дожидается, — сказала она. — Он, может, плачет по вас...

«Эка ябеда, — подумал Гвоздарев, — чует она что-то», — и ответил:

— Сын у меня малый сознательный, ночью он спит, а не плачет.

— А ему, может, спать не хочется, — сказала Марья.

— А не хочется — пусть не спит, — сказал Гвоздарев девочке. — Пусть, как ты, лежит и глаза лупит... Заправляй, хозяйка, фонарь на работу!

Мать заправила керосином фонарь, а Гвоздарев осмотрел в своём вещевом мешке немецкие универсальные разводные ключи, и они ушли работать.

— Свет не забудь потушить, — велела мать с порога.

— А я спать не хочу, пусть горит, — сказала Марья, и она тут же надела шубёнку на голое тело, укрыла спящих сестёр и сошла с печки.

Затем, улыбнувшись, она достала из шкафа, где мать хранила хлеб и соль, толстую книгу с картинками и села за стол читать. Марья умела читать только вслух, и чем громче, тем она лучше понимала слова, и тогда ей больше нравилось, что она читала; от звуков своего голоса слова из книги превращались для неё точно в картинки, и она видела их, как живые.

Шла долгая ночь; девочка сидела при лампе и вслух выговаривала слова, вода пальцем по печатной странице, и лицо её то веселело, то печалилось, то становилось задумчивым; она забыла про себя и жила не своей жизнью, и счастье сочувствия людям и предметам, о которых написано было в книге, тревожило и радовало её сердце.

Фитиль в лампе начал потрескивать, в ней догорал керосин. «Обожди, не гасни!» — попросила Марья лампу и стала читать скорее.

— Хозяюшка! — позвал Марью тихий чужой голос. — Хозяюшка!

Марья сердито обернулась к окну: ей надо было читать, и лампа уже догорает, а тут ещё шут кого-то несёт.

В окошко негромко постучался кто-то, потом к стеклу прильнуло круглое лицо большого мальчика.

— А где старая хозяйка? — спросил тот мальчик из-за окна. — Я думал, это не ты!

— А чего тебе надо-то? — с сердцем крикнула Марья. — Чего ты по ночам в окно к нам стучишься, других тебе домов в деревне нету, что ли? Ступай туда и стучи!

— Да, а там темно, а у тебя свет горит!

— Ты видишь, я занимаюсь сию!

— Вижу... Дай соли горсть!

— Ишь сколько — горсть! А зачем тебе?

— У нас корова хвора, пищу не принимает. Может, она соли полизет, ей полегчает...

— Иди возьми, что ль!

Большой мальчик вошёл через сени в избу. Лицо его было тёмное от солнца и ветра, непокрытая голова густо обросла светлыми волосами, и большие глаза кротко, но не боязливо глядели на девочку-хозяйку. В руках у него был кнут, он поставил его к месту, в уголок, и поклонился.

— Здравствуйте! — ответила Марья.

Она открыла шкаф, взяла из деревянной миски горсть соли и подала её в кулаке мальчику.

Тот подставил подол рубашки, и Марья ссыпала туда соль.

— Ещё дай! — попросил мальчик.
— Хватит! Вы чьи сами-то?
— Мы гонщики... Скотину гоним в погорелые районы. В Шать-деревню нынче идём... Слыхала Шать-деревню? Большое село!

— Не слыхала... А кто вам скотину даёт?
— Как кто? Ты книгу вон читаешь, там написано. Нам государство всего даёт.

— А соли?
— И соль была, схарчили в дороге... Прочитай мне, что в книжке...

— А ты читать не умеешь?
Мальчик застеснялся:
— В зиму пойду учиться. Школы немец сжёг.
— Ну, ступай. У тебя корова хворая, чего стоишь!
— Сейчас... Спасибо вам за соль, а то корова пленная.

Он взял кнут, прижал подол с солью к себе, поклонился и ушёл.

Лампа уже моргала; Марья привернула фитиль, дунула сверху в стекло и полезла на печь.

А Евдокия Гавриловна до рассвета помогала Гвоздареву работать в сарае. Всю ночь Антон Гвоздарев, имея дело с двигателем, шептал что-то, затем бормотал и, наконец, говорил громко и явственно. Однако Евдокия Гавриловна не слышала или не хотела понять Гвоздарева, и она не отвечала ему ничего; только когда он говорил: «Гайку три осьмушки» или: «Готовь паяльник», — Евдокия Гавриловна понимала Гвоздарева, и подавала ему детали, и делала, что нужно.

К утру Гвоздарев привык к женщине, вблизи которой было ему хорошо, он даже не торопился кончать работу и действовал медленно; сердце его осмелело, и он сказал:

— А что, Евдокия Гавриловна, ты слышишь меня?
— Не слышу, — ответила Евдокия Гавриловна.
— Ну, всё равно! — сказал Гвоздарев. — А что, если, сказать, мы с тобой организуемся вместе, или, как говорится, будем служить у пушки в одном расчёте? У нас одних ребят с тобой на целый расчёт орудия хватит, да ещё мы с тобою двое...

Евдокия Гавриловна покраснела в сумраке сарая; фонарь стоял далеко от неё; он был возле Гвоздарева, лежащего под мотором. Ей нравились слова Антона Гвоздарева; всю ночь она слушала его невнятное бормотанье с ясным, однако, для неё смыслом. Что ей было ответить ему? Человек он, может быть, и хороший, да всё же незнакомо было, каков его характер, а у неё трое детей. Про

любовь, по первости все люди добры и хороши, неизвестно только, как из них потом злодеи рождаются. Однако уже за то, что он робко, но добросердечно сказал ей, что любит её и желает жить с ней одним семейством, Евдокия Гавриловна была благодарна ему, и душа её оживилась навстречу этому человеку; тот, кого любят, всегда чувствует своё счастье, даже если любят его тщетно и бесполезно, потому что от другой любви увеличивается достоинство и сознание ценности своей жизни, — жизни, которая нужна не только себе, но и другому.

Через несколько минут Евдокия Гавриловна подала Гвоздареву нужную деталь и близко склонилась к нему. Глаза его радостно смотрели на неё, он опять что-то говорил, но он ей так не понравился теперь, что она отвернулась и отошла от него, чтобы не почувствовать ненависть к нему.

— Ты что, Гавриловна? — не понимая, спросил Гвоздарев.

— Ничего, — поняв себя и его, ответила Евдокия Гавриловна. — Ты же за сыном идёшь, у тебя сын в сиротстве живёт, а ты встретил бабу-вдову и про сына забыл!.. Где ж в тебе человек, какое к тебе уважение? Мужик в тебе соскучился...

Гвоздарев вскочил на ноги. «Суровая, с характером, — увидел он Евдокию Гавриловну, — эх, хороша, и почти что правду ведь говорит!»

— Ишь ты какая! — сказал он. — Да сына-то я прежде всего найду, без него и жизни моей не быть!

— Вот и найди его сначала, а то я его скорее тебя найду...

— Да я нынче же в Москву поеду, я в главную контору по розыскам там обращусь. Там уж, где ни есть, найдут его.

— Поезжай, конечно, чего тут топтаться, — дала совет Евдокия Гавриловна. — Сегодня от нас в МТС полутонка пойдёт, а оттуда верста до станции.

— Ладно, ладно, солдату всё ясно, — отчуждённо сказал Гвоздарев. — А к вам-то можно наведаться тогда: узнать хоть, как машина теперь будет тянуть, как жизнь у вас тут пойдёт...

— Можно, отчего нельзя! — согласилась Евдокия Гавриловна. — Ты меня не обидел, и я тебе рада буду...

Вскоре к сараю-депо подъехал грузовик, и шофёр спросил:

— Гавриловна, тебе чего в МТС нужно? Говори, не держивай!

С этой машиной Гвоздарев отправился к станции железной дороги и далее, в Москву, а Евдокия Гавриловна

отмыла руки и пошла к себе домой, чтобы проведать детей, а затем снова вернуться сюда — выводить машину на пашню.

Дети её спали, и она не стала их будить. Она собрала им завтрак — молоко, хлеб, солонину, варёный картофель, — сама поела и ушла работать. До вечера она пахала. Машина теперь тянула ровно и мощно, расчётливая работа водяной системы сэкономила горючее, и Евдокия Гавриловна вспоминала Гвоздарева: у мужика была правильная, думающая голова...

Поздно вечером Марья сказала матери, что в прошедшую ночь мимо их села гнали скот из государства в деревню Шать и к ним в избу приходил мальчик-пастух, он попросил соли для хворой племенной матки, Марья дала ему одну горсть, а он ещё попросил, да им самим нужна соль, она больше не дала.

Евдокия Гавриловна слушала старшую дочь и улыбалась, а затем ещё раз спросила про этого мальчика, который приходил за солью.

— А как его зовут, не Алёшка ли? — спросила мать. Марья поглядела на мать.

— Алёшки не было... Этого, должно, Ванькой зовут.

До деревни Шать было всего восемнадцать вёрст. На другой день Евдокия Гавриловна выбрала время и поздно вечером пошла пешей в ту деревню; она дошла до Шати ещё затемно и подремала на околице деревни до рассвета.

К полудню она возвратилась домой и привела с собой за руку большого мальчика, Алексея Гвоздарева.

Через месяц или немногим более, уже в начале лета, как только стемнело, в окошко Евдокии Гавриловны постучал прохожий человек. Огня хозяйка ещё не зажигала, в избе было сумеречно, и хозяйке было некогда обернуться к окошку: она мыла над тазом голову мальчика и сейчас смывала мыльную пену с волос Алексея и с его лица.

Прохожий больше и не постучал. Он прильнул к оконному стеклу и всматривался внутрь сумеречной избы; он увидел, что делает Евдокия Гавриловна, он увидел, как под её руками проясняется бледное, прекрасное лицо его сына.

Гвоздарев давно хотел счастья, и вот теперь он был счастливым, и счастье его оказалось посильным житейским делом. Всего десять шагов да открытая дверь служили ему помехой к счастью, и он побоялся их пройти. Он сел на завалинку и закурил; пусть и для радости будет отсрочка, так оно для человека надёжней.

● Вопросы и задания

1. Как вы понимаете название рассказа «Житейское дело» и его подзаголовок «Следом за сердцем»?
2. О чём думала мать, глядя на своих детей? Обратим внимание на привычное для Платонова построение размышлений героя («...без отца, как и без матери, душа ребёнка живет полугодная»). Пришедший ночью путник говорит: «Дело у меня неотложное, я и во тьме иду»).
3. О какой беде рассказал прохожий человек?
И снова слышим особую речь платоновских героев («Я весь теперь неспособный стал, а прежде я был умелый, я ко всякой работе прилежный был, и в части мне цену знали»).
4. Без чего он не может жить?
5. Как отреагировал гость на слова Евдокии Гавриловны («Доброто из жизни приходит, а жизнь из пищи...»)?
6. О чём говорили дети? Почему они рассуждают как взрослые? В чём заключался спор двух механиков?
7. Вспомните, как Марья читала книгу («...она забыла про себя и жила не своей жизнью, и счастье сочувствия людям и предметам, о которых написано было в книге, тревожило и радовало её сердце»). Что хотел описанием такого чтения сказать о Марье писатель?
8. Как нашёлся Алёшка? Можно ли предположить, что впоследствии у них сложится счастливая семья?
9. Чем герои этого рассказа похожи на других героев Платонова? Как в труде и во взаимоотношениях друг с другом писатель показывает характеры своих персонажей? Какие они? Расскажите о них.

Викторина

1. Что сказал К. Паустовский об А. Платонове? (См. учебник для 7 класса, эпиграф к рассказу о Платонове.)
2. Кого считают литературоведы любимыми героями писателя?
3. Когда и для кого написал Платонов сказку-быль «Неизвестный цветок»? О чём она?
4. Какого героя упрекали за непохожесть («Да что ты такой блаженной, непохожий ходишь тут»)? Кто говорил, что он «тоже всему свету нужен» и что без него тоже нельзя?
5. В каком рассказе Платонова герой все неодушевлённые предметы принимал за живых людей? Почему так происходило?
6. Какой платоновский рассказ начинается с того, что рано утром мать уходила со двора в поле на работу?
7. Назовите все известные вам рассказы Платонова.

8. В каком рассказе А. Платонова повествуется о Юшке? О чём этот рассказ? Как бы вы сформулировали ответ одним предложением?
9. Когда и где родился Платонов?
10. Как возник псевдоним *Платонов*?
11. Название какого рассказа А. Платонова можно поставить эпиграфом к его творчеству: «В прекрасном...»?
12. Какая платоновская фраза стала знаменитой: «Без меня народ...»?
13. Как называется последнее произведение А. Платонова — сказка-притча о цветке, выросшем среди камней?
14. На малой родине писателя поставлен памятник; на доме, где А. Платонов прожил 20 лет и умер, висит только мемориальная доска. Где это?

Ответы на вопросы викторины

9. В 1899 г. в Воронеже. 10. По имени отца — *Платона*. Настоящая фамилия — *Климентов*. 11. «...и яростном мире». 12. «...неполный». 13. «Неизвестный цветок». 14. В Воронеже — памятник, в Москве — мемориальная доска.



ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ 1924—2001

Начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своём детстве, о селе родном, о его обитателях, о дедушке и бабушке... Рассказы писались легко, быстро, радуя сердце. С явлением рассказов «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах» я понял, что из всего этого может получиться книга. И она получилась... Но жизнь шла вперёд, и я вместе с нею куда-то двигался, съездил, и не раз, в Сибирь, на родину, побывал на Енисее, на Оби...

Продолжались раздумья, воспоминания, продолжалась во мне книга. Книга «не переросла детства». Как его перерастёшь? Оно вечно с нами, со своим вечным, прекрасным, радостным обликом и звонким голосом.

В 1980 году я переехал жить на родину и уже через год-другой почувствовал, что моя заветная книга снова

«зашевелилась» во мне — я заметил в ней неточности, неизбежные оттого, что писалась она вдали от «натуры», ощутил пропуски в книге и какие-то упущения в памяти...

И снова, с радостью, с тем удовольствием, какого мне не доставляла работа ни над одной моей книгой, принялся я за «Поклон».

Из статьи Виктора Астафьева

ЯШКА-ЛОСЬ

(С сокращениями)

Мать жеребёнка Яшки — вислогубая справная кобыла Марианна. Какими путями достигло такое благозвучное имя далёкого уральского села, затерянного в лесах за Камским морем, и прилепилось к кривоногой пегой кобыле — большая загадка.

Сельское предание гласит, будто в ту пору, когда Марианна ещё была жеребёнком и никакого имени не имела, приезжала в село не то из Молдавии, не то с Камчатки свояченица¹ бригадира, девица в тёмных очках и жёлтых штанах, и она-то нарекла от скуки кобылу именем, которое иначе, как с насмешкой, селянами не произносилось.

И вбила ли себе чего в голову Марианна, заимевши нездешнее имя, принимала ли его за издевательство, а скорей всего от природы она характерная и потому проклята всем населением заречной деревушки от мала до велика.

Неделями, иногда месяцами возила Марианна сани с вонючим силосом либо с дровами, но вдруг на неё находило, и тогда она являлась к конюшне с оглоблями, оставивши где-то в лесу возницу, сани и всё, что было на санях. Являлась и ждала, когда конюх, опасливо сторонясь, снимет с неё сбрую и поскорее загонит в отдельное стойло, потому как об эту пору Марианна норовила всех лошадей перелегать, взвизгивала по-пороссячи, крушила ногами заборки, кормушку и всё, что ей попадалось на глаза.

Бывало, когда Марианна не дурит и во благополучии находится, посадит конюх ребятишек на прогнутую уместительную спину её штук по пяти, и она бережно несёт их к долблёной, зеленью взявшейся колоде, что под струйкой ключа уже лет сто, а может, и больше мокнет.

Неторопливо тянет воду Марианна, сосёт её губами, а ребятишки подсвистывают протяжно, чтобы слаще пилось лошади. Попьёт, попьёт Марианна, голову поднимет,

¹ *Свояченица* — сестра жены.

осмотрится, подумает и, ровно бы сама себе сказавши: «Да пропадите все вы пропадом!», брыкнет задом, ссыплет с себя ребятишек и ударится бежать неизвестно куда и за чем. Хвост у неё трубой, глаза огонь швыряют. Бежит она, бежит и в чей-нибудь двор ворвётся, выгонит корову, размечет животных и птиц, устроится в стайке, съест корм и стоит, вроде бы проблемы какие решает. И не выгонишь её с подворья. Надоест — сама выйдет, и отчего-то не воротами двор покинет, а непременно махнёт через забор и отправится к конюшне, ещё издали голосом давая знать конюху: мол, иду я, иду!..

Такая вот мама была у жеребёнка Яшки.

И с родным дитём Марианна обходилась по-своему. То всего заласкает, зубами ему нежно всю гриву переберёт, голову ему на спину положит и успокоенно дышит теплом. А то и к вымени не подпускает, не кормит его, визжит, как сварливая баба, отгоняя сына от себя.

Яшка — парень ласковый, ручной, таскается за Марианной, молока требует, внимания к себе и ласки материнской. Лезет с голодухи к другим лошадям жеребёнок-несмышлёныш, тычется в брюхо без разбору. А его лягают кобылы, люто скалятся табунный жеребец.

Совсем замордовали Яшку лошади, и стал он от табуна потихоньку отбиваться. Сначала поблизости бродил, а потом дальше и дальше в лес отклоняться начал...

И однажды Яшка не вернулся с пастьбы домой. Его искали по лесам, по речкам, все старые покосы обошли — нет Яшки, ушёл он из села и от тесной конюшни, покинул маму Марианну.

Волки в этой местности не водятся, рыси есть, правда, и медведи есть. Но рысь с Яшкой не совладеет. Может, задрал голодный медведь Яшку либо в колдобину провалился он и пропал?

Марианна раскаялась в своём поведении, бегала вокруг деревни, звала Яшку. Но он не откликался из лесов. Переключилась Марианна на других жеребят, воспитывать их начала, кормить молоком и ласкать зубами, из-за чего дралась с кобылами.

Летом, когда пошли грибы, ягоды и по речке стали бродить рыбаки за хариусами, в заболоченных местах обнаружили они следы лосихи и лосёнка, но только след лосёнка больше напоминал лошадиные копытца.

Как-то приехал в село лесник с дальнего кордона и сказал, что есть в его обходе осиротелая лосиха — во время грозы и ветровала придавило у неё лосёнка лиственницей, и долго металась мать по округе, искала дитёнка. Она-то скорей всего и приголубила Яшку.

Кто поверил этому, кто посмеялся, посчитавши такое предположение досужей небылицей. Ближе к осени пошли лоси на водяную траву и держались у речки. Чаще и чаще стали попадаться широкие следы лосихи и рядом, уже глубокие, чётко пропечатанные, следы лошадиных копыт.

Увидели Яшку деревенские ребяташки, бравшие у речки черёмуху. Он вышел из пихтача на поляну со старой комолой¹ лосихой и остановился чуть в отдалении, изумлённо глядя на людей. Лосиха потрясла головой и выпрямила уши. Яшка, с гривой и хвостом до земли, переступал сильными, пружинистыми ногами, готовый прыгнуть в сторону и исчезнуть в пихтаче. Он уже окреп и напоминал подростка с налившимся телом и мускулами, но ещё вовсе не сложившегося.

— Яшка! Яшка! — позвали ягодники.

Угадали они его по светлой проточине, стекающей со лба до храпа из-под спутанной чёлки, да по жёлтой, былинно отросшей гриве и хвосту. Взгляд у Яшки чужой, мускулы комьями перекатываются под кожей, натянут он весь, напружинен.

— Яшка! Яшка!

Протягивая ломтик хлеба, несмело двинулись ребята к Яшке.

Яшка поставил зайчиком уши, заслышав своё имя, но, когда люди стали подходить ближе, вытянул по-змеиному шею, прижал уши, захрапел и грозно кинул землю копытами.

Лосиха загородила Яшку, оттёрла его в пихтач и увела за собой.

В глуби леса, на травянистой гриве, Яшка остановился, задрал голову к вершинам лиственниц и пустил по горам протяжный крик. Был его голос высок, переливчат и свободен, как у птицы.

Преследовали Яшку колхозники долго, видели издали не раз, но он не подпускал людей к себе, и поймать его не могли.

Осень пришла, начались свадьбы у сохатых, и лосиха покинула Яшку, ушла на угрюмый призыв быка, стоявшего в густых зарослях ольховника, запутанного бражно пахнущим хмелем. Яшка по следу вынюхал лосиху и сунулся в спутанный хмель. Но долговязый бык с налитыми кровью глазами так шугнул непрошеного гостя, так за ним гнался и ревел, что мчался Яшка вёрст пять без передышки, треща валежником, ломая кусты и тонкие деревца.

¹ *Комóлая* — безрогая.

Потерял и вторую мать Яшка.

Подули холодные ветры. Облетел лист. На траву стал падать белый иней. Болотца и речку в затишьях ночами прихватывало ледком. Обеспокоились птицы, в стаи сбились и с протяжными криками двинулись в дальний путь. Шерсть на Яшке сделалась густа и длинна, даже ноги до самых копыт взялись мохнатым подпушком. Так вот у боровой птицы к снегу и холодам обрастают лапы — сама природа утепляет жителей своих, и Яшку она тоже утеплела. Несколько раз ещё Яшка находил старую лосиху в поределой тайге. Но она не узнавала его и не подпускала к себе. Одинокó сделалось Яшке в притихшем, сиротски раздетом лесу, потянуло его к живой душе, в тепло потянуло, и он начал спускаться с гор вниз по речке и однажды оказался у загородки, обнюхал её — жерди пахли назьмом, конской и коровьей шерстью, а из-за поскотины наносило дымом.

Яшка двинулся вдоль загороди, часто вскидывал голову, прислушивался. Больше и больше попадалось в траве конских, коровьих и козьих следов. Трава была выедена, выбита копытами и загажена лепёшками. Яшка брезгливо фыркал.

У запахнутых ворот поскотины он нерешительно остановился, втянул дрожливыми ноздрями воздух и среди многих запахов выделил один — запах сухой, приморённой травы. Он пошёл на этот запах, будто по протянутой нитке, и среди поляны увидел тёмный, засыпанный палыми листьями зарод.

Яшка подошёл к зароду, начал торопливо теревить из него сухой клевер и жадно хрумкать. За поляной, по скалистым берегам над речкою темнели зароды, много зародов, и над ними столбился дым, слышались там людские голоса, стук топора, собачий лай и много другого, нетаёжного шума было там. Он тревожил Яшку и о чём-то ему напоминал.

Яшка натоптал объеди и стал спать возле смётанного клевера, а днём отходил в лес.

Здесь его снова увидели ребятишки, молча оцепили. Он стоял в кругу притихших ребятишек, длиннохвостый, мохнатый, с узкой диковатой мордой, и, чуть слышно похрапывая, по-звериному обнажал зубы. Оробели ребятишки, отступили, и Яшка хватил в лес, умчался, треща валежником.

Но голод выгнал его снова к селу, и снова пришли ребятишки, стали протягивать ему клочья сена, хлеб. Привыкая к людям, Яшка не скалился, не храпел, но еду из рук не брал.

Один раз, выйдя из-за поскотины, остановился Яшка — в ноздри его ударил вонючий запах. Долго кружил Яшка, не решаясь подходить близко к сену. На сенной объеде кто-то лежал, храпя, что-то наговаривая и ругаясь. Далёкий проблеск памяти мелькнул: табун лошадей разбродно тащится за человеком, который, шатаясь, идёт по полю. Он то падает, то долго поднимается — сначала на четвереньки, а потом уж как полагается человеку. Но сражает его усталость, и он валится окончательно, а лошади, рассыпавшись, пасутся вокруг пластом лежащего человека, и среди них жеребёнчишко ходит, любопытно вытягивает шею, слушает, как всхрапывает и ругается поверженный человек.

Яшка подошёл к зароду. По запаху, по разорванной на груди рубахе, по лохматому волосу на голове узнал его — это был ругливый, шумный человек, но лошади почему-то любили его. Никто не любил, а лошади любили. Может быть, потому, что с раннего возраста привыкали к нему пьяному, с людьми грубому. И с ними, с лошадьми, он обходился не лучше — ругал их, но кормил и разговаривал так, будто все они должны были его понимать.

Человек проснулся, сел и потряс головой. Яшка отскочил сажени на три, боком встал, повернул голову.

— Ты где шляесси? — спросил человек. — Ты что об себе понимаешь, иуда? Значит, я за тебя отвечай, а ты, значит, вольничаешь? — Яшка запрядал ушами, переступил, и это не понравилось человеку: — Пляшешь, пала, танцуешь? А робить кто будет? — Тут человек вскочил с земли и с кулаками бросился на Яшку. Яшка отбежал, остановился. Человек грозил ему кулаком, ругался, а потом сказал: — Сам придёшь, пала, сам! Голодуха тебя, бродягу, домой пригонит! — И ушёл, хромая на обе ноги, разговаривая сам с собою. Вместе с ним уплыл и тяжёлый болотный запах. <...>

Вскорости мороз ударил, взнялась первая метель.

Яшка пришёл в деревню. Сам пришёл. Остановился среди улицы, протяжно заржал.

— Лови его, змея! — закричал бригадир.

Прибежали люди. Яшка шарaxнулся от них, но его поймали арканом, и Яшка чуть было не задавился, ошалев от страха, криков и петли, больно сдавившей горло.

Бригадир схватился за удавку, ослабил её, и, когда Яшка отдышался, водворили его в тёмную и душную конюшню, пнув напоследок в пах. Яшка кричал, метался в стойле и ничего не ел. Тогда бригадир ещё раз громко заругался и подпустил к нему Марианну. Сын с матерью

долго бились в тесном стойле, но потом привыкли друг к другу, обнюхались и ели из одной кормушки овёс и сено.

С Марианной и на улицу выпустили Яшку. Он ударился в лес бежать, но в первом же овраге ухнул по брюхо в снег, забился там бешено, потом, обессиленный, осел в сугроб и запришлёпывал плачущими губами.

— А-а, морда беспачпортная! В лес тебе, в ле-ес! Я те покажу ле-ес! — закричал бригадир и погнал Марианну. Та деловито спустилась в овраг и, где лягаясь, где боком подталкивая, выдворила блудного сына на дорогу.

Гриву и хвост Яшке подстригли, длинную шерсть прочесали скребком и попробовали объезжать. Многих наездников поскидывал с себя Яшка, не раз в бега пускался, но бескормная зима, снега глубокие загоняли его обратно в село.

А когда взгромоздился в седло бригадир, Яшка присмирел, не решился сбросить человека с худыми ногами. Он позволил надеть на себя узду, хотя и кровенил железные удила, пробуя их перегрызть.

— Вот так вот! — самодовольно сказал бригадир. <...>

Однако в санях и телеге так и не стал ходить Яшка. Он побил почти весь колхозный гужевой инвентарь, и на него рукой махнул даже бригадир.

Верховой лошадью сделался Яшка. Называли его теперь на селе Яшкой-лосем, любили за красоту, но побаивались жеребца, потому как дикий его характер обнаруживал себя. В колхозном табуне он сделался вожаком, и даже сама Марианна относилась к нему с почтением.

Ездил на Яшке чаще всего главный заречный начальник — колхозный бригадир. Отправится он смотреть дальние поля либо нарезать покосы, и мчится Яшка, как полевой ветер, стремительно, без рывков, но вдруг застопорит, остановится разом, и летит тогда ласточкой через голову жеребца выпивший и сонный бригадир. А Яшка втянет воздух с прихрапом, вслушивается в тайгу, заржёт длинно, переливчато — и голос его летит по горам, повторяясь в распадках, закатится в таёжную даль, замрёт где-то высоко-высоко.

Кого, Яшка, зовёшь? Кого кличешь? Старую лосиху? Но она бродит по тайге со своим уже дитём, ушастым сереньким лосёнком. Или тайгу пытаешь — примет ли она тебя снова? Не примет, Яшка, не примет. У тайги свои законы. В тайге живут вольные птицы, вольные звери. Они сами себе добывают корм, сами себя пасут и охраняют. Им нет дела до тебя, пищу и тепло от людей принимающего.

Позвякивают удила, стучат кованые копыта о коренья. Мчится жеребец с седоком на спине, и лопочут листья над его головой, таежный, папоротный запах тревожит его нюх, дурманной прелью мутит и хмелит ему голову, ветер шевелит жёлтую гриву и гонит, гонит Яшку в потаённую темень краснолесья.

Всё отрадней и громче фыркает Яшка, выбрасывая из ноздрей стоялый дух конюшни. Всё громче стучат его копыта. Всё звонче ветер в ушах. Всё стремительней его бег. Ликует сердце Яшки, и кажется ему — никогда уж он не остановится, а всё будет лететь и лететь по бескрайней тайге, вдыхая её животворный дух, и всё в нём будет петь, радуясь раздолью, свободе и живому миру.

Так вот и жил двобоатый Яшка своей лошадиной жизнью и дожил до тянучей весны, о которой, как о плохом лете, говорят: «Два лета по зиме, одно само по себе». Та весна была сама по себе. Она взялась вымещать за осень, в которую до Дня Конституции ходили по Камскому морю порожние пароходы меж зябких, мокрым снегом покрытых берегов.

Уже в конце февраля на припёках прострелились почки на вербах, и белым крапом мохнатых шишечек осыпало угревные опушки леса. В марте дохнуло сырым ветром с юга, быстро съело нетолстый слой снега на льду моря и погнало по нему волну так, что издали море казалось уже полым. Вода быстро проела щели во льду и ушла под него. Проплешистый голый лёд начал нехотя пропадать и стачиваться. Но крутыми мартовскими утренниками он делался стеклянным, и тогда катались по нему на коньках ребятишки, развернув полы пальтишек, как паруса, и гоняли ошалевшие от простора пьяные мотоциклисты, падая и увечась.

— Рано началась весна — на позднее наведёт! — говорили селяне. Так оно и вышло.

Не раз ещё покрывало лёд на море метелями и снова сгоняло снега тёплым ветром. Солнца было мало, и дожди не шли. Худой лед угрюмо, пустынно темнел от берега до берега, не давая никакого хода никому.

Отрезанные от кирпичного завода неезжалым и даже для пеших людей непригодным льдом, бедовали селяне праздники без вина. <...>

Бригадир достал с полатей старый, ещё с войны привезённый бинокль с одним выбитым стеклом и глядел на другую сторону Камского моря, где бойко дымил трубою кирпичный завод. <...>

Второго мая рано утром он заседлал Яшку и погнал его на лёд. Жена бригадира, ребятишки его и вся бригада об-

лепили коня. Схватили бабы Яшку кто за узду, кто за гриву — не давали ему хода. Яшка, напугавшись криков, плача, многолюдства, голо чернеющего источенного льда с промоинами у берегов, храпел, пятился. А бригадир, осатанелый от трезвости, лупил кнутом Яшку, и жену, и детей да и отбился от народа — раскидал его и бросил Яшку вперёд.

Яшка встал на дыбы, всхрапывая, плясал у промоины на камешнике, выкатив ошалело глаза. Но вдруг сжался пружиной, хакнул ноздрями, рысиным прыжком перемахнул промоину и, вытянувшись шеей, как птица в полёте, понёс бригадира. Он не шёл, он слепо летел по горбому выгнувшейся рыжей зимней дороге, порванной в изгибах верховой водою, касаясь её копытами так, будто жглась дорога.

Возле дороги стояли вешки. Иные из них уже вытаяли, упали, и там, где были стерженьки деревьев и веток, проело дыры во льду. С говором и хрипом катилась вода в лунки, закруживая воронками мокрый назём, щепу и сажу, налетевшую на лёд из трубы кирпичного завода.

Не шарахался Яшка от живых, вертящих пену и сор воронок, от зевасто открытых щелей с обточенным водою губастым льдом, а перемахивал их, весь вытянувшись, весь распластавшись в полёте. Или бег увлёк жеребца, или поверил он в опору, но ослабился, понёс седока ровным наметом, скорее, скорее к другому берегу, до которого было версты три, а может, и четыре.

Он не прошёл и половину дороги. Лёд мягко, беззвучно, как болотина, просел под ним. Таёжный инстинкт сработал в Яшке раньше, чем он испугался. Яшка рванулся, выбросил себя из провала, поймался передними копытами за кромку полыньи, закипевшей под ним, зашевелившейся водою и обломками льда. Бригадир скатился через голову Яшки на лёд, пополз от него, вытягивая жеребца за повод.

Яшка задирает голову, тянулся на поводу, звенел удилами, но лёд, как чёрствый хлеб, ломался под ним ломтями. Бригадир, лёжа в мокроте, всё тянул и звал сиплым, осевшим голосом:

— Яшка, ну! Яшка, ну! Осилься! Осилься! Ну, ну, ну!..

Яшка крушил копытами лёд, рвался на призывный голос человека, выбрасывал затяжелевшее от мокроты тело своё наверх. Он, будто руками, хватался копытами за лёд, скрёб его подковами, храпел, и что-то охало в нём от напряжения и борьбы. По-кошачьи изогнувшись, он выполз из полыньи до половины. Ещё одно усилие, и выбрался бы Яшка, но в это время свернулось и упало ему под брюхо

седло, брякнув по льду стремянами. Яшку сдёргивало в воду. Скрежетали, цеплялись яростные копыта за кромку полыньи, резало льдом шерсть, кожу на ногах, рвало сухожилия. Лёд свинцово прогнулся и осел под Яшкой. Он ухнул в холодное кипящее крошево с головою. Его накрыло всего, лишь всплыла жёлтая грива, и рвало её, пугало резучими комьями льда.

Над Камским морем, над Яшкой, бултыхающимся в полынье, над бригадиром, который размотал и сбросил ременный повод с кулака, чтобы и его не стащило в ледяной провал, вертелся и пел жаворонок. Метались далеко люди в цветастых платках, и зеленовато-серым туманом качался косогор за исполосованным вешними ручьями глинистым яром.

Яшка ещё раз, последним уже усилием, выбил себя из воды, взметнулся пробкою и закашлял, выбрасывая ноздрями воду и кровь. Бригадир уже не звал его, не кликал. Он отползал от Яшки всё дальше и дальше и, безбожный, давно не только молитвы, но и всё человеческое утративший, повторял сведёнными страхом губами:

— С-споди, помилу... с-споди, помилу...

Яшка увидел мерцающий вдали берег с затаившимся снегом в логах, темнеющий лес по горам, услышал жаворонка и заплакал слезами, а заплакав, крикнул вдруг пронзительно и высоко. И услышал издали, с берега:

— Я-ашенька-а-а!

Вода тянула его вглубь, вбирала в себя, подкатывала к горлу, сдавливала дых и пошла в губы, подёрнутые красной пеной, в оскаленный рот, хлестанула в ноздри и вымыла из них бурый клуб крови.

Тяжко упала узкая голова жеребца, разом, будто пережавевшая, сломилась его шея. Вот и круп залило, и спину сдавило водой, комья разбитого льда выкатывались наверх, и крутило их в полынье.

В глазах Яшка унёс далеко синеющий окоём, леса, качающиеся по горам, голый берег с пробуждающейся травой и рассечённое облако, в которое ввинтился жаворонок, — всё ушло к солнцу и расплавилось в нём.

Ещё какое-то время желтела мокрая грива на ноздрястой пластушине льда, ещё кружило воду и мусор в полынье — это в последних судорогах бился жеребец Яшка, погружаясь вглубь.

Сползла, стянулась со льдины и жёлтая грива. Мелькнула ярким платом и исчезла, оставив на льду клочья обрезанных волос.

Наверх мячиками выкатились и лопнули пузыри, взбурлило раз-другой, и все успокоилось, стихло, и запошенная полынья сомкнулась над Яшкой.

Всё так же бился, трепетал жаворонок в небе, светило ярко солнце, рокотали и мчались из логов снеговые ручьи и курился дымком лес на горах. А на берегу с визгом, плачем, с мужицкими матюками били бабы бригадира. Мокрый, драный, он катался по земле и взывал, как о милости: — Убейте меня! Убейте меня!..

Жена не дала забыть его насмерть, отобрала мужа, которому уж и не рада была и намаливала ему смерти. Но вот дошло до неё, до смерти-то, она устрашилась, ползала на коленях по земле, молила освирепевших баб, заклинала их и успевала вырывать из рук дреколье, которое поувесистей.

Она спрятала избитого мужа на сеновале и носила ему туда еду, покудова село не успокоилось.

Через неделю сошёл-таки лёд с Камского моря, осел, затонул, растворился. Началась весенняя страда, и бригадир, снова пьяный, на другой уже лошади, ездил по полям заречным императором, крыл сверху всех по делу и без дела и, если ему напоминали о Яшке, скорее скрывался с глаз долой, грозясь и стегая лошадь.

А Яшку вынесло верстах в пяти ниже села на песчаный обмысок. Над ним закружились вороны, стали расклевывать его. Обмысок, на который вынесло Яшку, был возле пионерлагеря, и когда готовили его к сезону, то закопали Яшку в песок, а вскорости гидростанция начала копить воду, сработанную за зиму, и обмысок покрыло вместе с Яшкой, и он навсегда исчез от людей.

Бригадира отдали под суд, но на вызовы в суд он не являлся: то был пьян, то занят, и так вот проволынил лето.

Осенью вышла амнистия, и дело о погублении коня Яшки-лося было закрыто.

● *Поразмышляем над прочитанным*

1. Какие произведения В. П. Астафьева вы прочитали в 5—8 классах? Какие из них вам показались особенно интересными? Кто герои этих рассказов?
2. Какова история Яшки-лося? Расскажите её.
3. Подумайте, какие описания, отдельные слова и словосочетания помогают представить особый мир деревни (обратите внимание на словосочетания: *имя... прилепилось к кривоногой пегой кобыле, нездешнее имя, крушила ногами заборки, уместительная спина, замордовали Яшку, задрал медведь, ломтик хлеба, прострелились почки на вербах*).

4. Как Яшка-лось отстаивал свою свободу? Расскажите об этом, зачитывая фрагменты из текста рассказа.
5. Почему бригадир так лютовал, так грубо обращался со своей семьёй и односельчанами, с Яшкой-лосем?
6. Как утонул Яшка? Кто виноват в этом? Как отнеслись к его гибели бригадир и односельчане?
7. Как вы думаете, что хотел сказать писатель своим рассказом? Против чего выступить, что осудить? Какие чувства и размышления вызвал у вас рассказ В. П. Астафьева?

Викторина

1. В какой семье родился В. П. Астафьев?
2. Как появился рассказ «Васюткино озеро»?
3. В каком рассказе В. П. Астафьева герой потерял затеси и заблудился?
4. В каком рассказе бабушка привезла из города пряничного коня с розовой гривой? Почему он был так дорог герою, что тот не забывал его никогда?
5. Почему герой рассказа «Яшка-лось» кричал односельчанам: «Убейте меня! Убейте меня!..»? В чём он был виноват?
6. Какое произведение В. П. Астафьева кажется вам особенно интересным? Что в рассказах писателя вы запомнили надолго?

Если вы затрудняетесь с ответами на викторину, вы можете найти их в справочной литературе и Интернете.

РОДНАЯ ПРИРОДА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ

Рассмотрите репродукции картин художников-пейзажистов (с. 251—252), прочитайте стихотворения о родной природе. Подумайте, какие стихотворные произведения перекликаются с пейзажами, изображёнными художниками, каким настроением автора проникнуто каждое из живописных и поэтических произведений.



**ИВАН САВВИЧ
НИКИТИН**
1824—1861

* * *

Ярко звёзд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.
В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.
Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведён костёр.
По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.
Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьём свистит.
Песне отвечает
Коростель в лугах.
Песня замирает
Далеко в полях...
Золотые нивы,
Гладь и блеск озёр,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звёзды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

1. Какую картину рисует Никитин?
2. Какие рифмы использует поэт? Какой способ рифмовки соблюден в стихотворении?
3. Какие строки стихотворения говорят о том, что природа пробудила в поэте особые чувства?
4. Какие художественные изобразительные средства использует автор для создания картины ночи?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

1803—1873

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!»

Весна идёт, весна идёт!
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набезжит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, —



И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый жёлтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

● Вопросы

1. Как возникает картина летней бури? Какой вы её себе представляете?
2. Какие тропы помогают создать эту картину (*прах летучий, гроза... набежит, дубрава задрожит, лесные гнутся исполины, ропщут... вершины* и т. д.)?
3. Весёлая или грустная эта картина? Какое настроение поэта она передаёт?

* * *

Как хорошо ты, о море ночное, —
Здесь лучезарно, там сизо-тёмно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звёзды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

● Вопросы

1. Какие чувства переживаются поэтом при созерцании ночного моря?
2. Какие цветовые переходы движения волн создают праздничную картину ночного моря?
3. Какие рифмы использует поэт? Как он их чередует? Как вы думаете, какие художественные задачи помогает решать именно такая рифмовка, именно такой ритм?

Обвеян вещею дремотой,
 Полураздетый лес грустит...
 Из летних листьев разве согый,
 Блестя осенней позолотой,
 Ещё на ветви шелестит...

Гляжу с участием умилённым,
 Когда, пробившись из-за туч,
 Вдруг по деревьям испещрённым,
 С их ветхим листьем изнурённым,
 Молниевидный брызнет луч!

Как увядающее мило!
 Какая прелесть в нём для нас,
 Когда, что так цвело и жило,
 Теперь, так немощно и хило,
 В последний улыбнётся раз!..

● *Вопросы и задания*

1. Какое настроение передаётся поэтом?
2. Какие эпитеты помогают увидеть красоту осени?
3. Обратите внимание на своеобразную строфику стихотворения, необычное чередование рифм, создающее особую мелодию стихотворения. Как вы можете охарактеризовать эту мелодию?
4. Перечитайте стихотворения А. С. Пушкина «Осень» и Ф. И. Тютчева «Обвеян вещею дремотой...». Какие общие настроения, мысли, состояния лирического героя объединяют эти стихотворения? Сравните две поэтические фразы: «пышное природы увяданье» и «как увядающее мило». Как вы думаете, в какой из них больше грусти, а в какой — жизнеутверждения?
5. Постарайтесь найти книгу «Природа в произведениях русских поэтов» В. Я. Коровиной и В. И. Коровина (М., 2009). Прочитайте наизусть стихотворение, известное вам. Выучите наизусть ещё 2—3 стихотворения одного или нескольких авторов.



**КОНСТАНТИН
СЕРГЕЕВИЧ
АКСАКОВ
1817—1860**

ВЕСНА

Краснеет лес, темнеют степи,
Весенний ветер потянул...
И тают ледяные цепи,
Везде движение и гул.

Отраднo мягок воздух; птица
Напев тревожный свой ведёт;
Надеждою сияют лица:
Зима прошла, весна идёт.

Весна идёт! Но власть не скоро
Зима свою уступит ей.
И силой грозного отпора
Не раз смутит сердца людей.

Вдруг ветер с севера завоет,
Метель с морсом налетит,
И снова землю снег накроет...
Опять зимы суровый вид!

Но этот снег не страшен, — даром
Что вид зимы с собой несёт.
«То новый снег идёт за старым», —
Премудро говорит народ.

Не устрашат нас ни морозы,
Ни снег весеннею порой.
Простим бессильные угрозы
Зиме, идущей на покой!



«Берёзовая аллея
в Абрамцеве».
Худ. В. Поленов. 1880 г.



«Большая вода».
Худ. И. Левитан. 1897 г.

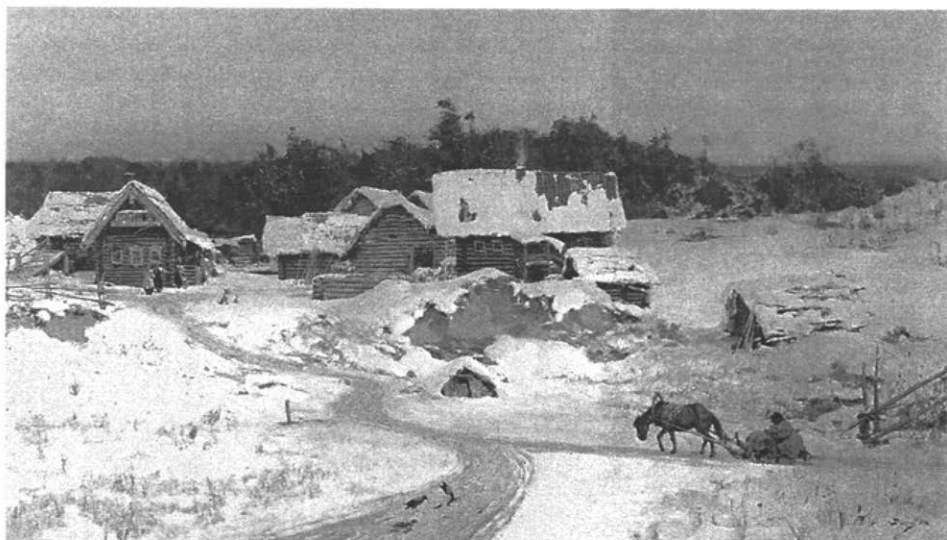
● *Поразмышляем над прочитанным*

Вы познакомились с двумя стихотворениями о весне — «Весенние воды» Ф. И. Тютчева и «Весна» К. С. Аксакова. В обоих стихотворениях речь идёт о конце зимы и наступлении весны. Зима в народных представлениях и в поэзии время сна природы, скованности, безжизненности. Весна — время пробуждения природных сил. Будем помнить об этом.

В стихотворениях встречаются даже одинаковые слова («весна идёт»). И всё-таки это очень разные стихотворения.

К. С. Аксаков пристально всматривается в природу и даёт её приметы («краснеет лес», «темнеют степи»). В стихотворении Ф. И. Тютчева признаки весны самые общие («Ещё в полях белеет снег», «А воды уж весной шумят»).

Картина Аксакова состоит из трёх частей: сначала рисуется радостный приход весны, затем возникает тревожное чувство, связанное с возвращением зимы, которая не сразу отступает перед напором тепла, но побеждает весна, а «бессильные угрозы» зимнего времени нестрашны. Кар-



«Зима. Имоченцы». Худ. В. Поленов. 1880 г.



«Среди долины ровныя...». Худ. И. Шишкин. 1883 г.

тина природы в этом стихотворении иносказательна: поэт думает о своей Родине, о народе, которые скованы «ледяными цепями», но непременно освободятся от сна. Впереди их ждут жестокие и суровые испытания («И силой грозного отпора / Не раз смутит сердца людей»). Однако поэт верит, что в конце концов народ преодолеет все препятствия на пути к счастью, к свету, свободе и даже простит зиме её несправедливую «власть».

Картины природы у Тютчева лишены иносказания, аллегории. Но мысль стихотворения созвучна мысли Аксакова. Победа весны в стихотворении Тютчева — это ликующий, неостановимый порыв, это обновление жизни, это стремление вперёд, которое приведёт к свету, теплу, принесёт веселье и радость. Тютчев изобразил весну пробуждающей природу, играющей, звонкой, полной задора и движения. Нет сомнения в том, что он тоже думал о России и постарался передать в стихотворении своё пожелание ей новых сил и процветания.

Так образами природы поэты сообщали читателям свои сокровенные мысли и чувства о родной земле.

Размышляя над стихотворениями о родной природе, будем помнить о том, что почти всегда поэт, рисуя картину природы, выражает свои чувства и мысли, настроения, которые иногда связаны с его личными печальями и радостями или с раздумьями о судьбах народа, страны, человека.

В. Коровин

• Вопросы и задания

1. Подготовьте выразительное чтение стихотворений, отметив разницу и сходство в изображении картин родной природы различными поэтами.
2. Какие приметы времени года отмечаются каждым автором?
3. Какие приёмы используются поэтами при описании (эпитеты, гиперболы, олицетворения, метафоры) и что этим достигается?
4. Какие художественные особенности использованы авторами для создания картин природы и выражения собственного настроения?
5. Какие картины рисует И. С. Никитин в стихотворении «Ярко звёзд мерцанье...»? Какими предстают небеса, месяц, разведённый косарями костёр, нивы, заливы, поля?
6. Проанализируйте настроение поэта в стихотворениях Ф. И. Тютчева «Как весел грохот летних бурь...», «Как хорошо ты, о море ночное...», «Обвеян вещею дремотой...».



**НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
ЗАБОЛОЦКИЙ**
1903—1958

СЕНТЯБРЬ

Сыплет дождик большие горошины,
Рвётся ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Значит, даль не навек занавешена
Облаками, и значит, не зря,
Словно девушка, вспыхнув, орешина,
Засияла в конце сентября.

Вот теперь, живописец, выхватывая
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.

Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце
С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.

* * *

«Мысль — Образ — Музыка — вот
идеальная тройственность, к которой
стремится поэт».

Н. Заболоцкий

Вспоминая эту мысль поэта, его сын, Никита Заболоцкий, в книге «Жизнь Н. А. Заболоцкого» пишет:

«Проиллюстрируем это программное положение кратким разбором стихотворения „Сентябрь“, написанного в начале осени 1957 года. В нём особенно искусно слиты воедино образная система и мысль художника... В основе стихотворения — вполне реальные вещи: тарусская осень, девушка — дочь Наташа, живущие по соседству художники, душевное возрождение автора. Движение образов происходит на двух уровнях: на небе — от ненастной погоды к лучу солнца, на земле — от куста орешины к улыбающейся заплаканной девушке. Обращают внимание живописность стихотворения, игра света и красок, в едином образе прорисованное деревце, девушка, молодая царевна... Вспыхнувшая осенними красками орешина и девушка с улыбкой на мокром от слёз лице начинают взаимодействовать теснее и глубже, напоминая о всеобщности материального и духовного мира, о слитности человека и природы, об одушевлённости куста орешника и о бессмертии человека в природе. И кажется, что в стихотворении „Сентябрь“ сказано не только о возрождении души поэта после пережитых страданий, но и о вечном возрождении мира в новых, жизнеутверждающих формах...

...В последней строфе „Сентября“ психологическое состояние молодой царевны гармонирует с озарённой солнцем, зыбкой в своей изменчивости орешинной, и это наложение образов заставляет задуматься уже не о материальном единстве, а о духовно-психологической связи природы и человека. Природа не только стремится к человеческому началу, но и заключает в себе нечто человеческое, постоянно рождающееся в борьбе стихий. Это начало — юное, радостное, совершенное в своей животворности и красоте».

● *Вопросы и задание*

1. Согласны ли вы с размышлениями сына поэта по поводу стихотворения «Сентябрь»?
2. Есть ли у вас свои рассуждения об этом стихотворении? Расскажите о них.
3. Воплощена ли в стихотворении идеальная «тройственность» — «Мысль — Образ — Музыка», о которых говорил Н. А. Заболоцкий?

ПЕСНИ О ЛЮБВИ НА СЛОВА ПОЭТОВ XX ВЕКА

А. ФАТЬЯНОВ

* * *

На крылечке твоём
Каждый вечер вдвоём
Мы подолгу стоим
и расстаться не можем на миг.
«До свиданья», — скажу,
Возвращусь и хожу,
До рассвета хожу мимо
милых окошек твоих.

И сады, и поля,
И цветы, и земля,
И глаза голубые, такие родные твои
Не от солнечных дней,
Не от тёплых лучей,
Расцветают от нашей горячей
и светлой любви.

Если надо пройти
Все дороги-пути,
Те, что к счастью ведут,
Я пройду — мне их век не забыть.
Я люблю тебя так,
Что не сможешь никак
Ты меня никогда,
никогда, никогда разлюбить.

М. ИСАКОВСКИЙ

* * *

Каким ты был, таким остался,
Орёл степной, казак лихой!
Зачем, зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?

Зачем опять в своих утратах
Меня хотел ты обвинить?

В одном, в одном я только виновата,
Что нету сил тебя забыть.

Свою судьбу с твоей судьбою
Пускай связать я не могла.
Но я жила, жила одним тобою,
Я всю войну тебя ждала.

Ждала, когда наступят сроки,
Когда вернёшься ты домой...
И горьки мне, горьки твои упрёки,
Горячий мой, упрямый мой!

Твоя печаль, твоя обида,
Твоя тревога ни к чему:
Смотри, смотри, душа моя открыта.
Тебе открыта одному.

Но ты взглянуть не догадался,
Умчался вдаль, казак лихой...
Каким ты был, таким ты и остался,
Но ты и дорог мне такой.

ОЙ, ЦВЕТЁТ КАЛИНА

Ой, цветёт калина
В поле у ручья.
Парня молодого
Полюбила я.

Парня полюбила
На свою беду:
Не могу открыться,
Слова не найду.

Он живёт, не знает
Ничего о том,
Что одна дивчина
Думает о нём...

У ручья с калины
Облетает цвет,
А любовь девичья
Не проходит, нет.

А любовь девичья
С каждым днём сильней.
Как же мне решиться —
Рассказать о ней?

Я хожу, не смея
Волю дать словам...
Милый мой, хороший,
Догадайся сам!

ИВУШКА

Зорька золотая
Светит над рекой.
Ивушка родная,
Сердце успокой.

Припев:

Ивушка зелёная,
Над рекой склонённая,
Ты скажи, скажи не тая,
Где любовь моя?

Были с милым встречи
У твоих ветвей,
Пел нам каждый вечер
Песни соловей.

Припев.

Но ушёл любимый,
Не вернётся вновь.
С песней соловьиной
Кончилась любовь.

Припев.

• Вопросы

1. Какие из этих песен вам знакомы?
2. Какая особенность стихотворных произведений содействует тому, чтобы они стали песнями? Что их роднит с народными песнями?
3. В каждой ли песне есть *припев*? Какие из этих песен вошли в фильмы?



ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ФИЛИП ДОРМЕР СТЕНХОП
ЧЕСТЕРФИЛД**
1694—1773



Честерфилд — английский писатель, публицист, философ, историк. Литературную известность его имя приобрело после смерти, но и потом его личность неоднократно подвергалась переоценке: то его считали мудрым просветителем, педагогом, то объявляли беспринципным циником.

Честерфилд получил хорошее домашнее образование, закончил Кембриджский университет. Его сын жил вдали от него, однако отцовское чувство было сильным, свидетельством этого стали «Письма к сыну».

ПИСЬМА К СЫНУ

I

Милый мой мальчик!

Спасибо тебе за то, что ты беспокоишься о моём здоровье; я бы уже давно дал о себе знать, но здесь на водах не очень-то хочется писать письма. Мне лучше с тех пор, как я здесь, и поэтому я остаюсь ещё на месяц.

Синьор Дзамбони расточает мне через тебя больше похвал, чем я того стою. А ты постарайся заслужить всё, что он говорит о тебе; помни, что всякая похвала, если она не заслужена, становится жестокой насмешкой и даже больше того — оскорблением и всего нагляднее обличает людские пороки и безрассудства. Это риторическая фигура, имя которой ирония: человек говорит прямо противоположное тому, что думает. И вместе с тем — это ложь, ибо он ясно даёт понять, что думает совсем не то, что говорит, а как раз наоборот. Например, если кто-нибудь хвалит отъявленного мошенника за его порядочность и неподкуп-

ную честность, а круглого дурака — за его способности и остроумие, — ирония совершенно очевидна и каждый легко поймёт, что это не более как насмешка. Вообрази, что я стал бы превозносить тебя за то, что ты очень внимательно штудируешь свою книгу, и за то, что ты усвоил и помнишь до сих пор всё, что когда-то учил, — неужели ты сразу бы не заметил моей иронии, не почувствовал, что я смеюсь над тобой? Поэтому, когда тебя начинают за что-то превозносить, подумай хорошенько и реши, заслужил ты эту похвалу или нет; и если нет, то знай, что над тобой только издеваются и смеются; постарайся же в будущем быть достойным лучшего и сделать так, чтобы по отношению к тебе всякая ирония оказалась неуместной.

Передай от меня поклон м-ру Меттеру¹ и поблагодари его за письмо. Он пишет, что тебе снова предстоит взяться за латинскую и греческую грамматики; надеюсь, что к моему возвращению ты основательно их изучишь; но, если даже тебе это не удастся сделать, я всё равно похвалю тебя за прилежание и память. Прощай.

Тенбридж. 15 июля 1739 г.

II

Милый мой мальчик!

Ты занят историей Рима; надеюсь, что ты уделяешь этому предмету достаточно внимания и сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно них нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния; она показывает нам, как во все времена чтили и уважали людей великих и добродетельных при жизни, а также какою славою их увенчало потомство, увековечив их имена и донеся память о них до наших дней. В истории Рима мы находим больше примеров благородства и великодушия, иначе говоря — величия души, чем в истории какой-либо другой страны. Там никого не удивляло, что консулы и диктаторы (а как ты знаешь, это были их главные правители) оставляли свой плуг, чтобы вести армии на врага, а потом, одержав победу, снова брались за плуг и доживали свои дни в скромном уединении, — уединении более славном, чем все предшествующие ему победы! Немало величайших людей древности умерло такими бедными, что хоронить их приходилось на государственный счёт...

¹ *Métter* Майкл (1668—1748) — комментатор и издатель классических текстов; был приглашён Честерфилдом к сыну Филипу в качестве учителя латинского языка.

Милый мой мальчик!

Посылаю ещё несколько латинских корней, хоть и не очень уверен, что они так же придутся тебе по вкусу, как коренья, что растут в огороде; тем не менее, если ты серьёзно займёшься ими, они могут избавить тебя от больших неприятностей. Те немногие, которые ты получишь, разумеется, привлекут твоё внимание и ко многим другим и дадут тебе возможность, зная корневую основу, путём сравнения изучить большинство производных и сложных слов. Тебе уже достаточно лет, чтобы сознательно относиться ко всему, что тебе приходится изучать, и ты даже не представляешь себе, сколько времени и труда ты сэкономишь, если будешь сознательно относиться к делу. Помни, что тебе очень скоро исполнится девять лет — возраст, в котором каждый мальчик должен уже немало знать, а в особенности — ты, чьё воспитание потребовало таких усилий и такой заботы. Если же ты не оправдаешь возлагаемых на тебя надежд, то потеряешь своё доброе имя, а это — самое унижительное для человека благородного.

У каждого человека есть свои стремления, своё честолюбие, и он бывает огорчён, когда обманывается в своих ожиданиях; разница только в том, что у людей глупых само честолюбие тоже бывает глупым и устремлено не туда, куда следует, у людей же умных честолюбие законно и достойно всяческой похвалы. Например, если бы честолюбие какого-нибудь глупого мальчика твоего возраста сводилось к тому, чтобы хорошо одеваться и тратить деньги на разного рода сумасбродства, это, разумеется, не свидетельствовало бы о его достоинствах, а только о безрассудстве его родителей, готовых наряжать его как куклу и давать ему денег, чтобы этим его испортить. Умный же мальчик стремится превзойти своих сверстников, и даже тех, кто старше его, — как знаниями, так и нравственными своими качествами. Он горд тем, что всегда говорит правду, что расположен к людям и им сочувствует, что схватывает быстрее и учится старательнее, чем другие мальчики. Всё это подлинные доказательства его внутреннего достоинства и, следовательно, достаточные основания для честолюбия; качества эти утверждают за ним хорошую репутацию и помогут ему выработать твёрдый характер. Всё это в равной мере справедливо не только для детей, но и для взрослых: честолюбие глупца ограничивается стремлением иметь хороший выезд, хороший дом и хорошее платье — вещи, завести которые с таким же успехом мо-

жет всякий, у кого много денег, ибо всё это продаётся. Честолюбие же человека умного и порядочного заключается в том, чтобы выделиться среди других своим добрым именем и быть ценным за свои знания, правдивость и благородство, качества, которые нигде не могут быть куплены, а могут быть приобретены только тем, у кого ясная голова и доброе сердце. Таким было честолюбие лакедемонян¹ и римлян, когда они прославились больше всех остальных народов; таким надеюсь, всегда будет и твоё. Прощай.

Перевод А. Шадрина

● *Вопросы и задание*

1. Вы впервые познакомились с замечательным писателем Честерфилдом. Перескажите кратко то, что вы о нём узнали.
2. Какое впечатление оставили у вас его письма к сыну? В чём смысл этих писем? Каковы советы отца? Что для него важно? Назидательны ли эти письма или полезны и интересны одновременно?
3. Как вы думаете, последует ли сын этим советам? Часто советы унижают человека, иногда возвышают. Слышится ли в них доверие автора к сыну и его способностям?
4. Как вы считаете, было ли вам полезно чтение писем английского писателя? Что вы узнали из них? Над чем задумались?
5. Как Честерфилд определяет иронию? Современны ли такое определение скрытой насмешки?
6. Что пишет писатель о пользе изучения истории? Только ли примеры добродетели даёт нам история человечества? Только ли положительные примеры способствуют воспитанию человека?
7. Честолюбие — это хорошо или плохо? Что думает об этом Честерфилд? Согласны ли вы с писателем?

¹ *Лакедемоняне* — народ в Спарте.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

1759—1805

Ф. Шиллер — немецкий писатель, поэт, драматург, философ и историк. На протяжении всего творческого пути драматургия оставалась излюбленным жанром Шиллера. Его баллады воспринимаются как отголоски стародавних времён, когда разного рода поверья и предания соседствуют с реальностью.

Творчеством Ф. Шиллера очень интересовался А. С. Пушкин.



ПЕРЧАТКА

Баллада

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышных ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит,

Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукою махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прынул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт,
И крадётся, косясь взглядом,

И лижет морду языком.
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

Перевод В. Жуковского

• Вопросы и задание

1. О каком короле идёт речь в балладе «Перчатка»?
2. Какой эпизод в балладе напоминает нам балладу «Кубок» и чем?
3. Интересны ли вам герои? Кому вы сочувствуете? Кого осуждаете? Попробуйте в классе инсценировать эту балладу или подготовьте её выразительное чтение.

ВАЛЬТЕР СКОТТ

1771—1832



В. Скотт жил на рубеже XVIII и XIX веков, в ту переломную эпоху, когда феодальные отношения сменялись буржуазными. Феодально-патриархальная Шотландия уходила в прошлое: на смену ей приходила Шотландия буржуазно-помещичья. Смена формаций влекла за собой возникновение и развитие новых форм идеологии, новых явлений в литературе и искусстве; она обостряла интерес к прошлому, к истории, породила стремление разобраться в закономерностях её развития. В философии, науке и литературе это стремление осуществлялось различными путями. Величие и сила В. Скотта заключаются в том, что он соединил в своём творчестве глубокое изучение истории с философским осмыслением событий прошлого и блестящим художественным мастерством романиста.

Современники В. Скотта зачитывались его романами. Их высоко оценили все крупнейшие писатели и критики XIX столетия. А. С. Пушкин сравнивал В. Скотта с Шекспиром. В. Г. Белинский назвал его «Колумбом в сфере искусства». О. де Бальзак считал его своим учителем. Историзм творчества В. Скотта имел большое значение для развития реалистического романа XIX века.

Увлекательность повествования, сила и яркость созданных им образов привлекали к романам В. Скотта детей и подростков. Многие поколения с упоением и восторгом погружались в богатый событиями многокрасочный мир, воссозданный на страницах книг великого шотландца.

Многие считают В. Скотта детским писателем. Однако, увлекая детей, раскрывая перед ними жизнь своей родины Шотландии, историю Англии, знакомя их с яркими страницами из прошлого Франции, В. Скотт многое даёт и взрослому читателю. Подлинно великий романист, он заставляет размышлять над событиями истории; знакомя с прошлым, он помогает понять настоящее, поднимает проблемы общественной нравственности, справедливости, ответственности за происходящие в мире события.

Создатель «Айвенго», «Пуритан» и «Роб Роя» родился в самом сердце Шотландии — в раскинувшемся на живописных холмах Эдинбурге. Во времена В. Скотта Эдин-

бург уже не был политическим центром страны. С начала XVIII века Шотландия перестала быть самостоятельным государством, став частью Соединённого Королевства Великобритании. О былом величии напоминали возвышающиеся на холмах полуразрушенные дворцы шотландских королей, знаменитый Эдинбургский замок, развалины Голирудского аббатства. Эдинбург с его архитектурными памятниками был самой историей. Всё здесь хранило память о прошлом Шотландии, о героических сражениях и народных восстаниях.

Отец В. Скотта был известным адвокатом. Изучению юриспруденции посвятил себя сразу же после окончания школы и будущий писатель. Работая в конторе отца, он познакомился с шотландским и английским законодательством.

Недолгая адвокатская практика, связанная с разъездами по стране, работа секретаря эдинбургского суда и шерифа одного из округов Шотландии — всё это помогло молодому В. Скотту познакомиться с жизнью страны и не прошло бесследно для будущего романиста.

Прошлое родины вызывало живой интерес у В. Скотта. Ещё в раннем детстве он познакомился с многочисленными семейными преданиями, с историей своих предков. Это был первый шаг к занятиям историей. С годами круг интересов расширялся. В. Скотт начинает собирать памятники шотландского фольклора, записывает баллады и песни. Он посещает места исторических событий, делает макеты старинных замков и крепостей. Детские увлечения романтикой страны сменяются глубоким и систематическим изучением истории Шотландии, Англии и других европейских стран.

Народная поэзия вдохновила В. Скотта на литературное творчество. Он создаёт романтические баллады — «Гленфинлас, или Плач над лордом Роналдом», «Иванова ночь» (под названием «Замок Смальгольм» эта баллада хорошо известна в переводе В. А. Жуковского).

Понять своеобразие исторических романов В. Скотта нельзя без анализа его мировоззренческих позиций. Мировоззрение писателя было противоречивым. Он придерживался консервативных взглядов, поддерживал правительство тори и был сторонником конституционной монархии. Объективно В. Скотт признавал право народа на борьбу против угнетения, но опасался революционных преобразований, его пугала идея народовластия. И всё же консерватизм писателя не был последовательным. Он понимал ту большую роль, которая принадлежала в истории народным массам, он поднимал свой голос в защиту народа и

отразил в своих лучших романах народную точку зрения на происходящие события.

За свою жизнь В. Скотт написал 28 романов, несколько повестей и рассказов. Многие его романы посвящены истории Шотландии: «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» (1814), «Гай Маннеринг» (1815), «Антикварий» (1816), «Пуритане» (1816), «Роб Рой» (1817). Историческое прошлое Англии воспроизведено в романах «Айвенго» (1819), «Монастырь» (1820), «Аббат» (1820), «Кенильворт» (1820), «Вудсток» (1826). В «Квентине Дорварде» (1823) описаны события, происходившие во Франции во времена правления Людовика XI.

Условием создания подлинно исторического романа В. Скотт считал серьёзную проблематику и историческую точность. Тщательно и добросовестно изучал писатель исторические памятники, документы, костюмы, обычаи.

В. Г. Белинский писал:

«Когда мы читаем исторический роман Вальтера Скотта, то как бы делаемся сами современниками эпохи, гражданами страны, в которой совершается событие романа, и получаем о них в форме живого созерцания более верное понятие, нежели какое могла бы нам дать о них какая угодно история.»

И всё же главное в романах В. Скотта не быт и нравы далёких времён, а изображение истории в её движении и развитии. В предисловии к роману «Айвенго» автор писал, что для воспроизведения исторического прошлого вовсе не обязательно пользоваться архаизированным языком и делать примитивными человеческие чувства. Он подчёркивал, что романист должен рассматривать историю с позиций человека своего времени. Этой точки зрения В. Скотт последовательно придерживался в своём творчестве.

Каждый из романов В. Скотта открывает перед читателем целый мир важных исторических событий и больших человеческих чувств. В своём единстве его романы восстанавливают грандиозную панораму жизни Англии и Шотландии на протяжении нескольких столетий (с конца XII до начала XIX века).

С историей утверждения феодальных отношений в средневековой Англии связано действие романа «Айвенго». События, описанные в этом романе, происходят в конце XII века. Это был период борьбы между англосаксами, жившими на территории Англии уже несколько веков, и завоевателями — нормандцами, завладевшими Англией в конце XI века. Борьба усложнялась социальными проти-

воречиями между крепостным крестьянством и феодалами (как нормандцами, так и англосаксами). В этот же период шла борьба за централизацию королевской власти, борьба короля Ричарда против феодалов. В романе В. Скотта и представлена эта сложная эпоха переустройства Англии.

Многообразна галерея действующих лиц романа: представители старой англосаксонской знати (Седрик, Ательстан), нормандские феодалы и рыцари (Фрон де Беф, де Мальвуазен, де Браси), крестьяне-рабы (Гурт и Вамба), церковники (аббат Эймер, великий магистр Лука Боманор, монахи), король Ричард Львиное Сердце, ведущий борьбу против феодальной клики, возглавляемой его братом принцем Джоном. В. Скотт даёт острые социальные характеристики феодалов-угнетателей, рисует реалистическую картину жестокости феодальных порядков и нравов.

Средневековье изображено в романе как кровавый и мрачный период. Роман даёт представление о безграничном произволе феодалов, о превращении рыцарских замков в разбойничьи притоны, о бесправии и нищете крестьян, о жестокости рыцарских турниров и бесчеловечности процессов над ведьмами. Эпоха предстаёт во всей её суровости.

Уже в самом начале повествования подчёркнут контраст между красотой и величием природы «той прелестной области весёлой Англии, которая орошается рекою Ден», и условиями жизни народа. Две человеческие фигуры возникают на фоне лесного пейзажа; на шее каждого из них надеты металлические кольца, «вроде собачьего ошейника, наглухо запаянного». На одном было написано: «Гурт, сын Беовульфа, прирождённый раб Седрика Ротервудского», на другом: «Вамба, сын Уитлисса Безмозглого, раб Седрика Ротервудского». Крестьяне-рабы ведут разговор о положении дел в стране.

«У нас остался только воздух, которым мы дышим, — говорит Гурт, — да и его у нас не отняли потому только, что иначе мы не были бы способны выполнять работу, наваленную на наши плечи. Что покрупнее да пожирнее, то к их столу; женщин покрасивее — на их ложе; самые храбрые из нас должны служить в войсках под началом чужеземцев и устилать своими костями дальние страны, а здесь остаются лишь немногие, да и у тех нет ни сил, ни желания защищать несчастных саксонцев».

Вамба выражает своё отношение к нормандским феодалам, напевая песенку:

Нормандские пилы на наших дубах,
Нормандское иго на наших плечах,
Нормандская ложка в английской каше,
Нормандцы правят родиной нашей.

Изображение народа и его вожаков представляет особый интерес в романе. В народных сценах и в народных характерах отчётливо проявилась связь творчества В. Скотта с фольклорной традицией. Прежде всего это чувствуется в образе Робина Гуда, созданного на основе народных преданий, английских баллад. В соответствии с народными балладами и песнями В. Скотт описал Робина Гуда как подлинно народного героя, борца с несправедливостью.

В лучших романах В. Скотта отразилось понимание закономерности исторического развития, справедливого характера борьбы народа против феодальной тирании. Как создатель жанра исторического романа В. Скотт вошёл в мировую литературу, заняв место в первом ряду её лучших представителей.

По материалам статей Д. Урнова

• Вопросы и задания

1. Исследовательница творчества зарубежных писателей Н. П. Михальская считает, что «Айвенго» является «блестящим образцом исторического романа В. Скотта как по значительности поставленных в нём проблем, так и по мастерству и глубине их разработки». Если вы читали другие романы В. Скотта, то подумайте, согласны ли вы с такой точкой зрения. Обоснуйте своё суждение цитатами из текста.
2. Чем интересны для вас исторические романы В. Скотта? Назовите прочитанные вами романы, их героев, основные события.
3. Какой герой из романов В. Скотта вызывает у вас особые симпатии? Расскажите об этом герое подробно.



О. ГЕНРИ

1862—1910

О. Генри (Уильям Сидни Портер) — американский писатель.

В 7 классе вы прочитали интересный рассказ О. Генри «Дары волхвов». Помните ли вы его содержание, героев? Полюбили ли вы их?

В этой книге вы найдёте ещё один рассказ, который называется «Родственные души». Рассказ этот юмористический, но не только. Обратите внимание на душевные переживания героев. Подумайте, о чём писатель хочет сказать читателю.

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Вор быстро скользнул в окно и замер, стараясь освоиться с обстановкой. Всякий уважающий себя вор сначала освоится среди чужого добра, а потом начнёт его присваивать.

Вор находился в частном особняке. Заколоченная парадная дверь и неподстриженный плющ подсказали ему, что хозяйка дома сидит сейчас где-нибудь на мраморной террасе, омываемой волнами океана, и объясняет исполненному сочувствия молодому человеку в спортивной морской фуражке, что никто никогда не понимал её одинокой и возвышенной души. Освещённые окна третьего этажа в сочетании с концом сезона, в свою очередь, свидетельствовали о том, что хозяин уже вернулся домой и скоро потушит свет и отойдёт ко сну. Ибо сентябрь — такая пора в природе и в жизни человека, когда всякий добропорядочный семьянин приходит к заключению, что стенографистки и кафе на крышах — тщета и суета, и, ощутив в себе тягу к благопристойности и нравственному совершенству как ценностям более прочным, начинает поджидать домой свою законную половину.

Вор закурил папиросу. Прикрытый ладонью огонёк спички осветил на мгновение то, что было в нём наиболее выдающегося, — длинный нос и торчащие скулы. Вор принадлежал к третьей разновидности. Эта разновидность ещё не изучена и не получила широкого признания. Полиция познакомила нас только с первой и со второй. Класси-

фикация их чрезвычайно проста. Отличительной приметой служит воротничок.

Если на пойманном воре не удаётся обнаружить крахмального воротничка, нам заявляют, что это опаснейший выродок, вконец разложившийся тип, и тотчас возникает подозрение — не тот ли это закоренелый преступник, который в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году выкрал наручники из кармана полицейского Хэннесси и нахально избежал ареста.

Представитель другой широко известной разновидности — это вор в крахмальном воротничке. Его обычно называют вор-джентльмен. Днём он либо завтракает в смокинге, либо расхаживает, переодевшись обойщиком, вечером же приступает к своему основному, гнусному занятию — ограблению квартир. Мать его — весьма богатая, почтенная леди, проживающая в респектабельнейшем Ошеан-Гроув, и, когда его препровождают в тюремную камеру, он первым делом требует себе пилочку для ногтей и «Полицейскую газету». У него есть жена в каждом штате и невесты во всех территориях, и газеты сериями печатают портреты жертв его матримониальной страсти, используя для этого извлечённые из архива фотографии недужных особ женского пола, от которых отказались все доктора и которые получили исцеление от одного флакона патентованного средства, испытав значительное облегчение при первом же глотке.

На воре был синий свитер. Этот вор не принадлежал ни к категории джентльменов, ни к категории поваров из Адовой кухни. Полиция, несомненно, стала бы в тупик при попытке его классифицировать. Ей ещё не доводилось слышать о солидном, степенном воре, не проявляющем тенденции ни опуститься на дно, ни залететь слишком высоко.

Вор третьей категории начал крадучись продвигаться вперёд. Он не носил на лице маски, не держал в руке потайного фонарика, и на ногах у него не было башмаков на каучуковой подошве. Вместо этого он запасся револьвером тридцать восьмого калибра и задумчиво жевал мятную резинку.

Мебель в доме ещё стояла в чехлах. Серебро было убрано подальше — в сейфы. Вор не рассчитывал на особенно богатый улов. Путь его лежал в тускло освещённую комнату третьего этажа, где хозяин дома спал тяжёлым сном после тех усад, которые он так или иначе должен был находить, дабы не погибнуть под бременем одиночества. Там и следовало «пощупать» на предмет честной, законной, профессиональной поживы. Может, попадётся немного де-

нег, часы, булавка с драгоценным камнем... словом, ничего сногшибательного, выходящего из ряда вон. Просто вор увидел распахнутое окно и решил попытаться счастья.

Вор неслышно приоткрыл дверь в слабо освещённую комнату. Газовый рожок был привёрнут. На кровати спал человек. На туалетном столике в беспорядке валялись различные предметы — пачка смятых банкнот, часы, ключи, три покерные фишки, несколько сломанных сигар и розовый бант. Тут же стояла бутылка сельтерской, припасённая на утро для прояснения мозгов.

Вор сделал три осторожных шага по направлению к столику. Спящий жалобно застонал и открыл глаза. И тут же сунул правую руку под подушку, но не успел вытащить её обратно.

— Лежать тихо! — сказал вор нормальным человеческим голосом. Воры третьей категории не говорят свистящим шёпотом. Человек в постели посмотрел на дуло направленного на него револьвера и замер.

— Руки вверх! — приказал вор.

У человека была каштановая с проседью борода клинышком, как у дантистов, которые рвут зубы без боли. Он производил впечатление солидного, почтенного обывателя и был, как видно, весьма желчен, а сейчас вдобавок чрезвычайно раздосадован и возмущён. Он сел в постели и поднял правую руку.

— А ну-ка, вторую! — сказал вор. — Может, вы двусмысленный и стреляете левой. Вы умеете считать до двух? Ну, живо!

— Не могу поднять эту, — сказал обыватель с болезненной гримасой.

— А что с ней такое?

— Ревматизм в плече.

— Острый?

— Был острый. Теперь хронический.

Вор с минуту стоял молча, держа ревматика под прицелом. Он глянул украдкой на туалетный столик с разбросанной на нём добычей и снова в замешательстве уставился на человека, сидевшего в постели. Внезапно его лицо тоже исказила гримаса.

— Перестаньте корчить рожи! — с раздражением крикнул обыватель. — Пришли грабить, так грабьте. Забирайте, что там на туалете.

— Прошу прощенья, — сказал вор с усмешкой. — Меня вот тоже скрутило. Вам, знаете ли, повезло — ведь мы с ревматизмом старинные приятели. И тоже в левой. Всякий другой на моём месте продырявил бы вас насквозь, когда вы не подняли свою левую клешню.

— И давно у вас? — поинтересовался обыватель.

— Пятый год. Да теперь уж не отвяжется. Стоит только заполучить это удовольствие — пиши пропало.

— А вы не пробовали жир гремучей змеи? — с любопытством спросил обыватель.

— Галлонами изводил. Если всех гремучих змей, которых я обезжирил, вытянуть цепочкой, так она восемь раз достанет от Земли до Сатурна, а уж греметь будет так, что заткнут уши в Вальпарайсо.

— Некоторые принимают «Пилюли Чизельма», — заметил обыватель.

— Шарлатанство, — сказал вор. — Пять месяцев глотал эту дрянь. Никакого толку. Вот когда я пил «Экстракт Финкельхема», делал припарки из «Галаадского бальзама» и применял «Поттовский болеутоляющий пульверизатор», вроде как немного полегчало. Только сдаётся мне, что помог главным образом конский каштан, который я таскал в левом кармане.

— Вас когда хуже донимает, по утрам или ночью?

— Ночью, — сказал вор. — Когда самая работа. Слушайте, да вы опустите руку... Не станете же вы... А «Бликерстафовский кровоочиститель» вы не пробовали?

— Нет, не приходилось. А у вас как — приступами или всё время ноет?

Вор присел в ногах кровати и положил револьвер на колено.

— Скачками, — сказал он. — Набрасывается, когда не ждёшь. Пришлось отказаться от верхних этажей — раза два уже застрял, скрутило на полдороге. Знаете, что я вам скажу: ни черта в этой болезни доктора не смыслят.

— И я так считаю. Потратил тысячу долларов, и всё впустую. У вас распухает?

— По утрам. А уж перед дождём — просто мочи нет.

— Ну да, у меня тоже. Стоит какому-нибудь паршивому облачку величиной с салфетку тронуться к нам в путь из Флориды, и я уже чувствую его приближение. А если случится пройти мимо театра, когда там идёт мелодрама «Болотные туманы», сырость так вопьётся в плечо, что его начинает дёргать, как зуб.

— Да, ничем не уймёшь. Адовы муки, — сказал вор.

— Вы правы, — вздохнул обыватель.

Вор поглядел на свой револьвер и с напускной развязностью сунул его в карман.

— Послушайте, приятель, — сказал он, стараясь преодолеть неловкость. — А вы не пробовали оподельдок?

— Чушь! — сказал обыватель сердито. — С таким же успехом можно втирать коровье масло.

— Правильно, — согласился вор. — Годится только для крошки Минни, когда киска оцарапает ей пальчик. Скажу вам прямо — дело наше дрянь. Только одна вещь на свете помогает. Добрая, старая, горячительная, веселящая сердце выпивка. Послушайте, старина... вы на меня не сердчайте... Это дело, само собой, побоку... Одевайтесь-ка и пойдём выпьем. Вы уж простите, если я... ух ты, чёрт! Опять схватил, гадюка!

— Скоро неделя, как я лишён возможности одеваться без посторонней помощи, — сказал обыватель. — Боюсь, что Томас уже лёг, и...

— Ничего, вылезайте из своего логова, — сказал вор. — Я помогу вам нацепить что-нибудь.

Условности и приличия мощной волной всколыхнулись в сознании обывателя. Он погладил свою седеющую бородку.

— Это в высшей степени необычно... — начал он.

— Вот ваша рубашка, — сказал вор. — Нырять в неё. Между прочим, один человек говорил мне, что «Растирание Омберри» так починило его в две недели, что он стал сам завязывать себе галстук.

На пороге обыватель остановился и шагнул обратно.

— Чуть не ушёл без денег, — сказал он. — Выложил их вчера на туалетный столик.

Вор поймал его за рукав.

— Ладно, пошли, — сказал он грубовато. — Бросьте это. Я вас приглашаю. На выпивку хватит. А вы никогда не пробовали «Чудодейственный орех» и мазь из сосновых иголок?

Перевод Т. Озерской

• Вопросы и задание

1. Понравился ли вам рассказ? К юмористическим или сатирическим вы бы его отнесли?
2. Почему вор не стал грабить? Что примирило героев рассказа?
3. Попробуйте инсценировать рассказ в классе.
4. Какие рассказы этого автора вы читали раньше?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Викторины, занимательные рассказы, юмористические рисунки, анекдоты...

Викторина

ЧТО? ГДЕ? КОГДА?

1. Назовите:

- псевдонимы А. М. Пешкова, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова;
- города, сёла, поместья, связанные с именами А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Ю. Лермонтова;
- произведения различных авторов с одинаковым названием;
- писателей, которые создавали литературные сказки.

2. Ответьте на вопросы:

- Есть ли произведения Л. Толстого, М. Горького, похожие по названию?
- Каких известных писателей, родившихся в Москве, вы знаете?
- Какие памятники писателям созданы скульптором А. М. Опекушиным?
- К каким произведениям созданы иллюстрации В. Васнецова, И. Билибина, Кукрыниксов, Н. Муратова, В. Серова?

* * *

Рассмотрите (на выбор) помещённые в книге портреты писателей. Назовите имена художников — авторов этих портретов. Вспомните других художников — авторов портретов великих писателей.

* * *

Прочитайте и перескажите.

СМЕХ — ДЕЛО СЕРЬЁЗНОЕ

Смех увеличивает продолжительность жизни — к такому выводу пришли врачи из шведского города Мутала. В одной из центральных клиник города начал работать «кабинет смеха», где больные будут проходить сеансы «смехотерапии». По мнению доктора Ларса Лjungдала, смех и шутки особенно положительно влияют на людей, страдающих заболеваниями, которые связаны с постоян-

ными болевыми ощущениями. Смех улучшает общее состояние организма, что чрезвычайно важно для лечения.

ИСТОРИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ЗНАКА

Это случилось в XV веке в городе Венеция. Книготорговец Альдус Мануций, который был владельцем типографии и наборщиком, однажды решил перед вопросительным предложением поставить букву Q, потому что это первая буква латинского слова «квесцис» — «вопрос». Эта буква стала родоначальницей нового знака препинания. В конце XVI века из неё возник хорошо нам известный вопросительный знак. Он образовался из крючка в правом углу буквы, внизу появилась и точка. К сожалению, никто не зафиксировал, когда и где она появилась впервые.

Кстати, в испанском языке и доныне вопросительный знак стоит не только в конце фразы, но и в её начале.

СКОЛЬКО ВЕСИТ ТОЧКА?

Запятая, введённая также Альдусом Мануцием на рубеже XV и XVI столетий, в двадцать пять раз тяжелее точки. А точка весит восемь тысячных миллиграмма. Это было установлено не так давно путём взвешивания в одном из научно-исследовательских институтов точки, нанесённой карандашом.

Собрал Н. Шаховнин

СТЕНА ИЗ ФОЛИАНТОВ

В одной из крупнейших библиотек мира, Британском музее, хранится семь миллионов книг и рукописей различных эпох. Если их установить в один ряд, получится стена длиной сто пятьдесят километров.

КНИГОЛЮБСТВО ПУЩЕ НЕВОЛИ

Гарольд Стюарт из шотландского городка Баллатер — страстный поклонник творчества писателя Вальтера Скотта. Стюарт не только досконально знает содержание всех романов Скотта, но и стремится также отыскать

места, где происходили те или иные события, описанные в романах. Так, недавно он обнаружил место, где находился замок нормандского барона, описанного в романе «Айвенго». Перекопав зелёные холмы, Стюарт нашёл груды закопчённых камней, что свидетельствовало о том, что замок действительно сгорел во время штурма его осаждающими (как об этом говорилось в романе).

СОХРАНИТСЯ ЛИ ЯЗЫК АЙНОВ?

Попытку сделать почти невозможное — восстановить живой язык небольшой народности айнов, проживающей на севере Японии, предприняла группа японских учёных-лингвистов. Народ айнов, являющихся коренными жителями острова Хоккайдо, в течение столетий подвергался безжалостной дискриминации и эксплуатации как «неполноценный». Айны были согнаны в резервации, лишены своих исконных земель. До сих пор бесплодными остаются попытки притесняемой народности добиться у властей разрешения открыть школу с преподаванием на родном языке. В результате число айнов, говорящих на родном языке, к настоящему времени сократилось приблизительно до 20 человек. Подготовленная группой этнологов видеопрограмма по изучению языка айнов преследует цель помочь этой народности вновь обрести свой родной язык.

ПОПУЛЯРНАЯ БУКВА

Если вы спросите у библиотечных работников или у делопроизводителей, с какой буквы чаще всего начинаются фамилии проходящих к ним людей, то они, не задумываясь, ответят: с «к». Это вовсе не означает, что Ковалёвы, Красновы, Кузьменко — самые читающие или «самые жалобщики». Просто фамилий на «к» во много раз больше, чем на любую другую букву. Значит, и слов больше? Конечно...

В однотомной Большой советской энциклопедии из 1600 страниц статьи на «к» занимают 165 страниц, т. е. десятую часть. Для сравнения: на «л» — 57 страниц, а ведь это тоже «популярная» буква. В Большой советской энциклопедии (второе издание) — аналогичная картина: из 50 томов пять принадлежат словам на «к». Взяли «Политический словарь»: 165 страниц — под словами на «к», 72 — на «л».

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ПОЕЗД

Контролёр в поезде Париж — Ницца обращается к спокойно расположившейся в купе даме:

- Но у вас билет в Кале, а поезд идёт в Ниццу!
- Вот так раз! И часто ваши машинисты так ошибаются?

УТЕШЕНИЕ

— Папа, — говорит маленький Макс, — в задаче, которую ты мне вчера решил, оказалась ошибка.

— Да что ты говоришь? Вот досада!

— Не принимай это близко к сердцу, папа, другие папы тоже не могли её решить.

По Л. А. Дерibas и В. Г. Лобанову

ХУДОЖНИКИ УЛЫБАЮТСЯ...

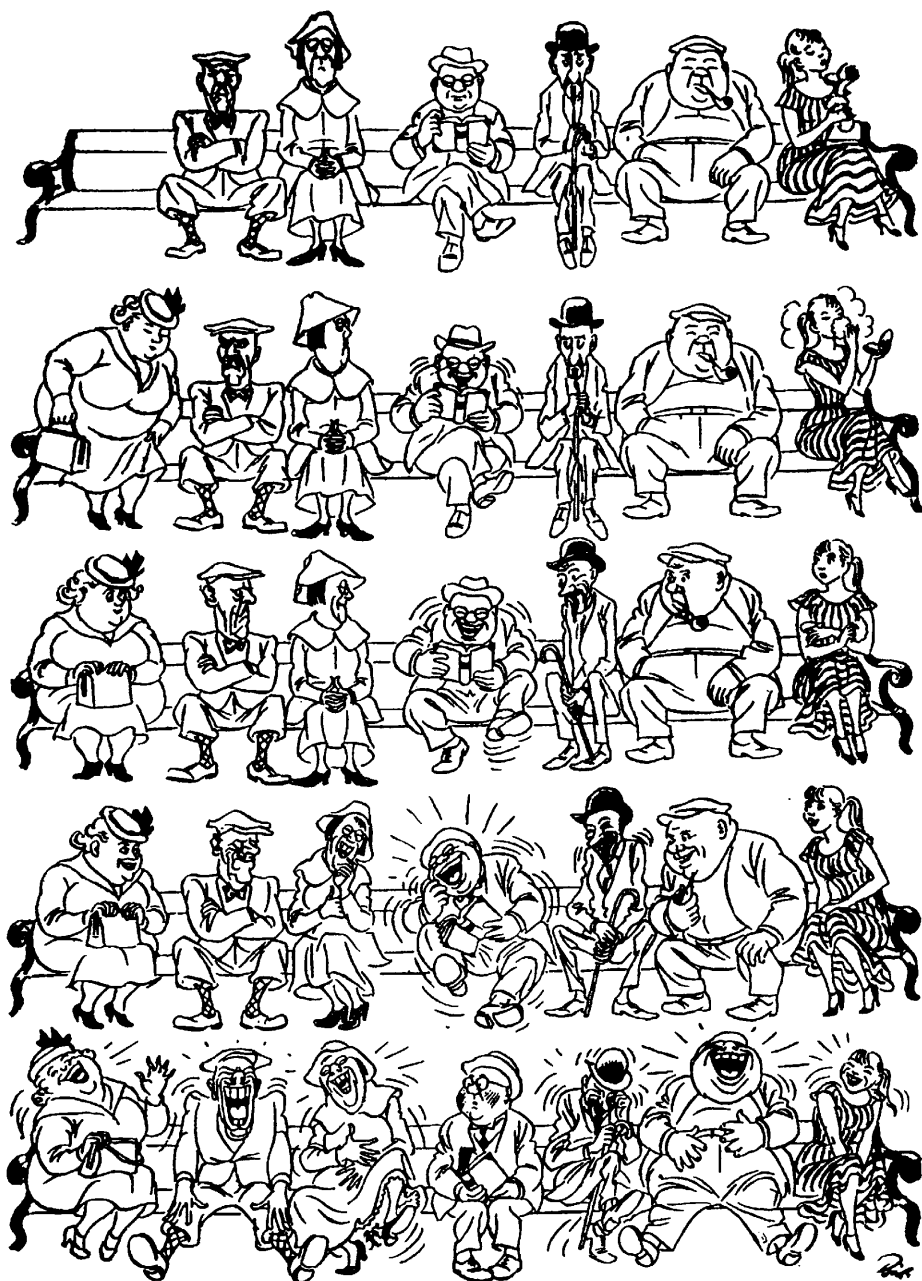
Что же вызывает нашу улыбку? Рассмотрите рисунки датского художника Х. Бидструпа, составьте рассказы к некоторым из них.

«КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН»



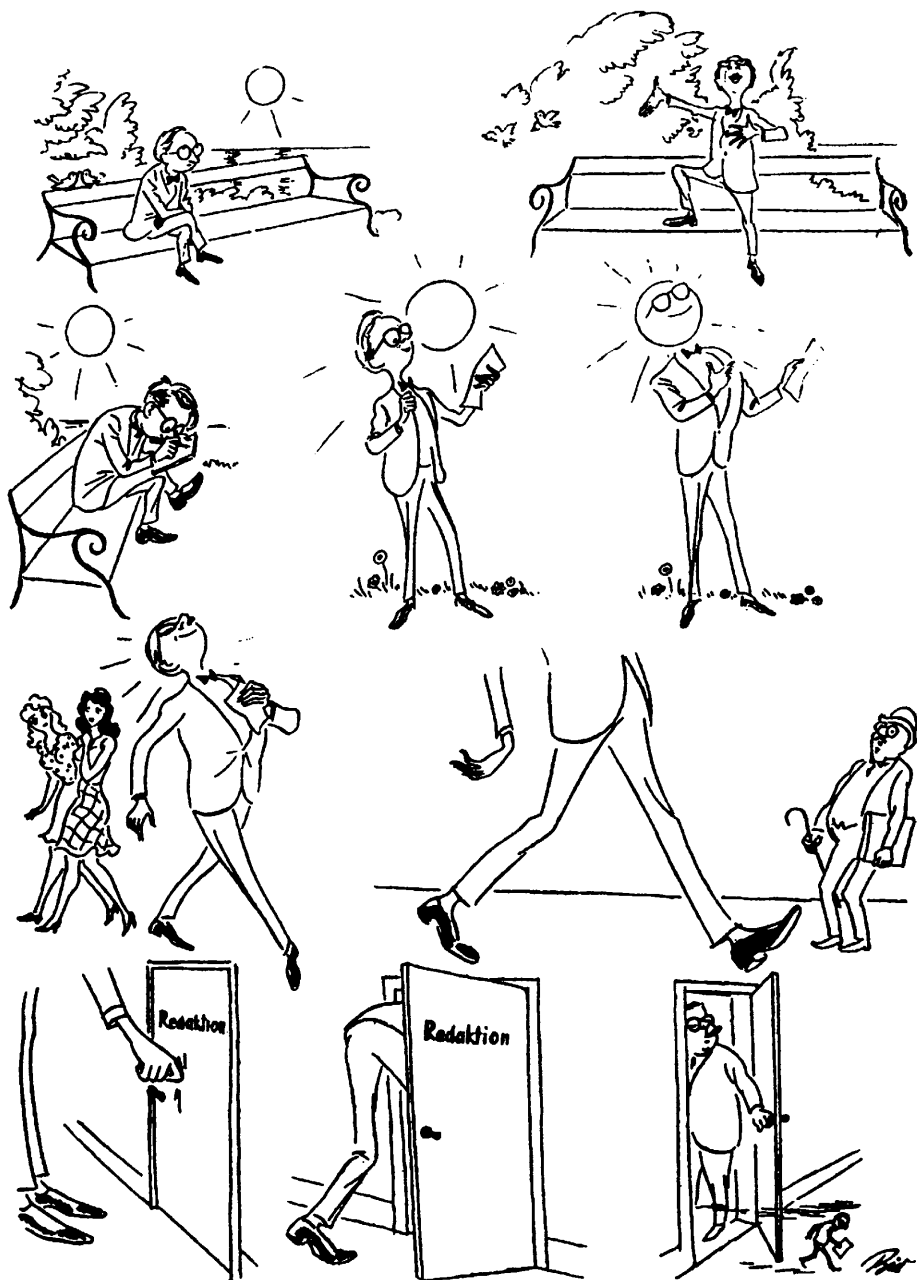
Что происходит в каждой из сцен? Опишите устно.

«БАЦИЛЛА СМЕХА»



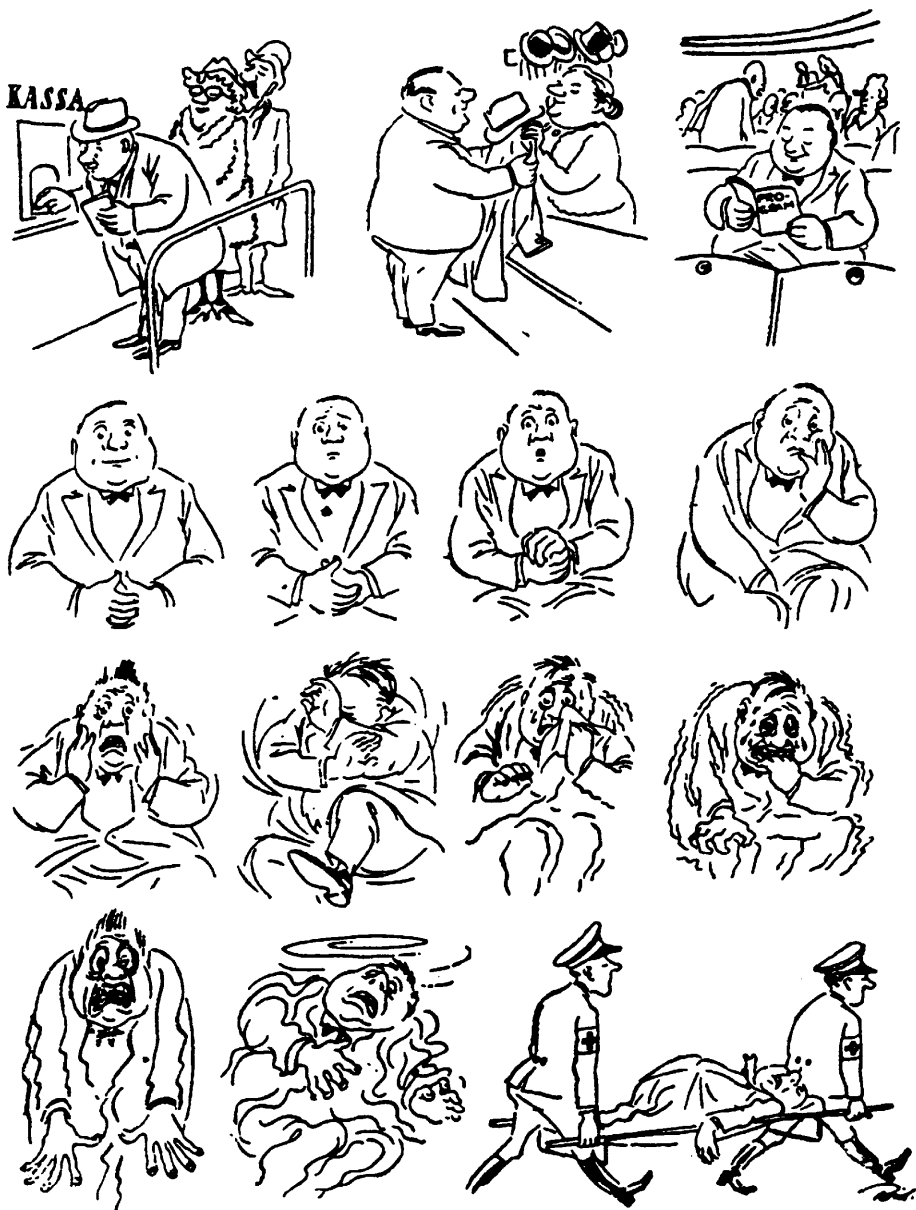
Как объяснить поведение героев?

«ПОЭТ»



Объясните состояние поэта в каждом из эпизодов.

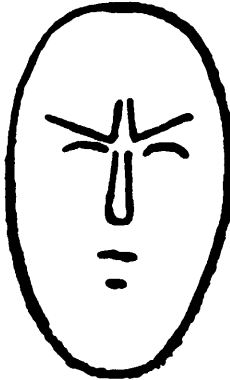
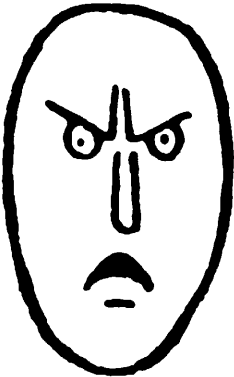
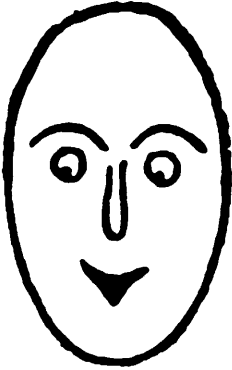
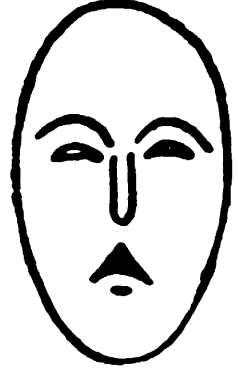
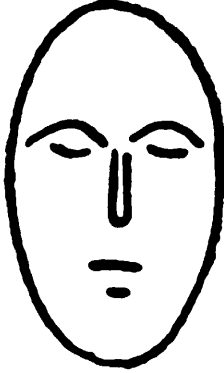
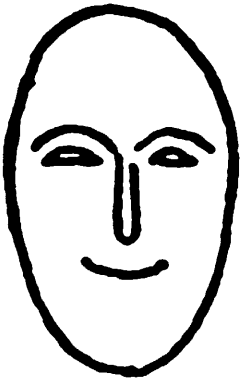
«КОМИКС»



Как вы понимаете слово *комикс*?

Как воспринимал герой Бидструпа комикс? К чему это привело? Подготовьте рассказ об этом.

Определите настроение или характер человека по его мимике.



СЛОВАРЬ

Прочитайте слова, которые мы называем *сленгом*. Подумайте, какие синонимы вместо них лучше употреблять в разговорной речи. Напишите эти слова рядом со сленговыми словами:

напрягаться —

туфта —

париться —

клёво, классно, супер —

кайф —

* * *

Познакомьтесь с небольшими рассказами. Подумайте, в чём их смысл.

*

В Испании за 1 час чтения подростку в библиотеке платят один евро. Как вы думаете, зачем это делается?

*

Один предприниматель купил голландских коров. Когда при них выругались матом, одна корова упала в обморок. Когда стали разговаривать грубо, с криком, коровы стали меньше давать молока.

О чём говорят эти рассказы?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От авторов</i>	3
<i>О талантливом читателе. С. Я. Маршак</i>	4
Русское устное народное творчество	
Русские народные песни	8
Исторические песни	—
Плач Ксении Годуновой	—
Лирические песни	9
«Ивушка, ивушка, зелёная моя!»	—
«Ах вы, ветры, ветры буйные...»	10
Частушки	12
Предания	13
О государственных деятелях России	—
Пётр и плотник	—
Царь Пётр и солдат	14
Из древнерусской литературы	
<i>Несколько предварительных слов о герое произведения</i>	16
Из «Жития Сергия Радонежского»	18
<i>Басни и баснописцы народов мира</i>	28
Эзоп	29
Лисица и виноград	—
Ворон и лисица	—
Федр	30
Бык и телёнок	—
Ж. де Лафонтен	—
Лисица и виноград	—
Г. Э. Лессинг	31
Обезьяна и лиса	—
Из русской литературы XVIII века	
<i>Русские басни</i>	33
В. К. Тредиаковский	—
Ворон и Лисица	34
А. П. Сумароков	—
Ворона и Лиса	35
И. И. Хемницер	36
Лев, учредивший совет	—
В. И. Майков	37
Вор и подьячий	—
И. И. Дмитриев	38
Муха	39
И. А. Крылов	40
<i>Поэт и мудрец</i>	—
Д. И. Фонвизин	48
<i>О комедии «Недоросль»</i>	—

Из русской литературы XIX века

К. Ф. Рылеев	54
Иван Сусанин	56
А. С. Пушкин	61
<i>Всегда с нами</i>	—
<i>Об исторических воззрениях А. С. Пушкина</i>	63
<i>Пушкин — наш товарищ</i>	64
<i>Пушкин и Горький</i>	65
<i>История России и род Пушкиных</i>	67
Арап Петра Великого	69
Моя родословная	101
<i>Анализ стихотворения А. С. Пушкина</i> <i>«Моя родословная»</i>	103
М. Ю. Лермонтов	109
<i>В гостях у Лермонтова. Осенний день в Тарханах</i>	—
Воздушный корабль	114
Н. В. Гоголь	117
<i>Как воспринимать комедию Н. В. Гоголя «Ревизор»</i>	—
<i>В. Воропаев. «Горьким словом моим посмеюсь...»</i>	—
Н. А. Некрасов	120
<i>О стихе работающем и праздном</i>	—
И. С. Тургенев	124
М. Е. Салтыков-Щедрин	127
<i>Уроки Щедрина</i>	—
Л. Н. Толстой	130
Севастополь в декабре месяце	131
А. П. Чехов	148
Тоска	149

Из литературы XX века

И. А. Бунин	155
«Твой труд переживёт тебя, поэт...»	—
Солнечный удар	157
А. И. Куприн	164
На разъезде	—
Максим Горький	174
Песня о Соколе	176
А. А. Блок	182
<i>Россия Александра Блока</i>	184
С. А. Есенин	188
<i>Поэзия Есенина в наши дни</i>	—
<i>Пушкин и Есенин о Пугачёве</i>	191

Писатели русского зарубежья

<i>Тема оставленной Родины</i>	197
З. Н. Гиппиус	—
Над забвением	—

Тэффи	198
Ностальгия	199
Дон-Аминадо	202
Колыбельная	204
Уездная сирень	206
А. Т. Твардовский	207
<i>Ради жизни на земле</i>	—
<i>Над книгой Александра Твардовского</i>	210
А. П. Платонов	215
Житейское дело (Следом за сердцем)	216
В. П. Астафьев	234
Яшка-лось	235

Родная природа в произведениях русских поэтов

И. С. Никитин	246
«Ярко звёзд мерцанье...»	—
Ф. И. Тютчев	247
Весенние воды	—
«Как весел грохот летних бурь...»	—
«Как хорошо ты, о море ночное...»	248
«Обвеян вещею дремотой...»	249
К. С. Аксаков	250
Весна	—
Н. А. Заболоцкий	254
Сентябрь	—

Песни о любви на слова поэтов XX века

А. Фатьянов	256
«На крылечке твоём...»	—
М. Исаковский	—
«Каким ты был, таким остался...»	—
Ой, цветёт калина	257
В. Алфёров	258
Ивушка	—

Из зарубежной литературы

Ф. Д. С. Честерфилд	259
Письма к сыну	—
Ф. Шиллер	263
Перчатка	—
В. Скотт	265
О. Генри	270
Родственные души	—
<i>Приложение. Викторины, занимательные рассказы, юмористические рисунки, анекдоты...</i>	275